

ISSN 1813–8101

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

· 2016 №1 (29) ·

**ТЕМА НОМЕРА: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

**ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

№ 1 (29) • 2016

Научный журнал
Выходит 4 раза в год
Основан в 1900 г.
Возобновлён в 1994 г.

Бутырин Д. А. Цензор из Восточного института 4

СОЦИУМ

Агапов В. Л. Советник Ундриц
и китайские коммерсанты 13

Лыкова Е. А. «Корейский вопрос» в аграрной
политике Советского государства
на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы 26

КУЛЬТУРА

Фетисова Л. Е. Повествовательный фольклор
тунгусо-маньчжурских народов
в свете этнокультурных контактов 33

Сонин В. В. Российские профессора-эмигранты
в китайском университете Цинхуа
(30–50-е гг. XX века) 40

Осипова Э. В. Формирование межкультурных
отношений молодого творческого коллектива
(на примере Приморского филиала
Государственного академического
Мариинского театра) 49

ПОЛИТИКА

Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. «Германская карта»
в политической борьбе на Дальнем Востоке России
(октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.) 56

Лаврентьев А. В. Российский Дальний Восток
и страны Северо-Восточной Азии:
некоторые итоги, проблемы и перспективы
транспортного сотрудничества 67

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Санина К. Г., Бочкарева Н. В. Методический
семинар «Внеаудиторная работа со студентами
как мотивация к изучению второго иностранного
языка. Роль культурологических знаний
в обучении восточному языку
как второму иностранному» 75

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дмитриевская О. Н., Штука В. И. Преподаватель
Владивостокской мужской гимназии Д. И. Дюков.
Биографический этюд (окончание) 82

ISSN 1813–8101 Бондаренко М. И., Золотухин И. Н. Угроза
Индекс 42398 формирования панисламского государства
в Юго-Восточной Азии 94

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

КЛУБ ИВИ

Кузнецов А. М. В поиске целостности, или Заметки учёного с полей международного сотрудничества АТР в сфере искусства (продолжение) 99

АРХИВ

Корнилова Л. Е. Пребывание Престононаследника Цесаревича Николая Александровича во Владивостоке (из воспоминаний Петра Унтербергера, перевод с немецкого языка) 115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Синенко И. Ю. Возвращение к истокам российско-американских отношений: «Диалог Форт-Росс» 124

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ ВОСТОКОВЕДА 129

ANNOTATED CONTENTS 131

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ 149

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. о. главного редактора А. А. Хаматова

Зам. главного редактора А. Л. Лукин

Ответственный редактор Я. А. Барбенко

С. М. Дударёнок	В. Л. Ларин	Е. А. Первушина
А. А. Киреев	М. Г. Лебедев	С. К. Песцов
В. В. Кожевников	Г. Н. Ловцевич	Е. А. Поправко
А. М. Кузнецов	З. Ф. Моргун	С. В. Севастьянов
В. С. Кузнецов	О. В. Николаева	И. А. Толстокулаков
В. И. Курилов	В. Д. Николаенко	Е. С. Шереметьева

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (Том 1. Газеты и журналы). Подписной индекс журнала: **42398**

Почтовый адрес редакции: 690950 г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, редакция журнала «Известия Восточного института»

Фактический адрес: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 223-00-21

Эл. почта: izvestyavi@yandex.ru

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2016

Published on behalf of Oriental Institute—School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University

---

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 1 (29) • 2016

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 1813-8101

Acting Editor-in-Chief: Anna A. Khamatova

Deputy Editor-in-Chief: Artyom L. Lukin

Secretary-in-Chief: Yaroslav A. Barbenko

Editorial Board:

Svetlana M. Dudarenok
Anton A. Kireev
Vladimir V. Kozhevnikov
Anatoliy M. Kuznetsov
Vladimir S. Kuznetsov
Vladimir I. Kurilov
Viktor L. Larin
Maria G. Lebedko
Galina N. Lovtsevich
Zoya F. Morgun
Olga V. Nikolaeva
Valeriy D. Nikolaenko
Elena A. Pervushina
Sergey K. Pestsov
Elena A. Popravko
Sergey V. Sevastyanov
Igor A. Tolstokulakov
Elena S. Sheremetyeva

English Editing: Viktoriya L. Zavyalova

Please look for abstracts and references in *Annotated Contents* section on pages 131–148

Editorial office post address: 8, Sukhanova st., Vladivostok, 690950, Russia
Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia

Tel.: +7 423 223-00-21

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Web: http://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ or bit.ly/1oEy3yJ

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of *OIJ*, see information upward.

The viewpoints expressed in *OIJ* are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

Восточный институт: история и современность

БУТЫРИН Дмитрий Александрович,

канд. культурологии, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: www1979@mail.ru

УДК 93/94.39

Цензор из Восточного института

Газеты, Восточный институт, Россия, цензура, Япония, японский язык

Статья посвящена обзору деятельности Евгения Генриховича Спальвина, профессора кафедры японской словесности Восточного института, автора уникальных учебных пособий по японскому языку. В начале XX в. Главное управление по делам печати просило Канцелярию Приамурского генерал-губернатора поручить конференции Восточного института цензурирование изданий на восточных и европейских языках. Е. Г. Спальвин и его коллеги занимались цензорской работой и анализом читательской аудитории. Цензурный отдел Восточного института под руководством Е. Г. Спальвина вёл цензурирование японских газет, публикации в которых нередко содержали отрицательные оценки Российской империи и не всегда являлись желательными для пропуска на территорию страны. После начала русско-японской войны (1904 г.) цензурный отдел Восточного института прекратил работу.

История становления цензуры на Дальнем Востоке – это не только история сложных взаимоотношений человека с властью, это череда конфликтов взглядов, убеждений и идей. Несмотря на большое число трудов, посвящённых истории российской цензуры, можно говорить о том, что тема становления цензуры на Дальнем Востоке освещена в отечественной историографии довольно-таки слабо. Одной из причин столь печального факта было то, что полноценное развитие цензуры на Дальнем Востоке началось после русско-японской войны, когда министерство внутренних дел осознало всю полноту негативных последствий отсутствия цензурного комитета на Дальнем Востоке. Другая немаловажная причина заключалась в том, что только в начале XX века учёные накопили достаточный источниковый и исследовательский материал, в котором история отечественной цензуры рассматривалась как часть истории литературы. Авторы многочисленных работ занимались анализом и изучением законодательства о цензуре, практики применения законов. Советские историки, обращаясь к данной теме и не меняя методологических подходов, рассматривали цензуру как средство борьбы «самодержавия» с «революционным движением». На рубеже XX–XXI веков в связи с политическими переменами и реформами у отечественных историков

возрос интерес к истории цензуры. Большой вклад в изучение данной темы внесла историк цензуры Н. Г. Патрушева, написавшая научный труд «История цензурных учреждений в России» второй половины XIX – начала XX веков». Главная тема – изучение института цензуры, но при этом историк уделил внимание и региональным аспектам своего исследования [4, с. 7–48].

Говоря об истории цензуры сегодня, нельзя не упомянуть историка русской журналистики Г. В. Жиркова. «История цензуры в России XIX–XX веков» была создана на основе новой источниковой базы, хотя цензура рассматривалась в рамках истории журналистики как часть истории литературы [3].

Новым направлением в истории цензуры стало появление трудов, посвящённых деятельности российских цензоров, их судьбам, в которых раскрывалось не только развитие профессии, но и многие её социальные аспекты – от положения цензора в обществе до влияния профессиональной деятельности на личную жизнь. Так, историк журналистики В. Г. Березина посвятила ряд работ деятельности литературного критика и редактора А. В. Никитенко [1], а Г. В. Жирков посвятил ряд статей деятельности Ф. И. Тютчева как цензора [3].

Аналогичная цель стоит и перед этой статьёй, которая посвящена Е. Г. Спальвину – одному из пионеров цензуры как социального и административного института в дальневосточном крае. Автор стремится показать героя не только таким, каким он запомнился своим современникам (сотрудником Восточного института), но и как человека, который добровольно нёс непопулярную в обществе службу цензора.

Владивосток, появившийся на берегу Тихого океана в 1860 году, стал главной базой Сибирской военной флотилии и резиденцией военного губернатора. Развитию города способствовал режим беспошлинной торговли и судоходство. Владивосток – это обилие торговых лавок, иностранных товаров, пёстрый состав населения города дополняли китайцы, корейцы и японцы. Колотушкин, редактор московской газеты «Русь», писал о городе на берегу Тихого океана: «В жизни Владивостока есть что-то американское. Очевидно, нахождение Владивостока на берегу Великого океана и его сношения с его побережьем, где теперь жизнь бьёт ключом, невольно действует и на русского человека. Склад общественной и частной жизни Владивостока носит на себе следы влияния этой бойкой жизни» [5, с. 8–10].

Газеты, в том числе и иностранные, играли большую роль в общественной и торговой жизни города, как и страны в целом. Поэт, член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф. И. Тютчев, председатель Комитета цензуры иностранной, отмечал, что «торговля иностранными произведениями печати гораздо более процветает в России, чем торговля отечественными сочинениями» [3].

На рубеже XIX–XX веков выписка иностранной периодики частными лицами через почту во Владивостоке превысила уровень продажи зарубежной прессы в магазинах. Японские, китайские и европейские газеты, такие как «North China Herald», «Globe», «Daily Telegraph», «Nagasaki Press», «British Trade Journal» выписывались различными иностранными коммерческими агентами и представителями торговых компаний. Большинство периодических изданий поступало из Осаки, главной биржи Японии. Выписывали иностранную прессу также и общественные организации во Владивостоке. Так, «Обще-

ство морских врачей» выписывало через почтовое ведомство газеты и журналы «Lancet», «Berlin Woxchehschreib», «Semain Medicale» (РГИА ДВ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Цель предлагаемой вниманию читателей статьи – дать оценку состояния надзора за печатью во Владивостоке накануне русско-японской войны, для чего следует охарактеризовать обстановку распространения и использования иностранной прессы во Владивостоке, проанализировать цензурную политику и практику, показать роль преподавателей Восточного института вообще и Е. Г. Спальвина в частности в качестве цензоров.

Работа почтового ведомства во Владивостоке постоянно вызывала недовольство административной и военной власти: стоящие на службе цензоры были не в состоянии справляться со своей работой. Причина проста: в ведомстве не нашлось сотрудников, в совершенстве владеющих иностранными языками. Как отмечали чиновники, газеты, «попавшие морским путём через Шанхай или Америку и Японию, приходят во Владивосток совершенно чистыми. Вся почта, получаемая во Владивостоке, поступает морским путём и тем самым минует русскую цензуру» (РГИА ДВ. Ф. 702. п. 3. Д. 199. Л. 39).

Цензура, в том числе и иностранная, рассматривалась российскими властями как одно из действенных средств контроля государства за печатной продукцией, общественным мнением и состоянием умов. Но на Дальнем Востоке не было полноценного цензурного органа: из-за малочисленности печатных органов Главное управление по делам печати не считало целесообразным создание цензурных комитетов для иностранных изданий, которые позволяют или запрещают продажу повременных изданий. Иностранные периодические издания отправлялись в Москву по Сибирской железной дороге «на цензуру и возвращались совершенно чистыми, но с знаменитыми штемпелями «Д. Ц.» и изорванными» [7, с. 3].

Редактор газеты «Владивосток» Н. В. Ремезов отмечал по этому поводу: «Почта 1 мая доставила газеты из Банкока от 15 февраля, а из Нагасаки от 1 марта. В первом случае 2 с половиной месяца вместо 10 дней, а во втором через 2 месяца вместо 3 дней. Таким образом, иностранные известия теряют всякий смысл» [7, с. 3].

Правительство России потребовало от Главного управления по делам печати принять срочные меры. С одной стороны, власти стремились оградить общество от внешних влияний, способных нанести ущерб государству и защитить от развивающегося революционного движения и терроризма. С другой стороны, власти опасались появления различных слухов, возникающих стихийно при отсутствии полной и достоверной информации и имевших неуправляемый характер. Чиновники Главного управления по делам печати отдавали себе отчёт, что «информационный голод», особенно в чрезвычайных дальневосточных условиях, всегда чреват появлением слухов.

30 января 1901 года Главное управление по делам печати уведомило Приамурского генерал-губернатора: «Цензирование произведений печати на языках японском, китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском, бурятском и калмыцком, согласно распоряжению господина министра МВД за номером 892, возложить на конференцию Восточного института» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13).

В то время в городах, где не было цензурных учреждений, довольно часто контроль над периодическими изданиями осуществлялся чиновниками местной администрации. Но в большей степени в принятии такого решения чиновниками из Главного управления по делам печати сыграло роль то, что структура и штаты цензурного ведомства до 1850 года были тесно связаны с университетами. По уставу 1804 года внутренняя цензура была возложена на цензурные комитеты при университетах, которые подчинялись ректорам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13).

Чиновники управления по делам печати соблюдали все формальности закона о цензуре, поручая цензурирование иностранных периодических изданий профессорам Восточного института. Средний возраст поступающих на службу цензоров составлял около 40 лет. Сотрудники нового цензурного учреждения были не молоды и имели опыт государственной службы, университетское образование, обширные знания отечественной и зарубежной литературы, иностранных языков. Кроме того, было ещё одно требование, которое выполнялось профессорами Восточного института. Как цензоры, «во время занятия сей должности они не должны принимать участие в редакции периодических изданий» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13).

Директор Восточного института возглавил конференцию Восточного института по цензурированию иностранных прессы и привлёк к участию в проекте ведущих преподавателей. Это были востоковеды, получившие образование в стенах Петербургского университета [2, с. 1].

Профессорско-преподавательский состав не состоял при штате надзорного органа, а работал по договору: «вознаграждение за труды господ профессоров по цензуре газет» составляло 2 тысячи рублей». Эта зарплата была сопоставима с зарплатой университетского профессора (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13).

Цензуру японских газет директор Восточного института поручил профессору Е. Г. Спальвину, который возглавлял китайско-японское отделение и преподавал не только японский язык, но «обзор политического устройства в торгово-промышленной деятельности современной Японии». А. М. Позднеев познакомился с Е. Г. Спальвиным, когда тот был студентом Петербургского университета (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36).

Родился Евгений Спальвин в 1872 г. в замке Адзель Лифляндской губернии (ныне г. Гауена). Его отец, Генрих Спальвинш, был учителем. Евгений Спальвин учился в Рижской гимназии, высшее образование получал в стенах Петербургского университета. Будучи студентом третьего курса юридического факультета, он перешёл на восточный факультет. В 1898 году в университете была учреждена кафедра японской словесности и Е. Спальвин, уже кандидат в профессора, отправляется в научную командировку в Японию на два года. Необходимы были знания не только для выработки собственных учебных программ, но и для усовершенствования собственного уровня японского языка. Российский японовед приступил в Токио к изучению разговорного, а потом уже и книжного японского языка [8, с. 3].

Успехи в учёбе привели Спальвина в Токийскую школу иностранных языков, где он стал работать временным преподавателем русского языка. Там он познакомился с интересными людьми, среди которых был Футабатэй Симэй. Он был заведующим кафедрой русского языка, переводчиком русской литературы и крупным писателем. Рекомендовал Е. Спальвину читать в учебных целях японскую литературу; тогда способность читать газеты, считал он, появится сама собой. Совершенствоваться в японском языке Е. Спальвину помогало ещё и знание китайского языка. Спальвин подготовил словарь в 9000 иероглифов, в ходе работы собрал народные предания и рассказы, изучая быт японцев, особенно усердно следил за текущей японской жизнью. В Японии Спальвину помогал в освоении японского языка студент кафедры немецкого языка Маэда Сэйдзи (Киёдзи). «Интересуясь с малолетства народным языком и бытом, – писал Спальвин, – он во время пребывания своего в различных частях Японии занимался исследованием местных наречий и обычаев. Между прочим, он для меня на основании своих записок составил сборник рассказов и преданий, записанных им со слов местных жителей различных частей Японии, с сохранением местных особенностей языка и произношения, и тем вполне доказал не только понимание им важности подобного рода исследований, но и умение заниматься ими» [8, с. 3].

1 июля 1900 года Е. Г. Спальвин начинает свою преподавательскую деятельность в Восточном институте. Когда Маэда Сэйдзи приехал во Владивосток, Спальвин устроил его лектором в институте. Маэда присутствовал на лекциях японоведа в качестве переводчика, тем самым облегчая процесс изучения японского языка студентам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36).

27 марта 1901 года Е. Г. Спальвин начал просмотр японских газет как член конференции Восточного института по цензурированию иностранных периодических и печатных изданий газет. В институте не нашлось свободных помещений, и ему с коллегами пришлось работать во дворе, куда сваливались тюки с газетами. Профессор вспоминал, что на сортировку старых и новых газет уходило немало сил и времени (учитывая тот факт, что приходилось работать и в снег, и в дождь, и в ветер, и в мороз). Иногда профессора работали в библиотеке Восточного института, где газеты раскладывались на полу и по ним зачастую расхаживали студенты, что затрудняло работу. Он пролистывал все газеты, независимо от того, куда они потом отправлялись: либо к читателю, либо в качестве сырья в мастерские. Просматривая статьи, он делал пометки в тех, где, по его мнению, было прямое нарушение цензурных правил. Как цензор, Е. Г. Спальвин составлял рапорт о получении определённого количества экземпляров с указанием времени. После просмотра нередко газеты попадали к читателям с зачерченными или вырезанными страницами. Иногда подписчики получали газету сразу за полмесяца – по несколько экземпляров. Е. Г. Спальвин отмечал в докладе, что в 1901 году газеты не представляли политического интереса. Они выписывались исключительно ради напечатанных в них фельетонов и раздавались в местном японском клубе. Выпиской таких тюков занимались японская, китайская и одна даже русская фирма – «Кунст и Альберс» (пароход «Дафне») (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 43).

Сибирские японцы выписывали в большинстве осакские газеты, известные хорошими фельетонами. Владивостокские японцы выписывали газеты из Нагасаки и Хакодате в большом количестве. Остальные издания – это провинциальное захолустье прессы, питающееся сплетнями и вырезками из центральных газет. Токийских газет почти никто не получал, и «Японская правительственная газета» встречалась здесь в двух-трёх экземплярах. Издания японского общества изучения Приамурского края получали фактически все японцы в Благовещенске, Никольск-Уссурийске и Хабаровске, во Владивостоке такой журнал выписывало ничтожное количество читателей. Японский политический журнал «Таи Ио» выписывали в 6–7 экземплярах. Многие издания поступали в руки читателей из третьих рук – уже прочитанными в Японии (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

Но очень скоро Спальвин и его коллеги почувствовали «полную бесполезность от цензурования китайских и японских газет, поскольку подписчики получают газеты, выходящие в Китае, Японии и Корее на языках (английском, французском и немецком), которые отчасти содержат то, что и восточные газеты». Директор Восточного института отмечал: «Каждая газета на одном из европейских языков, выходящая в Китае или Японии, содержит в себе обязательно самый подробный обзор туземной прессы. Статьи печатают прямо на английском языке в специально отведённом для этой цели столбце газеты, как это часто делается в Японии или Китае. Постоянная связь между японской, китайской и иностранной корреспонденцией существует также на издательском уровне, очень часто японские типографии издают корейские газеты. В Тянь-Цзине, к примеру, одна японская редакция издаёт газеты как на китайском, так и на японском языке. Если цензура бессильна противостоять этой удивительной солидарности прессы, то все усилия, затрачиваемые на пересмотр и преследование недозволенного в японских и китайских газетах, являются напрасными» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36).

Именно поэтому 10 апреля 1901 года особым распоряжением Приамурский генерал-губернатор «возложил на конференцию Восточного института обязанности цензуры по рассмотрению газет и изданий на европейских языках» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 33).

Конференция Восточного института также позволяла или запрещала продажу книг из Японии, Китая или Кореи. Из Комитета иностранной цензуры в Петербурге получались ежемесячные каталоги рассмотренных сочинений. Книга могла быть дозволена целиком или с исключениями. Е. Г. Спальвин сверял поступающие из таможен книги с этими каталогами и цензуровал не указанные в каталогах. Он ежемесячно высылал новые книги со своими письменными отзывами в Петербург для окончательного решения. Книжки, разрешённые с исключениями, возвращались владельцам с вырезанными страницами, а запрещённые отправляли обратно в таможни. Японские книги представляли собой стенографические записи со слов знаменитых рассказчиков, выступавших перед простым народом на улицах. Темы выступлений – историко-бытовые, художественные. В моральном отношении рассказы проходили тщательную японскую цензуру. Рассказчики никогда не обсуждали наиболее острые проблемы внутренней и внешней политики Японии.

Очень интересны наблюдения Е. Г. Спальвина о потребителях японской печатной продукции. Выписка изданий показала, что во Владивостоке нет даже средней японской интеллигенции. Публика, читающая эти книги, состоит из рабочих и проституток. «Отсутствие среди выписываемых книг сочинений известных и серьёзных авторов говорит о том, что те японцы, одетые во фраки и цилиндры – рабочие и ремесленники, прибывшие в Россию в поисках лучшей жизни. «Встречают по одежде, а провожают по уму», – принято говорить в России, и очень часто российский обыватель, встречающий японцев на улице, считал их интеллигенцией», – отмечали и А. М. Позднеев, и Е. Г. Спальвин (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

Всего за 1901 год было выписано 11 тюков японских книг (1882 тома), среди которых были учебники русского языка, учебники по медицине и коммерческому делу. Тюки из таможни часто заполнялись нелегальными изданиями или обыкновенными женскими частными письмами на японском языке с приложенными фотографическими карточками корреспонденции. С Иркутской таможни поступали книги на английском языке, но изданные в Японии. На таких изданиях место издания, тираж, типография и иногда название печатались на японском языке (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

Порой в мешках вместо книг профессор находил множество почтовой японской бумаги вместе с конвертами и кистями для письма. В этих случаях привлекались таможенные служащие, устанавливавшие, с каких судов тюки попадали во двор Восточного института, и привлекавшие судовладельцев к уголовной ответственности за нелегальный перевоз товаров на берег. Таким образом некоторые японские купцы пытались избежать уплаты налогов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

14 ноября 1902 года Е. Г. Спальвин принял должность заведующего цензурным отделом, его должность библиотекаря Восточного института занял профессор Н. В. Кюнер. С 27 марта по 31 декабря 1902 года в цензуру Восточного института поступили 955 тюков японских газет, китайских – 1486, русских – 2, всего – 2443. Из них цензорами было вырезано 3600 страниц, на которых помещались статьи, «рисувавшие в высшей степени несправедливо, ложно и тенденциозно положение рабочего вопроса в России и в связи с ним сообщения об имевших будто бы в России восстаниях и действиях какой-то революционной партии» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

При работе с японскими изданиями сотрудники конференции отмечали, что японское правительство предостерегало прессу допускать в печать все материалы, касающиеся подготовки военной кампании и мобилизации. В цензуру Восточного института поступало «значительное количество газет, в которых ещё в Японии были вырезаны целые статьи и отдельные заметки, относящиеся к маньчжурскому вопросу, действию русских в Маньчжурии и Нью-Чжеуане (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36–38).

Редактор газеты «Владивосток» Н. В. Ремезов вспоминал о том, что задолго до войны тон сообщений в зарубежной прессе отличался антирусским настроением: «Было время, и не так давно, когда нас с японцами, как говорят, водой не разлить. И вдруг японец шархнул в сторону, дружит с нашими врагами и, несмотря на ещё теплящуюся симпатию к нам, официально вызывает к войне. Руководители таких

газет не останавливаются пред клеветой, сгущают краски, чернят нас во всю и рисуют нас заклятыми врагами японцев» [6, с. 1–2].

Японские газеты содержали большое количество статей, посвящённых военному превосходству Японии над другими странами, в том числе и над Россией. Примером может послужить статья из газеты «Ниппон Симбун», где анонимный автор писал: «Я, как военный, стою за войну. Экономические соображения не должны играть роли, раз затронута честь государства. Нынешние отношения с Россией должны окончиться войной. Театром войны будет пространство от корейской границы до Ляодунского полуострова включительно. Наша армия знает эти поля. Напрасно думают, что война будет продолжаться 3–5 лет. Русская армия уйдёт из Маньчжурии, как только флот русский будет разбит» [9].

В предвоенные годы Е. Г. Спальвин сотрудничал с русской контрразведкой, когда японская разведывательная служба активизировала свою деятельность в России. Осведомлённость японцев была поразительна: каждое значительное происшествие в крепости Владивосток становилось достоянием японских газет. Шпионы работали приказчиками, грузчиками, не брезговали лакейской работой, содержали заведения, которые посещали все слои населения – от булочных до публичных домов. Российская контрразведка освоилась с новыми условиями работы, в короткие сроки была создана внутренняя агентура, работающая в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, ресторанах, занимавшаяся слежкой за иностранцами. Е. Г. Спальвин, превосходно зная японский язык, сотрудничал с русской контрразведкой. 3 июля 1902 года, по распоряжению командующего войсками Приамурского военного округа, японцы Сивоко, Сивоя и Сузуки были задержаны между урочищем Славянка и станцией Черкасской. У них были отобраны записные книжки, в которых упоминаются русские и маньчжурские географические названия населённых пунктов, где были расположены военные части российской армии. В книжках содержались сведения о дорогах, состоянии телеграфных линий, доступности гор и бухт. Книжки были переданы в Восточный институт, где его директор, ознакомившись с ними, пришёл к выводу, что японцы занимались шпионажем. Трудность перевода заключалась в том, что большинство сведений в книжках было записано хоть и японскими иероглифами, но особым шифром, и А. М. Позднеев так и не смог понять смысл текстов, поручив профессору Е. Г. Спальвину разгадать шифр. На это у профессора ушло много времени, но он справился с поставленной задачей, и записи японцев были переведены на русский язык. 17 августа все переведённые документы были переданы полковнику Грому, начальнику штаба Владивостокской крепости. После допроса японцев следствием было также установлено, что к шпионажу в пользу Японии был причастен служащий Японского консульского агентства Ямасоко. В ходе следствия выяснилось, что контора японского пароходного общества «Ниппон-Юзен-Кайша» во Владивостоке занималась вербовкой агентов и шпионажем в пользу Японии (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 38).

В январе 1904 году конференция Восточного института прекратила работу по цензурированию японских газет: ухудшение российско-японских отношений привело к сокращению иностранной периодики во Владивостоке, к тому же министр внутренних дел В. К. Плеве учре-

дил должность отдельного цензора во Владивостоке, который должен «рассматривать все печатные издания, получаемые морским и сухим путём». Но и после русско-японской войны преподаватели и студенты Восточного института принимали участие в работе цензурного ведомства (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 18).

Нехватка образованных людей долгие годы создавала немало трудностей на пути становления как высшего образования, так и цензурного дела в дальневосточном крае. Порой складывалось впечатление, что правительство, утвердившее русскую власть на берегу Тихого океана, подавляло именно русских, ибо поддержка населения была вялой, в такой же степени оказывалось содействие в различных сферах жизнедеятельности края. Требовались смелые образованные люди, которые избрали бы Дальний Восток местом своей гражданской или военной службы. Решаясь на этот шаг, интеллигенция, в среде которой были и преподаватели университетов, надеялась, что потомки оценят и воздадут должное их самоотверженному труду. Здесь, в суровых дальневосточных условиях, преподаватели высшей школы выполняли не только свой долг – содействовать развитию просвещения в крае, – но и принимали активное участие в работе различных ведомств, становясь для общества значимыми фигурами.

Литература

1. Березина В. Г. Цензор о цензуре (А. В. Никитенко и его «Дневник») // Русская литература. 1996. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/ТHEME/STOP/NIKI.HTM> [Дата обращения: 22.12.2015].
2. Высочайшее повеление // Владивосток. 1899. № 44. 31 октября.
3. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsetzuraHistory/library_view_bookea11.html?bid=79&chapter_num=20 [Дата обращения: 22.12.2015].
4. Патрушева Н. Г. История цензурных учреждений в России во второй половине XIX – начале XX века // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Сб. науч. тр. Вып. 10. – СПб., 2000.
5. Спасибо на добром слове // Владивосток. 1899. № 51. 19 декабря. С. 8–10.
6. Хроника // Владивосток. 1902. № 35. 25 августа. С. 1–2
7. Хроника // Владивосток. 1902. № 10. 5 мая. С. 3.
8. Хисамутдинов А. «Возьми просвещённого учителя»: Е. Г. Спальвин // Власть книги: Альманах. – 2002. – № 3.
9. Шишов. А. В. Неизвестные страницы русско-японской войны. 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]: URL: http://militera.lib.ru/research/shishov_av08/shishov_av08.html [Дата обращения: 20.12.2015].

Социум

АГАПОВ Вадим Львович,

канд. ист. наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток); докторант кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: agarov_vl@mail.ru

УДК 94(571.6)

Советник Ундрец и китайские коммерсанты

Российская империя, Владивосток, «жёлтый» вопрос, чиновничество, коррупция, Г. Г. фон Ундрец, В. И. Лодыженский, Н. Л. Гондатти

В статье рассказывается о судьбе Густава Густавовича фон Ундрца, офицера, выпускника Владивостокского Восточного института (1909 г.), участника трёх войн, заведовавшего в 1911–1914 гг. 4-м отделением Приморского областного правления. На основании неопубликованных документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока показано столкновение Ундрца с видными представителями китайской диаспоры во Владивостоке, завершившееся увольнением чиновника, заподозренного в коррупции и злоупотреблении служебным положением. Впервые приводятся сведения о его дальнейшей службе во время первой мировой войны.

В начале XX века Владивосток был не похож на другие губернские города Российской империи того времени. Космополитичный, с наполовину азиатским населением, находящийся ближе к Китаю и Японии, чем к центрам исторической России, он сочетал в себе черты европейской и азиатской культур с атмосферой фронта, напоминающего нам о легендах американского Дикого Запада, только с хунхузами вместо индейцев. Солдаты, чиновники, моряки, предприниматели, архитекторы, врачи, учителя, представители свободных профессий и просто авантюристы всех мастей приезжали сюда в поисках лучшей доли и иногда оставались здесь жить.

Служба на Дальнем Востоке щедро оплачивалась государством. Так, два дня сахалинской службы засчитывались за три, три дня приморской – за четыре, офицеры и чиновники имели право на прогонные деньги и солидные прибавки к жалованию за каждые 5 лет в отдалённых местностях. Но обстановка далёкой окраины цивилизованного мира бросала работающим здесь людям серьёзные вызовы. С одной стороны, малокультурность и пограничность края, широкое распространение пьянства и высокий уровень преступности, в том числе этнической, требовали от администраторов совершенно выдающихся качеств. С другой стороны, удалённость от столиц вызвала

у чиновников чувство вседозволенности, следствием чего становилось самоуправство, а соблазн лёгкой наживы вдали от столиц провоцировал взяточничество и казнокрадство. Полицию и областное правление сотрясали разного рода скандалы и конфликты [4, 5, 6].

Накануне первой мировой войны благодаря прессе большую известность получила история вице-губернатора В. И. Лодыженского, происхождения которого во Владивостоке в 1914 г. даже обсуждались в Государственной Думе [1]. Согласно одному анонимному памфлету, среди ближайших сообщников Лодыженского был некто Ундришт, начальник отдела китайских и еврейских дел Приморского областного правления. На самом деле фамилия этого человека была Ундриц, и он сам по себе был личностью весьма примечательной.

Фамилия Г. Г. Ундрица впервые упомянута в работах Т. З. Позняк, введшей в научный оборот документы о расследовании его деятельности в 4-м отделении Приморского областного правления в достаточно широком контексте коррумпированности чиновников [8] и межкультурного взаимодействия на Дальнем Востоке России в начале XX в. [7].

Наша статья представляет более полный биографический очерк, содержащий ряд сведений, ранее неизвестных исследователям.

Согласно его послужному списку (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 24–29), Густав Густавович фон Ундриц, из дворян Эстляндской губернии, родился 13 декабря 1875 г. в семье отставного полковника. Евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил полный курс наук Ново-Шведского училища в Гельсингфорсе, затем был в Императорском Александровском университете в Финляндии, курса в нём не окончил. В 1894–1897 гг. работал архивариусом канцелярии генерал-губернатора Финляндии. 1 сентября 1898 г. поступил в Московское военное училище юнкером рядового звания.

По окончании училища 9 августа 1900 г. произведён в подпоручики в 3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Прибыл и зачислен в списки полка и 5 роты 12 октября 1900 г. Участвовал в Китайской войне 1900–1901 г., адъютант 1 батальона (30 мая – 4 августа 1901 г.), полковой казначей (4 августа 1901 г. – 25 августа 1903 г.). За эту войну и отличие в делах против китайцев награждён орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1901 г.) и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1902 г.).

Пребывание в Китае оказало влияние на карьеру и жизнь Густава Густавовича. 26 августа 1903 г. он был зачислен в качестве офицера-слушателя Восточного института, но закончить его ему сразу не удалось. После начала русско-японской войны 1904–1905 гг. он был отозван в часть 4 февраля 1904 г., назначен интендантом в управление 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Принял участие в русско-японской войне в Манчжурской армии, был в боях. За отличие в делах с японцами награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом (1904 г.) и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1905 г.). Произведён в чин поручика (8 февраля 1905 г.). Служил в военных комиссариатах в Мукдене и Гиринской провинции.

Кроме четырёх орденов, за участие в двух войнах поручик Ундриц имел также две медали: серебряную за поход в Китай и светло-бронзовую с бантом на георгиевской и Александровской ленте в память войны с Японией в 1904–1905 гг.

По сдаче должности Ундриц вернулся в Восточный институт и возобновил обучение 8 ноября 1905 г., причём, судя по его дальнейшей службе, изучал китайский язык. Штабс-капитан (произведён в чин 20 ноября 1907 г.). Прослушал полный курс во владивостокском Восточном институте и получил свидетельство 1-й степени с правом ношения нагрудного знака 19 мая 1909 г.

В аттестации, подписанной 7 мая 1909 г. заведующим офицерами-слушателями Восточного института подполковником Раевским (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 2), сказано, что штабс-капитан Ундриц «к службе относится усердно и внимательно. Развитой, занимается в институте очень хорошо, интересуется общей и военной литературой. По жизни скромный, трезвый, честный. Очень хорошо воспитан. Характер ровный, спокойный. Вообще можно рекомендовать его как отличного обер-офицера, но по состоянию здоровья более пригоден к службе вне строя».

Очевидно, состояние здоровья заставило Густава Густавовича задуматься о переходе на гражданскую службу. 2 июня 1909 г. Ундриц был командирован в распоряжение военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта В. Е. Флуга сроком на 1 год. Служил старшим адъютантом военной канцелярии, но 9 ноября 1909 г. подал прошение на имя военного губернатора области: «Желая продолжить службу Его Императорского Величества по министерству внутренних дел, ходатайствую о назначении меня на вакантную должность штатного чиновника особых поручений при Вашем Превосходительстве» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 1).

В. Е. Флуг признал «штабс-капитана фон Ундрица вполне достойным назначения на просимую должность». Рассмотрение этого дела затянулось, и фактическое назначение состоялось уже при следующем губернаторе, генерал-майоре И. Н. Свечине. 2 июня 1910 г. 34-летний штабс-капитан Ундриц, по его прошению, был уволен из армии в отпуск (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 7). В тот же день он был назначен исполняющим обязанности чиновника особых поручений при военном губернаторе Приморской области (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 8).

Высочайшим приказом от 16 ноября 1910 г. Ундриц по его прошению был уволен из армии (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 23) и 24 ноября утверждён в должности чиновника особых поручений со 2 июня.

Должность эту нельзя было назвать высокооплачиваемой. Как чиновник Особых поручений, Ундриц получал в год жалованья 1000 руб., столовых 1000 руб. и добавочных 237 руб. (25 % от жалования) за выслугу 5 лет в Приморской области, всего 2237 руб. Сумма эта была невелика, особенно для семейного человека, а Ундриц в это время женился на дочери кандидата прав Марии Евстафьевне Олюниной, православного поведения.

О стеснённом положении советника говорит то, что, выхлопотав в 1910 г. прогонные деньги за выслугу 10 лет в Приморской области в размере 1202 руб. 10 коп. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 16–18), он так их не дождался, заняв 600 руб. в канцелярии губернатора (из так называемых паспортных сумм) 23 ноября 1910 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 35) и ещё 600 руб. 9 марта 1911 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 37). К тому моменту, когда прогонные деньги всё-

таки пришли в распоряжение губернатора 28 мая 1911 г., Ундриц смог из них получить только 2 руб. 10 коп. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 42–44). Остальные 1200 руб. пошли в уплату долга.

Однако карьера чиновника складывалась неплохо. Он получил гражданский чин коллежского ассесора (VIII класса табели о рангах) и в июне 1911 г. был назначен советником 4-го отделения Приморского областного правления [2, с. 100]. Согласно приказу военного губернатора от 3 декабря 1910 г., Приморское областное правление включало 4 отделения. В 4-м были сосредоточены дела об инородцах и евреях, секретные дела политического характера, консульская и паспортная часть (РГИА ДВ. Ф. 1. Приморское областное правление. Оп. 1. Предисловие к фонду. С. 4–6). Служба в нём, причём в приграничной губернии, с огромным процентом инородческого населения, вызвала на голову начальника поток жалоб, доносов и судебных исков. Но она представляла и большие возможности для незаконной наживы и всяческих злоупотреблений.

Со всеми подводными камнями, которые оказались в его новой должности, Ундрицу пришлось столкнуться уже в первый год.

Так, 31 марта 1911 г. бывший письмоводитель 2-й части г. Владивостока Глеб Рожков подал жалобу, «обвиняя своего непосредственного начальника – пристава 2-й части Власова в неправильном, вызванном мстью ему, представлении на имя полицейстера об увольнении его, Рожкова, от службы за неспособностью» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1231. Л. 19). Во второй жалобе, поданной 15 мая 1911 г., Рожков «заявил, что он подозревает, что бывший чиновник Особых поручений г. Ундриц, расписавшийся в приёме его первой жалобы, не передал таковой по начальству, а из дружбы к Власову и Ледингу скрыл таковую...» Далее он прямо обвинял Власова и Ундрица в преступлении, говоря, что Ундриц при сообщничестве Власова в течение года незаконно получал пенсию. Задевались в жалобе и другие лица, в том числе вице-губернатор Н. В. Мономахов, которых Рожков считал виновными в разных преступлениях (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1231. Л. 19об.).

Расследование по этой жалобе, проведённое советником 3-го отделения (дела о жалобах на чиновников, борьба с хунхузами, тюремная часть, розыск лиц, имущества и капиталов) Приморского Областного правления Полетика, показало, что Рожков «уволен от службы за проявленное им стремление сводить счёты с начальствующими лицами, имеющими основание быть недовольными его служебной деятельностью», и его жалобы и претензии неосновательны (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1231. Л. 20).

Ознакомившись с докладной запиской Полетика, военный губернатор (уже третий за это время) генерал-майор М. М. Манакин 29 сентября 1911 г. согласился с мнением Полетика, что наветы Рожкова ложны (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1231. Л. 3). При этом Ундриц, «считая себя оскорблённым ложными обвинениям Рожкова», просил у губернатора разрешения подать на него в суд, на что в марте 1912 г. получил согласие (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1231. Л. 4). Чем закончилось разбирательство, неизвестно. В целом, из дела с Рожковым Ундриц вышел благополучно.

Гораздо большие неприятности причинило ему дело Е-фу-гуй. Е-фу-гуй (встречаются варианты написания Ё-фу-гуй и Яо-фу-гуй) – китайский коммерсант, владелец домов на «миллионке» по

адресу Косой переулоч, 8 (см. Рис. 1). Военный губернатор Приморской области 30 июня 1911 г. писал прокурору Владивостокского окружного суда, что «Ефу-Гуй, как порочный иностранец, являющийся фактически насадителем и хозяином китайских банковок, опекурилен, тайных домов терпимости и укрывателем разного рода преступных китайцев, военным губернатором Приморской области предназначен к высылке в административном порядке в пределы Китая» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 1). В ответном письме от 2 июля 1911 г. прокурор сообщал, что Ефу-Гуй находился под судом по 13 и 1489 ст. Улож. о нак. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 2).

Дело против Е-фу-гуя было возбуждено Унтрицем. Это видно из того, что китайский коммерсант, пытаясь избежать наказания, в свою очередь, обвинил Унтрица в том, что тот, «явившись в 1909 году для производства обыска и предупредив об этом, потребовал пятьсот рублей, и в том, что ныне Унтриц, мстя ему, Яо-Фу-Гую, за отказ дать взятку и являясь докладчиком по должности советника, представил военному губернатору неверный доклад о его, Яо-Фу-Гуя, деятельности, благодаря которому явилось постановление о высылке его, Яо-Фу-Гуя, из пределов Российской Империи...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 6 об.).

Сведения об этой жалобе попали в николюск-уссурийскую газету «Уссурийская окраина», опубликовавшую в № 180 от 26 августа 1911 г. статью «Дело о выселении И-фу-Гуя». В статье рассказывалось, как китайский коммерсант И-фу-Гуй, получив постановление о выселении из Владивостока, сначала не знал, что ему делать, так как не хотел

Рис. 1. Бывший дом Е-фу-гуя (Мордовцева 8), современное состояние, фото автора.

бросать созданный за 20 лет бизнес. Поняв, кто был инициатором постановления, он «подал генерал-губернатору жалобу, в которой, недоумевая о причинах, послуживших мотивом для постановления об его выселении, просит назначить расследование этого дела, предполагая, что представление о выселении было сделано советником приморского областного правления Ундрицом, которому он, И-фу-Гуй, недавно отказал дать крупную взятку».

По словам газеты, коммерсант добился своего: высылка была отсрочена до проведения расследования. Генерал-губернатор предложил Ундрицу либо оправдаться в возведённых против него обвинениях, либо подать на И-фу-Гуя в суд за клевету. Ундриц действительно возбудил дело против И-фу-Гуя. Однако, как писал далее корреспондент «Уссурийской окраины», «в городе усиленно говорят, что нажаты все пружины, чтобы «уломать» китайца «помириться». Но помириться теперь – значит собственными руками подписаться под постановлением о выселении...» Поэтому, заключала статья газета, «предстоит сенсационный процесс с не менее сенсационными разоблачениями» [3].

Расследование по этому делу было также проведено советником Приморского областного правления Полетика. В записке от 27 августа 1911 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 6–17) Полетика пишет, что ни одно из обвинений в адрес Ундрица не подтвердилось, что Е-фу-гуй стал путаться в показаниях и представил не заслуживающих доверия свидетелей. Представленные улики – «книги с записью взяток чинам полиции и Ундрицу» – были переданы Владивостокскому китайскому обществу и оказались «ведомыми неправильно, внушающими самое основательное сомнение в их доказательной силе»...

По совету генерал-губернатора (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 3) Ундриц 27 июля возбудил против Е-фу-гуя дело по 940 статье (за клевету) (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 18). Вскоре выяснилось, что это только на пользу обвиняемому, так как позволит ему после того, как он будет осуждён по статьям 13 и 1489, остаться во Владивостоке до окончания следующего судебного дела. Военный губернатор считал, что это подорвёт авторитет власти в глазах китайского населения, и просил разрешения выслать Е-фу-гуя сразу после решения Владивостокского окружного суда по первым двум статьям (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 19).

Дальше продолжилась война компроматов. Ундриц представил прошение от владивостокских китайских подданных купцов военному губернатору (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 21–24). Этот документ, написанный крупным каллиграфическим почерком, на хорошем русском языке, но с характерными для носителей китайского языка ошибками, сообщал: «Ё-фу-гуй живёт по Косой переулок в г. Владивостоке, человек этот считается самым нечестным и для г. Владивостока очень вредным, почему потому что он всё время содержит опиенкурильни, банковки, китайский дом терпимости и пр. За этих грязных дел никто не трогает, почему потому что он Ё-фу-гуй всегда даёт взятку... Мы сами лично не видели, но он сам везде говорит и сам себя хвалит, что у него очень много русских знакомых людей... Ё-фу-гуй много требует денег с квартиранта... В доме Ё-фу-гуя живут китаецки около триста пятьдесят человек да эти китаецки всё время тайно занимают дом терпимости... Почему врачебного комитета не хлопо-

чут этого дела... Несколько дней тому назад в доме Ё-фу-гуй умер две китайки... от грязных болезни... Ё-фу-гуй велел свой квартирант что трупа тайно вывезти в бухте...»

В ответ китаец-переводчик Лян-вен-шан подал жалобу на городскую полицию, которая 6 августа 1911 г. незаконно арестовала его в китайском театре «Ван-и-лян», чтобы взять с него подписку явиться в Областное правление и дать показания по делу Е-фу-гуя с Унтрицем (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 101).

Расследование дела Лян-вен-шаня показало, что полиция действительно допустила ряд процессуальных ошибок. Однако жалоба на Унтрица при этом была опровергнута, его участие в деле осталось недоказанным. Военный губернатор Манакин 2 декабря 1911 г. постановил: «1) Жалобу на Унтрица оставить без последствий, 2) двум полицейским сделать замечание» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1216. Л. 102). Лян-вен-шан был выслан из Владивостока.

Таким образом, пока расследование всех дел, сосредоточенных в 4-м отделении Приморского областного правления, оставалось в руках самого Областного правления, Унтриц выходил сухим из воды. Однако в январе 1914 г. во Владивосток приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти была направлена из Хабаровска Комиссия для обследования «жёлтого и еврейского вопросов». В её состав вошли делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Н. П. Щербаков, старший помощник делопроизводителя Л. Г. Ульяницкий, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Л. И. Звездин (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 30–41).

29 января 1914 г. владивостокская вечерняя газета «Текущий день» поместила в разделе хроники заметку: «Во Владивосток прибыла особая комиссия, назначенная Приамурским генерал-губернатором для ознакомления с положением китайских и еврейских дел в четвёртом отделении областного правления и городских и уездных полицейских правлениях. По дошедшим до нас слухам, комиссия напала на следы чрезвычайно интересных происшествий в области жёлтого вопроса» [10].

Покровительствовавший Унтрицу вице-губернатор В. И. Лодыженский вызвал к себе редактора газеты Мисюру и «указал ему, что подобные выходки недопустимы и в дальнейшем мною терпимы не будут» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 44). Хитрый Ф. В. Мисюра, получивший среди владивостокских журналистов прозвище «хулиган печатного слова», на другой день «исправился» таким образом:

«Во вчерашнем номере, в отделе хроники нашей газеты была напечатана следующая заметка:

«Во Владивосток прибыла особая комиссия, назначенная Приамурским генерал-губернатором для ознакомления с положением китайских и еврейских дел в четвёртом отделении областного правления и городских и уездных полицейских правлениях. По дошедшим до нас слухам, комиссия напала на следы чрезвычайно интересных происшествий в области жёлтого вопроса».

Как нам сегодня сообщили, никаких эксцессов в области административной деятельности местных властей не обнаружено, и приведенная заметка страдает неточностью» [11].

О том, что на самом деле обнаружила комиссия, рассказывается в статье Т. З. Позняк [8, с. 86–88]. Членам комиссии поступили жало-

Рис. 2. Объявление о развлекательной программе в кабаре «Модерн» (с августа 1913 г. театр-варьете «Мулен Руж»), газета «Далекая окраина», 2 марта 1913 г.

бы от китайских подданных Лян-вен-цзы и Чи-сян-ге на незаконные действия советника Приморского областного правления Г. Г. фон Ундрица. Первый обвинял чиновника в незаконной высылке своего брата Лян-вен-шаня, который прожил 20 лет во Владивостоке, служил переводчиком в полиции, затем занимался коммерцией и имел репутацию честного солидного коммерсанта. Причиной высылки, по мнению Лян-вен-цзы, стало выступление Лан-вен-шаня в качестве свидетеля по делу Е-фу-гуя и Ундрица. Второй проситель ходатайствовал о возвращении своего незаконно высланного брата Чжоу-зун-сана. Чи-сян-ге показал, что в июне 1913 г. к брату пришёл переводчик военного губернатора Сун-фу-цин и просил занять для Ундрица 500 руб., угрожая высылкой, брат отказался и был три раза оштрафован, а затем 22 августа 1913 г. был выслан на родину. Он назвал фамилии купцов, как дававших взятки Ундрицу, так и высланных за отказ от дачи взятки.

По делам возглавляемого советником Ундрицем 4-го отделения Приморского областного правления комиссия установила, что оба китайца были высланы на родину по постановлениям военного губернатора Приморской области как «порочные» иностранцы за содержание опекурилен и банков. Они неоднократно подвергались штрафам как арендаторы домов, в которых были выявлены тайные притоны, что подтверждалось протоколами облав.

Однако жалобы китайцев на неблагоприятные поступки Ундрица нашли подтверждение в ряде свидетельских показаний. Комиссия пришла к выводам, что фон Ундриц, пользуясь служебным положением и особым доверием военного губернатора М. М. Манакина, из корыстных соображений в соучастии с бывшим переводчиком китайского языка Сун-фу-цином «вымогал с китайцев деньги под угрозой выселения в случае отказа...» Ундриц установил систему поборов с

китайских купцов, содержателей банковок и опекурилен, причём в случае отказа платить применял штрафные санкции, а затем высылал из области; подобные регулярные поборы под видом займов он осуществлял и с Владивостокского Китайского общества (размер «позаимствований» составлял 150–300 рублей), а затем и вовсе поменял состав правления общества, чем «приобрёл сильное влияние на его дела». Он организовал систему, когда задержанные китайцы освобождались на поруки только местному Китайскому обществу (разумеется, не безвозмездно). Переводчик Су-фу-цин содержал собственную банковку, в которой проигрывались большие суммы, затем делившиеся между «компаньонами».

Свидетели привели немало фактов, когда арендаторы домов, где выявлялись притоны, и владельцы банковок не подвергались наказаниям, так как либо ежемесячно платили Унтрицу по 400–500 руб., либо делали ему крупные подарки. В качестве таких примеров свидетели назвали содержателя банковки Згуга, владельца гостиницы «Крымские номера» И. К. Боровикса, владельцев домов Ван-и-лина и Тан-вен-зяна. Китаец же Де-вэн-цзян принуждён был купить в магазине Мао-чан на 1000 рублей железа для постройки дачи Унтрица.

Владивостокский полицмейстер Г. И. Лединг в беседе со Щербakovым сказал, что Унтриц часто прибегал к займам денег у пристава 3-й части С. К. Процука, вызывая его в шантаны, где он кутил и денег не платил, запугивая содержателей своим служебным положением. Он жил не по средствам и кутил за счёт заведений в шантане «Мулен Руж» (см. Рис. 2 и 3), гостинице «Европа»¹, ресторане «Золотой Рог»².

Рис. 3. Здание по адресу Алеутская, 22 (Фокина, 12), в котором размещался шантан «Мулен Руж». Современное состояние, фото автора.

¹ Размещалась по адресу Светланская, 8.

² Размещалась по адресу Алеутская, 20, сегодня это Алеутская, 24.

На вопрос, почему он не донёс об этом, Лединг ответил, что «не заявлял Управляющему Областью только потому, что считает это бесполезным и в то же время опасным для себя», так как Ундриц сумел составить себе в глазах своего начальства репутацию «делового, верного служаки». Комиссия пришла к выводу, что дальнейшее расследование было возможно «только при условии устранения влияния Ундрица на китайские дела» [8, с. 88].

В марте 1914 г. советник 4-го Отделения Приморского областного правления коллежский ассесор Густав Густавович фон Ундриц подал (или был вынужден подать) на имя военного губернатора Приморской области (в это время его обязанности исполнял покровительствовавший Ундрицу вице-губернатор Лодыженский) прошение о 28-дневном отпуске с последующим увольнением в отставку, одновременно прося исходатайствовать ему, «ввиду болезненного состояния», усиленной пенсии (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 48). 14 марта 1914 г. он подал Всеподданнейшее прошение об увольнении его «по болезненному состоянию» и невозможности продолжать службу «от занимаемой должности и вовсе от службы» в отставку «с назначением пенсии вне правил в усиленном размере в виду долголетней моей службы на Дальнем Востоке с ассигнованием таковой на санкт-петербургское казначейство» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 50).

К Прощению прилагались медицинское свидетельство и акт врачебного освидетельствования. В первом документе врач М. А. Бергер удостоверял (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 56), что лечил Ундрица от тугоухости в связи с хроническим катаром носа, носоглотки и так называемых Евстахиевых труб в 1903, 1907 и 1909 гг. «В настоящее время слух у г. Ундриц резко понижен, а именно: левым ухом он различает шёпотную речь на расстоянии $\frac{1}{2}$ метра от уха для слов с высокими и шипящими звуками и на $\frac{1}{4}$ метра для слов с низкими звуками». Через месяц этот же врач будет выписывать такое же медицинское свидетельство для самого вице-губернатора Лодыженского, у которого он найдёт «косоглазие» и «невралгические боли головы» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. Л. 74).

Врачебный отдел Приморского областного правления в присутствии старшего советника А. В. Суханова также освидетельствовал состояние здоровья Ундрица (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 55). «По словам исследуемого, во время участия в походе на Китай в 1900–1901 гг. появилась и стала развиваться тугоухость, усилившаяся во время русско-японской войны. В период между двух кампаний болел катаром одной из верхушек лёгких с кровохарканьем. В настоящее время жалуется на тугоухость, причём на левое ухо ничего не слышит, на правое очень плохо, одышка, постоянный кашель, боль в груди, головные боли, общую слабость, на общую раздражительность, плохой прерывистый сон, сердцебиение и общую потливость.

При объективном исследовании найдено: свидетельствуемый телосложения правильного, питания удовлетворительного, кожа бледная, верхняя часть грудной клетки уплощена, ключицы выступают резко, зубы очень плохи, почти все кариозные, на левой верхней челюсти отсутствуют. Пульс 96 ударов в минуту... При выслушивании верхушек лёгких обнаружен жёсткий вдох, особенно правой верхушки, границы печени и селезёнки в норме, слизистая зева и задней стенки глотки гиперемирована, блестящая. Со стороны слуха обнаружено,

что исследуемый различает шёпотную речь левым ухом на расстоянии четверти метра, правым на более значительном расстоянии, при разговорной обычной речи в комнате исследуемый к говорящему должен обратиться правым ухом, иначе, по его словам, он не слышит».

Представляя прошение Ундрица генерал-губернатору Гондатти, вице-губернатор Лодыженский просил предоставить Ундрицу двухнедельный срок для сдачи дел (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 49). Разрешение было получено (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 63), и 29 марта 1914 г. Густав Густавович фон Ундриц сначала отправился в разрешённый ему 28-дневный отпуск (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 61), а 25 апреля 1914 г. Приказом генерал-губернатора был уволен в отставку (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 65), сдав дела коллежскому секретарю Соколовскому (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 69).

Просимая Ундрицем при выходе в отставку пенсия в усиленном размере по 950 руб. в год была назначена ему только 22 января 1915 г. циркуляром Министерства внутренних дел с 25 апреля 1914 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 52). Но разыскать бывшего советника для вручения пенсии не удалось. С началом первой мировой войны Ундриц вернулся на военную службу. Именно он 21 января 1915 г. прислал в областное правление из Петрограда телеграмму (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3757. Л. 30) о смерти в бою бывшего вице-губернатора Приморской области Лодыженского. Телеграмма подписана «бывший советник капитан Ундриц».

Это последний найденный в РГИА ДВ документ, в котором содержатся сведения о службе Густава Густавовича Ундрица. На отправленный 2 мая 1915 г. запрос нового военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта А. Д. Сташевского из Петрограда 18 июня 1915 г. был получен ответ: «В Главном Штабе сведений о месте службы штабс-капитана Ундрица не имеется» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4229. Л. 73).

Сведения о дальнейшей судьбе бывшего советника Приморского областного правления выявлены в документах Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва). Согласно составленному 23 июня 1915 г. послужному списку, на основании Высочайшего указа от 18 июля 1914 г. капитан Густав Густавович фон Ундриц был призван из государственного ополчения на действительную службу и, согласно призывному листу за № 6060, 6 августа 1914 г. назначен в 20-ю пешую Вологодскую дружину. 8 августа прибыл к Санкт-Петербургскому уездному воинскому начальнику. 16 августа прибыл в 20-ю пешую Вологодскую дружину, зачислен в списки и назначен командиром 1-й роты. 17 августа вступил в командование 1-й ротой. 1 сентября назначен членом дружинного суда. 25 января 1915 г. по болезни был отрешён от командования ротой. Прикомандирован к Управлению Петроградского уездного воинского начальника, согласно сношению начальника тылового эвакуационного пункта от 10 февраля 1915 г. (Российский государственный военно-исторический архив, далее – РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173067. П/с 148–894. Л. 10–13об.).

Согласно свидетельству о болезни от 25 августа 1917 г., выданному комиссией при Петроградском Николаевском военном госпитале, «Капитан Ундриц страдает полною глухотою на левое ухо при значительной степени принижения слуха на правое, почему комиссия по-

лагает, что названный офицер... к военной службе не годен» (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173067. П/с 148–894. Л. 6–7).

Приказом по Петроградскому военному округу на театре военных действий от 16 ноября 1917 г. за № 26, §3 призванный на службу по государственному ополчению, прикомандированный к Управлению Петроградского уездного воинского начальника капитан Г. Г. фон Ундриц был уволен от службы по болезни без зачисления в ополчение (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173067. П/с 148–894. Л. 2–2об.). Что с ним случилось дальше, ещё предстоит выяснить.

В истории Густава Густавовича фон Ундрица, бывшего офицера, участника трёх войн и советника Приморского областного правления, нет положительных и отрицательных персонажей. Документы рисуют нам образ коррумпированного чиновника, вступившего после приёма на должность в конфликт с руководителями китайской организованной преступности во Владивостоке. Этот конфликт был вызван корыстной заинтересованностью чиновника в получении крупной взятки и вёлся обеими сторонами с использованием различных методов, таких, как ложные доносы, подставные свидетели, сфабрикованные документы и т. п. На стороне Ундрица был административный ресурс, позволявший добиться высылки неугодных китайцев. Помимо преимуществ своей должности советник пользовался покровительством военного губернатора и вице-губернатора, что гарантировало его от разоблачения в соответствии с законодательством.

Однако даже в условиях Владивостока начала XX века, как и в другие эпохи в истории России, закон, когда о нём вспоминали, иногда всё-таки добирался до его нарушителей. Обычно это происходило не из-за народных жалоб и желания властей навести порядок в управлении, а вследствие борьбы за сферы влияния и финансовые потоки. Так и завершение «дела Ундрица» стало следствием не ошибок и преступлений самого чиновника, а результатом борьбы областной и краевой администраций. В январе 1914 г. Владивосток покинул переведённый на другую должность военный губернатор Приморской области М. М. Манакин. Исполняющим обязанности губернатора временно стал один из друзей Ундрица, кутивший вместе с ним по барам, ресторанам и публичным домам вице-губернатор В. И. Лодыженский, находившийся к этому времени в плохих отношениях с Приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти. Генерал-губернатор, собиравший компромат на подчинённого ему вице-губернатора, от которого он не мог просто так избавиться ввиду его больших связей при императорском дворе, отправил во Владивосток комиссию по расследованию дел 4-го отделения. Этими и другими действиями он добился снятия с должностей ближайших помощников Лодыженского: в марте 1914 г. подал в отставку Ундриц, в апреле был уволен по 788-й статье Устава о службе без объяснения причин, без мундира и пенсии столоначальник Областного правления А. П. Высоков. Справиться с самим вице-губернатором оказалось сложнее, но и он 1 мая 1914 г. был вынужден выехать из Владивостока в отпуск и назад уже не вернулся. Так завершилась одна из увлекательнейших историй старого Владивостока, вместившая в себя взяточничество, казнокрадство, вымогательство, борьбу с администрацией и прессой, романтические приключения и финансовые авантюры, о которых в городе рассказывали целые анекдоты [1].

Литература

1. Агапов В. Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В. И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 127–148.
2. Буяков А. М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 97–116.
3. Дело о выселении И-фу-Гуя // Уссурийская окраина. 1911. № 180. 26 августа. С. 2.
4. Ковалевская Ю. Н. «Силовое предпринимательство» чиновников в исторической ретроспективе // Тихоокеанская Россия в междивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые крушановские чтения, 2011). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 38–42.
5. Ковалевская Ю. Н. Чиновники Дальнего Востока России (вторая половина XIX века). Saarbrücken: Lambert, 2011.
6. Позняк Т. З. «Азиатские кварталы» Владивостока и коррупция полиции в начале XX в. // Владивосток: история и современность. Мат. научно-практ. конф., посвящённой 150-летию Владивостока. 19 апреля 2010 г. Владивосток, 2011. С. 100–108.
7. Позняк Т. З. Китайские иммигранты и принимающее общество: парадоксы межкультурного взаимодействия на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность. Сб. науч. тр. по итогам работы региональной научно-практической конференции. 23–24 сентября 2011 г. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2011. С. 33–40.
8. Позняк Т. З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. 2011. № 3 (18). С. 80–89.
9. Сухачева Г. А. Обитатели «Миллионки» и другие: деятельность тайных китайских обществ во Владивостоке в конце XIX – нач. XX вв. // Россия и АТР. 1993. № 31. С. 62–70.
10. Хроника // Текущий день. 1914. № 840. 29 янв.
11. Хроника. Исправление // Текущий день. 1914. № 841. 30 янв.

ЛЫКОВА Елена Арсентьевна,

канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
E-mail: Lykov-k-k@yandex.ru

УДК 94(470-571.63.)

«Корейский вопрос» в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы

Корейские иммигранты, дальневосточная деревня, особенности землепользования, взаимоотношения с советской властью, землеустройство, национальная самобытность, корейская земледельческая культура, коллективизация, депортация

В статье раскрываются причины возникновения «корейского вопроса» в дальневосточной деревне в условиях проведения имперской властью переселенческой политики во второй половине XIX – начале XX вв., подчёркивается непоследовательность действий местной администрации по отношению к корейским иммигрантам. В 1920-е годы решение «корейского вопроса» Советским государством осуществлялось в процессе перестройки земельных отношений на основе Земельного Кодекса РСФСР с учётом региональных особенностей. В 1930-е дальневосточные корейцы одни из первых в СССР подверглись депортации.

В истории российского Дальнего Востока с первых лет его интенсивного хозяйственного освоения имперской властью в 60-е гг. XIX века накапливались причины возникновения «корейского вопроса». И главной, на наш взгляд, явилась непоследовательная политика по отношению к корейским иммигрантам: от благожелательности к «элементу трудолюбивому, нетребовательному, законопослушному», полезному для нужд русских колонистов второй половины XIX века, [2, с. 45] до попыток ограничения и пресечения увеличившегося наплыва корейцев после русско-японской войны и в 1910 г. после аннексии Кореи Японией. Однако попытки были безуспешными, т. к. дальневосточная граница фактически являлась открытой почти на всём её протяжении. Японское же правительство настойчиво стремилось выселить с корейского полуострова его коренных жителей, поощряя льготами переход корейцев в Южно-Уссурийский край.

Новая волна иммигрантов хлынула в Приморье после подавления антияпонского восстания в марте 1919 г. и последовавших за ним жестоких гонений со стороны властей. Ещё более увеличился приток корейцев с восстановлением в конце 1922 г. советской власти в Приморье. Корейские иммигранты прибывали и расселялись в южном Приморье фактически до конца 1925 г., полностью прекращён въезд корейцев на территорию края в начале 1930-х гг.

По данным Всесоюзной переписи населения 1937 г. в СССР числилось 168259 корейцев, основным регионом их сосредоточения являлось Приморье (Посьетский, Сучанский, Суйфунский районы). В Посьетском районе корейцы составляли в 1927 г. почти 65% всего населения, в Суйфунском – до 50%, в Ханкайском – до 30% (ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 178. Л. 65). В год на территорию края просачивались не менее 20 тыс. человек, половина которых задерживалась на границе (ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 183).

Усиливавшийся приток корейцев, их самовольное расселение на землях, отведённых переселенческим органам, начавшееся в 1925 г. восточное движение крестьян-переселенцев из центральных районов России, страдавших аграрным перенаселением, обусловило постановку «корейского вопроса» перед местными органами власти как одного из важнейших.

Для упорядочения самовольного переселения и организации расселения иммигрантов в 1926 г. при Дальневосточном революционном комитете была сформирована корейская комиссия. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что «корейский вопрос» в 1920-е гг. был одним из часто обсуждаемых партийными и советскими органами Дальнего Востока. Играл роль не только экономический фактор. Советы столкнулись с тем, что, по данным сельскохозяйственной переписи 1923 г., 72,8% корейцев в Приморье юридически числились в японском подданстве [4, с. 73]. Это существенно повлияло на обстановку вокруг корейской общины в последующие годы.

В качестве первоочередной меры корейским иммигрантам ввели ограничение на самовольный въезд во Владивостокский округ, где уже наиболее остро стал ощущаться дефицит свободного земельного фонда. Выход из создавшегося положения местные власти нашли в организации внутрикраевого расселения, т. е. переселении вновь прибывающих корейцев в Хабаровский и Благовещенский округа с предоставлением им льготного тарифа для проезда, льготного отпуска лесоматериалов для обустройства, отвода за счёт государственных средств земельных участков. При определении мест расселения им старались предоставить такие, которые были бы близки по природным и климатическим условиям к местам их прежнего обитания.

Второй путь решения «корейского вопроса» – включение его как составной части в земельную политику, проводимую на российском Дальнем Востоке в 1920-е гг.: определение земельных норм наделения, первоочередное землеустройство в тех селениях, где осели корейцы, имевшие российское гражданство, урегулирование земельной аренды и отношений найма-сдачи орудий труда и рабочих рук.

90% корейского населения края существовало исключительно доходом от земли, арендуя её в старожильческих селениях. Прилив из-за границы безземельной корейской бедноты искусственно повышал удельный вес хозяйств, арендующих землю на довольно тяжёлых условиях. В 1928 г. почти 53% всех корейских хозяйств вынуждены были арендовать земельные участки [3, с. 12]. Часто аренда носила кабальный и скрытый характер. По Шкотовскому району было зарегистрировано 57 сделок на аренду 520 дес., в то время как фактически сдано 32 тыс. дес. Например, в селе Романовка находилось 43 корейских двора. Почти всё село сдавало землю корейцам в аренду на кабальных условиях из 50% урожая и за счёт этого обогащалось.

В Михайловском районе было скрыто до 90% сделок. Скрытой арендой чаще всего пользовались корейцы, нелегально поселившиеся в крае [2, с. 47].

Арендывали корейцы и земли государственного фонда, на которых хозяйственные органы местных исполкомов советов строили ирригационные системы для рисосеяния. Здесь условия аренды были мягче, обычно из доли 25 – 30% урожая (ГАПК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 363. Л. 121). Довольно распространённой формой аренды являлась передача корейцам земли в безвозмездное пользование на 1–2 года за работу по раскорчёвке и первоначальной разработке земли. Особенностью аренды в Приморье являлась сдача земельных участков корейским крестьянам бесплатно «под бобы», в целях восстановления плодородия почвы. Некоторая часть корейцев, не имея земли и средств для её аренды, вынуждена была заниматься промыслами, идти в батраки.

Корейскую колонизацию можно определить в основном как земледельческую, для которой было свойственно переселение целыми семьями, стремление прочно осесть на земле, образование моноэтнических поселений, сохранение своей культуры. Корейцы традиционно занимались огородничеством, выращивали рис, сою. Хорошее знание природно-климатических условий, трудолюбие, позволяли им вводить в хозяйственный оборот новые, порой трудноосваиваемые земли, выращивать больше разнообразных овощных и зерновых культур. Неурегулированный вопрос о землепользовании корейских иммигрантов привёл к тому, что только 24,4% прибывших в начале 1920-х гг. связали свою судьбу с сельским хозяйством (ГАПК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 31. Л. 13об.).

Корейской комиссии Дальревкома было предложено разработать план, определить сроки и объёмы землеустройства корейцев. Первый землеустроительный отряд уже осенью 1923 г. был направлен губернским земельным управлением в самый густонаселённый корейцами Посъетский район Приморья для устройства 26-ти (из 50-ти) корейских малоземельных селений.

Несмотря на то, что к концу 1927 г. в Приморье было землеустроено свыше 10 тыс. хозяйств корейцев, 2 тыс. проходили этот процесс, оставалось ещё 10–12 тыс. хозяйств, нуждавшихся в немедленном землеустройстве. При выработке земельных норм для корейцев (эта работа в пределах всего Дальневосточного края затянулась до конца 1927 г.) земельные органы стремились стимулировать рыночный характер хозяйств, дать возможность их расширения.

До 1923 г. в землепользовании корейских селений почти не было сенокосов, в то время как в старожильческих селениях на хозяйство приходилось 5 дес. покоса, у новосёлов (переселенцев начала 20 в.) – 2,5 дес. В процессе землеустройства корейские крестьяне получили площади сенокоса, соответствующие количеству скота в среднем крестьянском хозяйстве, т. е. по 2 дес. на голову крупного рогатого скота.

Следует заметить, что дорогостоящие землеустроительные работы в корейских селениях государство взяло на свои плечи. Местные старожильческие хозяйства землеустраивались за свой счёт. Дальревком в 1923 г. ассигновал 306 тыс. руб. специально на землеустройство корейцев и поставил перед земельными органами задачу провести ра-

боты в течение трёх лет (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 53. Л. 268). Делало это государство прежде всего в своих интересах.

В практике решения «корейского вопроса» региональные власти руководствовались принципом полезности земледельческой системы хозяйств в развитии экономики региона.

В начале 1920-х годов в дальневосточной деревне отсутствовала сложившаяся система полеводства. Её называли «вольной», т. е. не было устойчивого чередования посевов, пара, залежи. Экстенсивное земледелие русских крестьян столкнулось с интенсивной, своеобразной по огромной трудоёмкости корейско-китайской земледельческой культурой. Большое распространение аренды корейскими крестьянами пахотной земли у старожилов способствовало сосуществованию рядом этих двух систем, оказывавших влияние одной на другую.

Корейская система полеводства (отсутствие определённого севооборота, но чередование «восточных культур» – чумизы, пайзы, бобов – с другими культурами, т. е. плодосмен, способствовали восстановлению плодородия) нарушала традиционные для русского земледелия формы парозалежной системы и в большей степени приближала её к почвенно-климатическим особенностям края. Корейские переселенцы сумели приспособить сельскохозяйственные орудия, самые примитивные, и свои приёмы земледелия к местным природным условиям, добившись сравнительно высоких урожаев и удовлетворительного качества зерна. В Посыетском районе, наиболее рентабельном в Приморье в 1920-е гг., где, как упоминалось выше, более 60% населения составляли корейские крестьяне, урожай масличных бобов достигал 90 пудов с десятины – самый высокий из всех видов выращиваемых сельскохозяйственных культур (пшеница – 55 пудов, озимая рожь – 75, гречиха – 45). В одном из отчётов Приморской губернской партийной организации о работе в деревне за 1925 г. отмечено, что корейские хозяйства, располагая примерно 20% посевной площади, дали 50% всей полевой продукции за счёт возделывания интенсивных культур (рис, бобы), требующих больших затрат труда (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 53. Л. 270).

До конца 1920-х гг. исключительно на труде корейских крестьян держалось рисосеяние в крае, ими обрабатывалось почти 90% полей под этой культурой. Опыт выращивания риса корейцами был применён при постройке первой в Дальневосточной области в 1924 г. крупной рисовой плантации под Никольском на площади 800 дес. Уже первый урожай покрыл все затраты на сооружение плотин и каналов [3, с. 17].

Русское многопольное и экстенсивное хозяйство частично начинало применять многие приёмы «корейской» системы – прополку, культивирование масличных бобов, не только самой рентабельной культуры на юге Дальнего Востока, но и восстанавливающей плодородие почвы. Обзоры сельского хозяйства Приморья показывают увеличение площади посевов бобов в хозяйствах русских крестьян в середине 1920-х гг. в 4 раза. Корейцы, в свою очередь, в значительных размерах стали возделывать овёс, прежде являвшийся традиционным в посевах русских крестьян-переселенцев. Шло медленное взаимопроникновение двух земледельческих культур.

Нельзя не сказать ещё об одной стороне проявления «корейского вопроса» – обострении отношений между русским населением и ко-

рейскими иммигрантами. Большое скопление корейцев на юге Приморья, их земельная неуроченность создавали богатую почву для их эксплуатации старожильческим населением. В письме председателя Дальревкома Я. Гамарника, направленном Всероссийскому Центральному исполнительному комитету в августе 1925 г., отмечалось, что «... корейский вопрос ... по своей политической сущности и экономическому значению выходит за пределы ДВО, являясь серьёзным вопросом государственного порядка, требующим к себе исключительного внимания...», и предупреждал: «... земельные настроения в дальнейшем могут вылиться в резкий антагонизм между русским и пришлым корейским населением» (РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 88. Л. 20-21).

Требования корейцев, подданных России (в 1927 г. их насчитывалось уже 40% от общей численности корейцев), уравнивать их в правах пользования землёй с русским населением, изменить кабальные условия аренды, снизить тяжесть различных административных налогов, распространявшихся на приезжих, которые считались иностранными подданными (приобретение за 12 руб. билетов на жительство на каждого совершеннолетнего, введение особой платы за возведение построек, а к концу 1920-х гг. за пользование лугами, за воду для рисовых систем и др.), усиливало напряжённость во взаимоотношениях с корейцами.

Одними требованиями корейские сельские общества не ограничивались. Они не соблюдали порядка пользования земельным фондом, заняв на тех или иных основаниях земельный участок, старались сохранить его за собой, не считаясь ни с какими обстоятельствами. На крестьянских отводах, по окончании срока аренды, не освобождали участки, пока домохозяин или сельское общество не принуждали их к этому путём репрессивных мер. Земли государственного фонда занимались корейским населением зачастую самовольно, по собственному выбору, без учёта предназначения этой земли (РГИА ДВ. Ф. Р-1506. Оп. 1. Д. 17. Л. 60-63).

Негативную реакцию у корейских иммигрантов вызвали действия местной власти по их расселению из южных районов Приморья на север Хабаровского округа и в Благовещенский округ. Планы расселения неоднократно корректировались, но ввиду недостатка финансовых средств в полном объёме они не были выполнены. Не были подготовлены районы к приёму переселенцев, не хватало жилья, рабочего скота, посадочного материала. Многие корейские крестьяне вынуждены были возвращаться в Приморье, часть отказывалась переезжать, некоторые пытались нелегально уйти в Корею и Китай.

Несмотря на все трудности к концу 1920-х гг. земельный вопрос с корейскими иммигрантами частично был решён. Более половины безземельных и малоземельных корейских крестьянских хозяйств получили земельные наделы.

Компактное заселение корейских иммигрантов позволяло корейцам-подданным России, сохраняя в значительной мере свою национальную самобытность, постепенно приобщаться к быту и культуре России, достичь определённого уровня материального достатка, невозможного на исторической родине.

Начавшаяся в январе 1930 г. массовая коллективизация коснулась и корейцев. Под нажимом властей корейские крестьяне стали

объединяться в колхозы. Корейские деревни поспешно объявлялись районами сплошной коллективизации. В Суйфунском районе уже в начале февраля 1930 г. более 30% корейских крестьянских хозяйств были объединены в колхозы [3, с. 17]. Созданные национальные корейские колхозы, как и большинство русских, столкнулись с проблемой земельной неустроенности. Вопросы землеустройства колхозов обрели особую остроту, часть их длительное время не была обеспечена постоянными земельными наделами и влачила полунищенское существование.

Форсирование колхозного строительства в дальневосточной деревне, как и по всей стране, сопровождалось раскулачиванием части корейских крестьян, реквизициями, запрещением свободного сбыта продуктов собственного производства. Массовые обыски, аресты привели к уходу корейцев из края, что повлекло за собой уменьшение посевных площадей риса, бобов, чумизы и других культур. В отдельных районах Приморья рисосеяние упало на 40–50%. Так, в одном Шкотовском районе ушло с рисовых плантаций до 600 семей. План посева риса в районе в 1930 г. был выполнен на 34%. Аналогичная картина наблюдалась с такой культурой, как бобы: в 1929 г. корейцы засевали почти 2 тыс. дес. бобовых, в 1930 г. – 50 дес. (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2-4. Д. 169. Л. 84).

В Сучанском районе сельским советам было отдано распоряжение «все фанзы бежавших корейских граждан немедленно разрушить», в результате сожжено 30 фанз и национальная школа. Такие же указания получили сельсоветы районов компактного проживания корейцев. Село Тотугоо, в котором имелось 150 хозяйств, полностью вместе с сельсоветом и комсомольской ячейкой ушло за границу (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2-4. Д. 169. Л. 78-79).

К 1932 году на Дальнем Востоке возникла сложная внутривнутриполитическая и международная обстановка. Активизируются антиколхозные выступления, усиливаются антисоветские настроения. Используя ситуацию, Япония через корейское общество «Кук-Мин-Хой» («Национальное общество»), созданное ещё в дореволюционный период, пыталась противостоять переселению корейцев, призывая их не выселяться из пограничных районов, бороться за корейскую автономию в Приморье [4, с. 75].

Большая концентрация корейцев, прежде всего иностранных подданных, в приграничной зоне, активность Японии вызывали беспокойство военных и гражданских властей. «Корейский вопрос» становился уже вопросом государственного, а не только краевого значения. Учитывая, что попытки постепенного отселения корейцев в северные районы края результатов не принесли, Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) в августе 1937 г. приняли специальное постановление «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Руководству Дальневосточного края было предложено в срок до 1 января 1938 г. выселить корейцев из пограничных районов в Южно-Казахстанскую область, а также в районы Аральского моря и Балхаша, Узбекскую ССР. Подлежащим переселению корейцам было разрешено брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность, а также получить возмещение стоимости оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов.

23 августа 1937 г. Далькрайком ВКП(б) для руководства работой по переселению создал специальные «тройки». По сообщению официальных органов, к 25 октября 1937 г. корейское население полностью было выселено с территории Дальнего Востока. По существу была проведена полная депортация корейского населения в количестве 36442 семей (171781 чел.) [4. с. 76].

Принятые меры, обоснованные властью общественной необходимостью, носили репрессивный характер по отношению к корейскому населению, сказались не только на социально-культурном развитии корейской диаспоры, прежде всего подданных СССР, но и определённым образом повлияли на темпы развития сельского хозяйства региона. Массовый и практически единовременный отток рабочей силы из колхозов и совхозов не позволил в короткий промежуток времени найти им равноценную замену.

Форсированная депортация корейцев стала новой трагедией для народа, отторгнутого своей исторической родиной и нашедшего спасение на земле Российского Дальнего Востока.

Литература

1. Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: Жизнь и трагедия судьбы. – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отделение. 1993. – 367 с.
2. Петров А. Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. 1929. № 1. С. 45–54.
3. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина). – Хабаровск: «Книжное дело», 1931. – 320 с.
4. Торопов А. А. Краткий перечень документов Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока о российско-корейских отношениях (1860–1931 гг.) // Корейцы на Российском Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. Выпуск 1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. – С. 70–76.

Культура

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна,

канд. филол. наук, вед. науч. сотр. центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: lefet@yandex.ru

УДК 398.22 (=571.6)

Повествовательный фольклор тунгусо-маньчжурских народов в свете этнокультурных контактов

Дальний Восток, тунгусоязычные народы, маньчжуры, повествовательный фольклор, жанровый состав, этнокультурные традиции, ареал распространения, межкультурное взаимодействие

В статье рассмотрен жанровый состав повествовательного фольклора тунгусоязычных народов южной группы (нанайцев, ульчей, ороков-уйльта, орочей), показана его генетическую общность, а также специфика устно-поэтического наследия разных этносов, обусловленная взаимодействием с культурой соседних народов, главным образом маньчжуров. Автор приходит к выводу, что влияние внешних факторов способствовало обогащению жанрового и тематического разнообразия фольклорных традиций коренного населения Дальнего Востока, однако заимствования из культуры южных соседей носили избирательный характер.

Традиционное культурное наследие аборигенного населения Дальнего Востока представляет собой важную составляющую мировой культуры, однако стремительно изменяющаяся действительность неминуемо ведёт к его разрушению и утрате. Исследование и фиксация исчезающих традиций служит одним из способов их сохранения для последующих поколений.

В общественном устройстве тунгусо-маньчжурских народов ещё в первой половине XX в. наблюдались отголоски родового строя. Их основными занятиями являлись рыболовство и охота. Традиционное мировоззрение основывалось на одушевлении и одухотворении сил природы. Доминирующая религиозная система была представлена шаманизмом, впитавшим в себя промысловые культы и культ предков [11]. Как архаические, так и более поздние воззрения получили отражение в различных жанрах фольклора.

Космическая модель мира у тунгусо-маньчжуров имеет вертикальную ориентацию. Верхний и Нижний миры состоят из нескольких ярусов (чаще всего из трёх, но, возможно, и семи, девяти). Могущество обитателей Верхнего мира возрастает по мере удаления от Земли. Средний (срединный) мир заселён людьми. Рядом с ними обитает

Статья подготовлена на основе доклада на Региональной научной конференции с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации», проведённой центром истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН 17 ноября 2015 г.

множество существ, обладающих сверхъестественными свойствами и способных принимать любой облик, в том числе антропоморфный, что облегчает общение с человеком. Это «хозяева» водоёмов, гор, лесных угодий и пр. Духи, обитающие рядом с людьми, большей частью не делятся на добрых и злых, они амбивалентны: могут выступать в роли покровителей, но могут и жестоко наказать за нарушение установленных правил и запретов. Наряду с этим существуют и однозначно вредоносные духи, в их числе те, которые вызывают различные заболевания. Дух высшего порядка, олицетворяющий природу как разумное одушевлённое начало, у многих тунгусо-маньчжуров именуется *Буга/Бога (Буа/Боа)*. Этим словом называют также местность, природу, небосвод. Информация о Нижнем мире (*буни*) противоречива. Чаще всего он воспринимается как загробный мир и место обитания злых духов [2, с. 73–79].

Языки большинства коренных народов Амура лингвисты относят к южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков алтайской языковой семьи, отмечая их сравнительную близость при высокой степени диалектной раздробленности [7, с. 523]. Традиционный фольклор южной группы тунгусо-маньчжуров (нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, ороков-уйльта) также имеет много общих черт. Устойчивое единство прослеживается в системе жанров, поэтике, способах функционирования. Доказательством обоснованности данного тезиса может служить терминология, сложившаяся у тунгусоязычных этносов. Большинство из них всё многообразие повествовательного фольклора определяют однокоренными словами. Несказочная проза, т. е. группа жанров, содержание которых признаётся достоверным, обозначается народными терминами *тэлунгу/тэлэнгу* (нан. ; ульч. ; орок.); *тэлуну* (удэг.); *тэлуму, тэлуну* (ороч.). Сюда входят космогонические, родовые, промысловые и др. мифы, шаманские легенды, исторические и топонимические предания, охотничьи рассказы. Также однокоренным термином большинство тунгусо-маньчжуров именуют группу повествовательных жанров, которую условно можно соотнести со сказками европейских народов: *нингман* (нан., ульч., орок.), *ниманку* (удэг.), *нима, ниману* (ороч.). На родство тунгусо-маньчжурских народов указывает также общее имя эпического героя – *Мэргэ(н)*, (*Мыргын, Мэгге*), ему приписывалась не только необыкновенная сила, но и сверхъестественные способности. Общим является и обозначение эпической героини – *Пуди(н)* [5, с. 110].

Несказочная проза, в которой доминирует информационная функция, состоит из текстов небольшого объёма; рассказчики используют обычный разговорный язык, не прибегая к специальным средствам художественной выразительности. Для придания повествованию убедительности в арсенале исполнителей имеется несколько типичных приёмов: даже явно вымышленные события подаются на реальном историческом фоне (приводится топонимия конкретной местности, называются имена реальных людей), часто ссылаются на источник информации – очевидца или прямого участника событий, нередко нарратив оформляется как изложение вещего сна. Встречаются случаи, когда повествователь называет себя одним из действующих лиц. Такие тексты вполне сопоставимы с русскими «быличками» – рассказами о встречах со сверхъестественными существами, «нечистой силой», обитателями «иных миров» и пр.

Рудиментами древнего мифотворчества являются сюжеты, связанные с тематикой космогенеза, антропогенеза, культурогенеза. В этом ряду заслуживает внимания распространённый миф о множественности Солнц, герой которого представляет собой разновидность демиурга. Он делает Землю пригодной для жизни, уничтожив лишние светила, выжигавшие всё живое. Этот сюжет неоднократно фиксировался исследователями, начиная со второй половины XIX в. Его герой чаще всего носил имя *Хадо/Хадау*. В мифах ороков (уйльта) он не только спасает обитателей Среднего мира от палящего жара нескольких Солнц, но является подлинным культурным героем: создаёт культурные ценности и шаманские ритуалы, обучает людей правильному отправлению обрядов [12, с. 72]. Е. В. Шаньшина (Рудникова), сопоставив различные тунгусо-маньчжурские тексты, пришла к заключению о том, что наиболее информативными являются нанайские версии, в которых *Хадо* выступает родоначальником *Заксоров* [15, с. 53–57]. Вероятно, это род ульчского происхождения. Роду *Заксули/Джаксули* ульчи приписывали распространение шаманства: «*Был раньше один человек из рода Джаксули, сёстры его были шаманами, жена шаманкой, сам он был шаман. Тогда у других родов шаманов не было. Только у Джаксули шаманы были. Однажды вечером там шаман шаманил. Севон в чонко (отверстие в наружной стене дома, под крышей – Л. Ф.) улетел. Тогда у других родов шаманы появились*» [4, с. 154]. В целом же проблема праварианта остаётся дискуссионной, и, хотя сам сюжет является международным, образ *Хадау* указывает на Юго-Восточную Азию; Е. П. Лебедева выявила его корейские параллели [13, с. 12].

Контакты с маньчжурами оказали существенное влияние на религиозные воззрения тунгусоязычных этносов. Изначальный политеизм этих народов, населявших окружающее пространство духами-хозяевами стихий и промысловых территорий, органично вобрал в себя представления маньчжуров о верховном божестве *Эндури/Эндули*, обитающем на небе и управляющем вселенной с помощью многочисленных духов-помощников. Это божество описывали как высокого старика (по мнению орочей, он был втрое выше обычного человека) [1, с. 258], доброжелательного по отношению к людям. В маньчжурской мифологии человекоподобное небесное божество *Абкай Эньдури* мыслится как благорасположенный прародитель всех живых существ. Ему подчинены многочисленные духи-*эньдури*, обычно благожелательные к людям, но могущие, вместе с тем, насыпать стихийные бедствия и болезни [9, с. 108].

Из маньчжурского языка было заимствовано и слово *эдэ/эджэхэ*, которым вначале обозначали хозяина стихии, покровителя охотника. Это понятие прочно вошло в культовый обиход нанайцев и стало использоваться для обозначения изображения духа-предка – антропоморфной фигурки из металла или кости, которую носили на шее в качестве оберега [10, с. 460]. Ороки Сахалина (уйльта) словом *эдэ* называли кита-косатку, почитавшуюся владычицей моря. Духа-хозяина водных угодий, морских животных и рыб называли ещё *Тэму эдэни* (владычицу моря в образе нерпы – *Пэттэ эдэни*). Одно из уйльтинских именовании духа-хозяина лесных угодий – *Пурэ эдэни* [2, с. 466]. Впоследствии слово *эдэ/эджэхэ* у всех тунгусо-маньчжуров стало означать «глава рода», «хозяин богатого дома» и даже «господин»,

«царь». Причём последнее характерно главным образом для языка фольклора.

Благодаря торговым и брачным связям с населением Северо-Восточного Китая в устном творчестве коренных жителей Приамурья и Приморья появились новые мотивы – о ценности серебра и золота, о стремлении к богатству. Уровень благосостояния стал определяться наличием предметов, полученных в результате торговли. Они входили в традиционный быт вместе с заимствованными словами: *хо* – медный сосуд для спиртных напитков; *яма* – рюмочка-пиала для спиртных напитков [10, с. 460]. Культурные контакты способствовали обогащению словаря тунгусоязычных народов за счёт заимствованной лексики, обозначающей реалии сложившейся государственности: царская власть, чиновники, солдаты, хозяева и слуги, богатые и нищие, другие характерные черты жизни средневекового города.

А. М. Золотарёв, один из первых исследователей традиционной культуры ульчей, писал: «Многовековой контакт с маньчжуро-китайцами не мог пройти бесследно; следы феодальной идеологии, навеянной южными ветрами, обильны в ульчских сказаниях» [4, с. 164]. Вместе с тем это отнюдь не означало абсолютного признания превосходства государственного устройства над общинным, господствовавшим на землях левого берега Амура после падения Золотой империи чжурчжэней. Более того, известны сюжеты, идеализирующие родовые отношения и характеризующие маньчжуров как захватчиков и грабителей. Например, одно из таких описаний находим в ульчской сказке: «У маньчжуров-купцов разные товары есть. Они свои товары у нани [самоназвание ульчей – Л. Ф.] на пушнину стали менять. Маленькое зеркальце даёт – себе соболя берёт, пуговку даёт – выдру берёт...» [3, с. 29].

Ареал расселения нанайцев, самого многочисленного коренного этноса Приамурья, охватывает весь Амурский бассейн, включая и левобережье, и правобережье. С маньчжурами они не только вступали в торговые и семейно-брачные отношения, но и участвовали в военных действиях (хотя не всегда по доброй воле) в составе Восьмизнамённой маньчжурской армии. Сюжеты о совместных победах положены в основу ряда исторических преданий. Примером может служить повествование о взятии г. Валха – неприступной крепости, защищённой каменной стеной. Осаждающие наловили птиц, привязали к их хвостам пучки соломы, подожгли и отпустили. Город был охвачен пожаром, его жителям пришлось сдаться [10, с. 30]. Перед нами типичный «бродячий» сюжет, реализованный на дальневосточном историческом материале. Город с таким названием действительно есть на территории Китая.

Исследователями неоднократно записывались предания о миграции нанайских родов с территории Маньчжурии на левый берег Амура. В одном тэлунгу рассказывается о том, что родственники этих людей погибли во время войны маньчжуров с китайцами. «Нанайцы, которые приплыли сюда, – говорит рассказчик, – вернулись обратно, чтобы защитить своих. Вот так, благодаря нанайцам, был спасён и маньчжурский народ. Предводитель нанайцев стал большим военачальником. После его смерти его лодка и весла хранились в музее в Маньчжурии, пока не разрушились» [10, с. 405].

Известно, что основатель Маньчжурской империи Нурхацци происходил из чжурчжэньского рода *Тун*. В XVI – начале XVII вв. талантливый военачальник осуществил объединение чжурчжэньских племён, разрозненных после сокрушения Золотой империи (Цзинь) монголами в 1234 г. [6]. Современные тунгусо-маньчжуры считают себя потомками чжурчжэней, что, как видим, нашло отражение в устной истории этих народов.

Результатом активных межкультурных контактов является наличие в тунгусо-маньчжурском фольклоре заимствованных сказок, для которых существует отдельный термин. Ульчи и нанайцы называют такие произведения *сиохор*, орочи – *сохори*, удэгейцы – *сохор*, ороки (уйльта) – *сахури* и т. д. Имя главного действующего лица у всех тунгусо-маньчжуров также образовано от однокоренного слова: *Геохато(н)*, *Геохату*, *Гэвхэту*, что означает «нищий», «попрошайка». В ряде сюжетов он представлен ещё и как ловкий мошенник. Двойником *Геохатона* является нанайский *Холхачиха* (Прохвост). Этот персонаж увёл у старика *Ка* (главы небольшого селения) свинью, затем украл его погребальный нож и в конце концов хитростью заполучил в жены дочь старика [10, с. 350–353].

Однако орокский (уйльтинский) *Геохату* наделён чертами настоящего эпического героя. Этот бедный человек жил на окраине небольшого города в маленьком травяном домике. «*А в центре города в большом дворце жил царь, владелец этого города и страны*». Безусловно, место действия, занятия центрального персонажа, который косил траву «*на лугу своего господина*», а также второстепенные действующие лица (царская дочь, сам царь и его приближённые) нетипичны для фольклора тунгусоязычных народов, как и развитие сюжета в целом. Герой освобождает из неволи царскую дочь, которую гигантская птица унесла в подземное царство чёрта-людоеда [14, с. 75–79]. Концовка сказки подтверждает инокультурное влияние, более того, можно предполагать, что ареал заимствований не ограничивается Северо-Восточным Китаем. Так, птица – похитительница женщин – имеет черты мифической *кори*, известной всем тунгусо-маньчжурам, в том числе орокам [8, с. 194], но вместе с тем её участие в спасении героя указывает на сказочный мир арабского Востока. Попытка недругов *Геохату* избавиться от героя, оставив его в Нижнем мире и приписав себе его заслуги в спасении царской дочери, напоминает популярную русскую сказку о трёх царствах. Заимствованный характер текста ясно осознаётся рассказчиком, определившим жанр повествования как *сахури*.

Герой орокского *сохори* жил в работниках у богача, обрабатывал его пашню на волах. Белая мышь, с которой он делился своей скудной пищей, научила его, как получить в жёны младшую дочь «небесного старика». После ряда испытаний, которые герой преодолел благодаря чудесным помощникам в облике животных и самой девушке, он стал жить на небе. Однако спустя некоторое время, соскучившись по родине, попросился на землю, но здесь нарушил запрет есть куриное мясо и в результате превратился в петуха. Теперь он поёт каждое утро, встречая утреннюю зарю [1, с. 133–136]. Этиологическая концовка органично включает данный текст в сказочный эпос тунгусоязычных народов.

Слушатели, особенно представители старшего поколения, высоко ценили занимательность таких произведений, но не их морально-нравственные установки. В традиционном сообществе благополучие в первую очередь связывалось с промысловой удачей, а не с получением богатства, которое далеко не всегда приносило счастье. Неудивительно, что, например, для ороков (уйльта) слово «сахури» означает не только «рассказать сказку, небылицу», но также «накликать беду» [8, с. 196]. Е. С. Новик заметила, что большинство сибирских народов относит заимствованные рассказы к категории вымышленных повествований. Автор полагает, что нарратив, не вписанный в «конкретно-этнографический текст», превращается в сказку с «характерной для неё установкой на вымысел» [12, с. 47]. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева отмечали, что молодым орочам *сохори* нравились больше своих традиционных сказок: их привлекали «фантастичность сюжетов, повествование о сражениях богатырей, о состязаниях в силе, ловкости, о больших городах, дворцах, кораблях и т. д.» [1, с. 32]. В соответствии с современной классификацией большинство заимствованных сказок могут быть отнесены к волшебным или бытовым, т. е. к жанрам, не сложившимся в фольклорном фонде тунгусо-маньчжуров в ходе его естественного развития.

Художественное осмысление чужеродных реалий способствовало созданию собственных оригинальных произведений, утверждавших духовные ценности традиционного общества. Например, в нанайской сказке «Младшая пудин» сестра героини вышла замуж за *Сахалиан мэргэна* и покинула родные места. Её новая жизнь рисуется в откровенно сатирических красках. Младшая сестра упрекает старшую: «Ой, как ты разбаловалась, негодная... Сморкаешься на спины трёх служанок, на спины пяти служанок плюёшь, ставишь на четвереньки одну служанку, чтобы спина её была подставкой для трубки» [10, с. 331]. В наказание младшая *пудин* вызвала наводнение, смывшее дом зятя, после чего он вынужден был перебраться на родину жены. «Теперь старшая не заставляет работать ни одну из служанок. Сама за дровами, за водой ходит, сама в доме прибирает: боится младшей сестры. Так стали они жить ладно и дружно» [10, с. 331]. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что восприятие культуры южных соседей традиционным сообществом носило избирательный характер. Явное социальное неравенство получало однозначно негативную оценку. Отрицательные характеристики оттачивались художественным сознанием и становились достоянием фольклорной традиции, воспитательное значение которой у бесписьменных народов было очень велико.

Анализ повествовательного фольклора южной группы тунгусо-маньчжуров показывает, что близость их устно-поэтических традиций обусловлена как родством этих народов, так и спецификой местных природных условий, а также общностью исторического пути. Вместе с тем своеобразие фольклорной культуры дальневосточных этносов является не только следствием её саморазвития, но также результатом воздействия внешних факторов, когда наличие соседствующих этнокультур становилось эффективным стимулом эволюции.

Литература

1. Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороческие тексты и словарь. – Л.: Наука, 1978. – 264 с.
2. Березницкий С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 486 с.
3. Вальдю А. [Л.] Сказки бабушки Лайги. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1976. – 96 с.
4. Золотарёв А. М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 207 с.
5. Киле Н. Б. Фольклорное наследие нанайцев // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 110–116.
6. Кузнецов В. С. Нурхади. – Новосибирск: Наука, 1985. – 192 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
8. Миссонова Л. И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник. – М.: Наука, 2013. – 334 с.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1982. Т. 2. – 718 с.
10. Нанайский фольклор: нингман, сиюхор, тэлунгу. – Новосибирск: Наука, 1996. – 478 с.
11. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
12. Новик Е. С. К типологии жанров сказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. С. 36–48.
13. Ороческие сказки и мифы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1966. – 233 с.
14. Сем Ю. А., Сем Л. И., Сем Т. Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический ороко-русский словарь. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 156 с.
15. Шаньшина Е. В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России: Опыт мифологической реконструкции и общего анализа. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 157 с.

СОНИН Вадим Вадимович,

*научный сотрудник кафедры конституционного и административного права
Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: vsolin@yahoo.com*

УДК 929

Российские профессора-эмигранты в китайском университете Цинхуа (30–50-е гг. XX века)

ГДУ, Цинхуа, Широкогоров, Гапанович, эмиграция

В 1930-е гг. университет Цинхуа в Пекине стал пристанищем для нескольких российских профессоров-эмигрантов из Государственного Дальневосточного Университета. Среди них оказался знаменитый этнограф и создатель теории этноса С. М. Широкогоров, руководивший первыми научными шагами будущего основателя китайской антропологии Фэй Сяотуна и описанный в его мемуарной статье. Также работал в Цинхуа видный общественный деятель Северо-востока России, историк И. И. Гапанович. Значение вклада российских учёных в становлении социальных и гуманитарных наук в старом Цинхуа сохраняется до сих пор.

*«Не тот ли благороден муж, кто не досаждает,
что неизвестен людям?»
«Луньюй» [4, с. 17]*

В 2010 году автору представилась возможность пройти языковую стажировку в Харбине, во время которой курс «Страноведение Китая» вёл экстравагантный профессор внушительного возраста. Это был традиционный китайский учитель в том виде, в каком он смог сохраниться в коммунистическом Китае, учитывая десятилетие «культурной революции» и экспансию западной науки. Профессор Чень поражал своей экспрессивностью, неизменным термосом с зелёным чаем и бесконечными рассказами о населении Китая. Объяснялось это увлекательное топтание на месте очень просто – профессор Чень был по специальности этнографом и рассказывал то, что знал и хотел. Именно от профессора Ченя автор впервые узнал о самом известном в Китае российском этнографе – профессоре Сергее Михайловиче Широкогорове, которого китайцы знали под именем Ши Луго. Китайский профессор признавал, что именно Широкогоров заложил в Китае основы этнографического изучения коренных народностей Северо-Востока. В дальнейшем, уже в период обучения в пекинском университете Цинхуа, китайский научный руководитель профессор Су Игун сообщил, что Широкогоров длительное время сотрудничал в этом университете и, сам того не подозревая, приложил руку к созданию современной китайской этнографической науки. Возможность поработать в университетском архиве позволила нам не только боль-

ше узнать о китайском периоде жизни Широкогорова, но и обнаружить целую плеяду видных российских учёных и преподавателей, оказавшихся в 30–50 гг. XX века в Цинхуа.

Будучи основанным в 1911 году, к началу 1930-х гг. университет Цинхуа превратился в крупный классический университет, в котором в разное время читали курсы видные китайские интеллектуалы, среди которых была и знаменитая четвёрка профессоров традиционного китайского знания «госюэ» (Лян Цичао, Чень Цзинцюэ, Ван Говэй и Чжао Юаньжень). Благодаря мощным международным связям в университете читали иностранные профессора из Германии, Великобритании, США и других государств. В результате конфликта на КВЖД в 1929 г. и оккупации Маньчжурии Японией в 1931 г. к ним присоединились некоторые учёные и преподаватели из числа русских эмигрантов Харбина, продолживших свою китайскую одиссею. Всего в 1930-е гг. в Цинхуа работали шесть российских преподавателей, в том числе знаменитый этнограф и создатель теории этноса С. М. Широкогорова, проработавший в университете более 20 лет профессор истории И. И. Гапанович, известный в Китае музыкальный теоретик Н. А. Тонов, преподаватели русского языка Ченцов (陈作福), который работал на факультете иностранных языков с сентября 1930 по 1933 гг. [5], Василевский (瓦斯列夫斯基), он работал на факультете иностранных языков с сентября 1933 г. по 1934 г. [5]. Также в «Ведомости сотрудников Цинхуа» числился преподавателем факультета иностранных языков некий 史不司烈夫, проработавший с сентября 1935 г. по 1937 г., однако установить его русскую фамилию пока не представляется возможным. Кроме того, уже после образования Китайской Народной Республики (1949 г.) в университете Цинхуа сотрудничали советские преподаватели Кириллов (работал на факультете иностранных языков в 1950 г.) и чета Андреевых (доцент и преподаватель публичной научно-исследовательской группы с 1952 г.) [5].

Российские преподаватели-эмигранты составили заметную и влиятельную группу в Цинхуа, наиболее ярких представителей которой мы попытаемся охарактеризовать, насколько это позволяют вновь появившаяся китайская мемуаристика и доступные архивные источники.

Широкогородов. Одним из проявлений добродетели благородного мужа, перечислением которых открывается собрание изречений Конфуция «Луньюй», указано спокойное восприятие своей безвестности и непонятности. Именно этой добродетелью, по свидетельству своего знаменитого китайского ученика, основателя китайской антропологии, профессора Фэй Сяотуна, в полной мере обладал наиболее яркий представитель российского эмигрантского сообщества в Цинхуа, этнограф и антрополог Сергей Михайлович Широкогородов (Рис. 1). Родившись в 1887 г. в Суздале и получив образование в Париже, ко второй декаде XX века Широкогородов стал блестящим молодым учёным, участником нескольких этнографических экспедиций и сотрудником Антропологического музея. Благодаря работам учёных Дальневосточного университета [3, с. 32–53; 1, с. 10] известны некоторые сведения о его пребывании на Дальнем Востоке России в период революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.). Уехав из Петрограда 24 октября 1917 г., накануне Октябрьской революции, С. М. Широкогородов провёл два года в экспедиции в Приамурье и Маньчжурии, некоторое

Рис. 1.
С. М. Широко-
горов.

время занимался научной и преподавательской деятельностью в Восточном институте во Владивостоке, способствовал созданию Историко-филологического факультета и Государственного Дальневосточного университета (ГДУ). В качестве извлечений из «Учёных записок» Дальневосточного университета им был впервые издан в 1923 г. Шанхае и его основополагающий труд – «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений», составленный во время пребывания во Владивостоке [3, с. 45]. После занятия революционными войсками Владивостока 25 октября 1922 г. С. М. Широкогоров, находившийся в то время в Китае по издательским делам, но по-прежнему состоявший приват-доцентом ГДУ, принял решение остаться за границей, в связи с чем был уволен из университета вместе с другими эмигрантами. О последовавшем восьмилетнем периоде его пребывания на юге Китая с 1922 по 1930 гг. свидетельств почти не сохранилось, в то время как некоторые сведения об обстоятельствах жизни С. М. Широкогорова в Пекине содержатся в вос-

поминаниях его китайского ученика, профессора Фэй Сяотуна.

Его воспоминания первоначально были напечатаны в форме послесловия к китайскому переводу работы С. М. Широкогорова «Социальная организация маньчжур», изданному в Пекине в 1997 г. [12]. Для понимания конфуцианских отношений, сложившихся между российским учителем и китайским учеником, иллюстративен следующий эпизод. Спустя 60 лет после первого знакомства с Широкогоровым, Фэй Сяотуну предложили написать предисловие к работе «Социальная организация маньчжур». В ответ профессор Фэй, к тому времени уже всемирно известный учёный и основатель китайской этнографической науки, в полном соответствии с традиционной китайской этикой отношений учителя и ученика сказал, что не смеет составлять предисловие к книге своего учителя, тем самым ставя своё имя перед именем Широкогорова, но согласен изложить свои воспоминания о нём в послесловии [9].

Оказавшись в Пекине в 1930 г., Широкогоров получил место профессора на факультете социологии и антропологии в университете Цинхуа. Заняв профессорскую кафедру в одном из ведущих университетов, географически он всё же оставался на мировой научной периферии, с которой его новаторские идеи не всегда могли достигнуть европейских научных центров и оказать соразмерное влияние

на развитие научной мысли. Кроме того, в Китае он был лишён возможности выражать свои идеи на родном языке; его работы, вынужденно изданные на английском языке, не всегда могли быть в полной мере поняты современниками. Широкогоров уединённо жил в университетском городке, отгородившись от окружающего мира, его не знавшего и не понимавшего. Каждую неделю он читал по одной-две лекции, в остальное же время работал в собственной библиотеке. Отдыхал, слушая игру жены на фортепиано или прогуливаясь с нею вечерами по университетскому городку. Затворнический образ жизни создал ему в университетской среде репутацию нелюдимого и странного человека, настоящего отшельника. Фэй Сяотун описывает, что однажды, во время занятий дома у Широкогорова, он заметил, что профессор выглянул в окно и изменился в лице, увидев нескольких европейцев, направлявшихся к его двери. Хотя его супруга, Елизавета Николаевна, и выпроводила в тот раз незваных гостей, паническое выражение лица научного руководителя заставило Фэй Сяотуна предположить, что тот опасался агентов НКВД.

Круг профессиональных контактов Широкогорова в Китае был крайне узок как в силу малочисленности учёных-антропологов и этнографов в Китае, так и ввиду замкнутого характера самого Сергея Михайловича. Единственными коллегами, с которыми он поддерживал научные связи в Пекине, по словам Фэй Сяотуна, были преподаватели пекинского Католического университета Фужень. Назначение профессором Цинхуа, тем не менее, не способствовало преодолению дистанции с китайскими коллегами с факультета социологии, державшимися по отношению к Широкогорову уважительно, но подчёркнуто отстранённо. Вместе с тем российский профессор неожиданно сблизился с членами биологического факультета, в здании которого ему даже предоставили большое помещение для лаборатории, в которой единственный широкогоровский аспирант занимался практическими работами.

Исследовательская деятельность Широкогорова в Китае была затруднена наличием языкового барьера, в силу которого он не мог проводить социологические изыскания, ограничиваясь лишь антропометрическими исследованиями китайцев в Восточном и Северном Китае, а также в провинции Гуандун. По результатам этих исследований он опубликовал в 1924–1925 гг. три доклада, оставшиеся, по существу, единственными опытами научной антропометрии китайского населения.

Стиль преподавания Широкогорова определялся его натурой учёного и был направлен на воспитание в ученике навыков самостоятельной исследовательской работы. Его первый и единственный аспирант вспоминал, что российский профессор наметил ему план исследовательской подготовки, включавший этапы освоения антропометрии, лингвистики и культурной антропологии. На освоение каждого этапа отводилось два учебных года; кроме того, в течение шести лет аспиранту предписывалось освоить археологию. «Он старался воспитать во мне способность самостоятельно разрешать возникающие исследовательские вопросы. Он никогда не «вёл меня за руку», но ставил задачи и создавал условия, чтобы я сам шёл вперёд, протягивая руку поддержки в моменты ошибок и неудач». Уже на первом этапе Широкогоров отнюдь не занимал время своего уч-

ника систематическим изложением теории антропометрии, но сразу снабдил его собственными трудами и продемонстрировал основы обращения с измерительными инструментами, после чего определил ему вычислить антропометрические характеристики корейцев на основе первичных данных измерений 500 корейцев, полученных неким японским учёным. Для занятий Фэй Сяотуну была выделена лаборатория в здании биологического факультета, ключи от которой были только у профессора и аспиранта. Обычно Фэй целыми днями работал в одиночестве, а Широкогоров навещал лабораторию вечерами во время прогулок с супругой, в одиночестве проверяя полученные аспирантом результаты, и лишь в случае ошибки оставлял короткую пометку «Переделать». По завершении обобщения антропометрических характеристик корейцев Широкогоров организовал для своего аспиранта возможность проведения натурных измерений в кавалерийской части и городской тюрьме, с последующим обобщением результатов в стенах университетской лаборатории.

Завершение первого этапа обучения совпало с годичной командировкой Широкогорова в Европу, право на которую предоставлялось иностранным преподавателям университета после пяти лет работы. Перед отъездом научный руководитель наметил Фэй Сяотуну план годичных полевых исследований народности яо в провинции Гуанси и снабдил его необходимым экспедиционным оборудованием. Основываясь на личном экспедиционном опыте, Широкогоров предусмотрел для своего ученика самое необходимое, но крайне простое снаряжение, начиная с фотоаппарата и заканчивая сапогами. Когда Фэй спросил, не следует ли запастись более сложными и современными инструментами, Широкогоров ответил ему настоящим афоризмом, который может служить девизом всей его жизни: «Ты должен быть готов даже в самых трудных условиях продолжать свою исследовательскую работу».

После оккупации Пекина японскими войсками Фэй Сяотун оказался на юге Китая, разлучившись с научным руководителем, и продолжил своё образование уже в Лондоне у знаменитого британского этнографа польского происхождения Бронислава Малиновского. Широкогоров вернулся из Европы в оккупированный японцами Пекин, где прожил вплоть до своей смерти 19 октября 1939 г. Ввиду эвакуации пекинских университетов на юг Китая сведений о жизни Широкогорова в 1937–1939 гг. и обстоятельствах его смерти не сохранилось, однако едва ли последние годы Широкогорова были счастливы после исчезновения и без того скудных возможностей к занятиям наукой. Тем не менее, имя и идеи Широкогорова не были забыты: в 1944–1945 гг. его «Тунгусский словарь» был издан в Токио, а после «перестройки» он получил заслуженное признание на невольном покинутой им Родине. Годы жизни в университете Цинхуа оказались одним из самых спокойных периодов в жизни Широкогорова, память же о нём до сих пор хранится в китайской научной среде.

Гапанович. Определённый контраст с замкнутым Широкогоровым представлял другой представитель русской эмиграции, проводивший в Цинхуа более 20 лет, – профессор Иван Иванович Гапанович (Рис. 2). Гапанович родился и вырос в Петербурге, получил историческое образование в Санкт-Петербургском университете, участвовал в Первой мировой войне, после революции вёл активную обществен-

но-политическую и научную жизнь на Дальнем Востоке России, во Владивостоке и на Камчатке [2, с. 69–93]. Будучи исключительно активным человеком, Гапанович в разные годы совершал неоднократные поездки по Северо-востоку России, участвовал в проекте автономизации Камчатки, организовал снабженческое предприятие на нижнем Амуре, сотрудничал в краеведческом институте ГДУ и Обществе Изучения Амурского Края [6, с. 140–145]. С началом сворачивания нэпа он отправился в эмиграцию в Китай, где успел пожить в Харбине и Шанхае, а после кратковременного пребывания на Филиппинах осел в 1931 г. в Пекине, на историческом факультете университета Цинхуа.

Как и Широкогоров, Гапанович поселился с супругой в отдельном доме в университетском городке. Судя по «Заявлению профессора И. И. Гапановича декану исторического факультета университета Цинхуа от 8 апреля 1936 г. в связи с прекращением выплаты жалованья» (Архив университета Цинхуа. Ф. 156.

Д. 5478), во время пребывания в Цинхуа он вёл активную научную и преподавательскую деятельность. Так, за пять лет Гапанович провёл 15 лекционных курсов, включая такие, как «Развитие европейской историографии», «Европейская колониальная экспансия», «История русской цивилизации», «Экспансия России в Азии» и т. д. Позднее курс по русской истории был разделён им на две части: «История России с древнейших времён до наших дней», где излагалась политическая, экономическая и социальная история России, процесс европеизации и отношения с Азией, а также «Новая история России», охватывающая период от царствования Петра I до революции 1917 г., в которой особое внимание уделялось развитию русской мысли и государственной политики [10]. Кроме русской истории, Гапанович читал двухсеместровый курс истории Древнего Востока и Древней Греции, в котором излагал историю не отдельных государств, но средиземноморской цивилизации в целом, в том числе в соотношении её частей. Кроме описания истории политической, экономической, социальной, культурной сфер жизни общества, профессор Гапанович уделял отдельное внимание духовной культуре, в особенности религии. В развитие этого курса он разработал два новых: «Историю Древней Греции» и «Историю Древнего Рима», причём в последнем рассматривал происхождение итальянских народностей, объединение Итальянского полуострова под властью Рима, становление, политическое и социальное развитие, а также упадок Римской империи. В курсе лек-

Рис. 2.
И. И. Гапанович.

ций «Европейская колониальная экспансия» Гапанович рассматривал историю колониальных экспедиций и захватов европейских держав, устройство колониальных империй, современное развитие колониализма и империализма и их роль в возникновении Первой мировой войны. Этот последний курс фактически являл собой историю международных отношений и военную историю последнего времени, которую профессор излагал с применением карт и схем.

За 1931–1935 гг. И. И. Гапанович издал 4 монографии, в том числе сравнительно известную работу «Россия в Северо-восточной Азии» (в 2 тт.), и предполагал окончить новый труд «Палеоазиаты и их соседи» [2, с. 88], а также написать новую работу «Исторический синтез». Кроме того, за эти годы им были опубликованы следующие работы:

- ◆ Испанское наследие на Филиппинах // Китайский журнал, 1930 г.
- ◆ Русские на Амуре // Китайский журнал, 1931 г.
- ◆ Азиатское происхождение южноамериканских людей // Журнал Северокитайского отделения Королевского Азиатского общества, 1931.
- ◆ Коряки: палеоазиатское племя. Пекин, 1931 г. (на рус. яз.)
- ◆ Китайско-русские отношения в Маньчжурии (1892–1906) // Китайские известия социальных и политических наук, 1933 г.
- ◆ Две революции: Россия и Франция.

После оккупации Пекина японцами в 1937 г. Гапанович, в отличие от Широкогорова, отправился вместе с университетом на юго-запад Китая, в провинцию Юннань, где в это время эвакуированные университеты (Цинхуа, Пекинский и Нанькайский) были соединены в Юго-западный объединённый университет. По воспоминаниям китайского профессора Хэ Чжаоу [8, с. 153], учившегося в Объединённом университете в 1939–1943 гг., Гапанович вёл курсы древней истории западных стран, истории России, истории европейской колониальной экспансии. Поскольку Гапанович не владел китайским языком и вёл занятия на английском, а преподаваемые им дисциплины (вроде истории Древней Греции и Древнего Рима) были для китайцев чрезвычайно специфичны, на его занятиях редко бывало больше 7–8 человек. По собственному признанию Хэ Чжаоу, даже эти многочисленные студенты посещали занятия не столько из интереса к классической западной древности, сколько для улучшения своего профессионального английского. Наблюдая такую картину, профессор Гапанович пытался оживить свои лекции «лирическими отступлениями» и отвечал на многочисленные вопросы студентов, так что лекции затягивались далеко за пределы отведённого учебным планом времени. В этих беседах речь часто заходила о политике, в том числе о внутривосточной ситуации в самом Китае, и Гапанович, в отличие от Широкогорова и многих других иностранных профессоров, не чурался этой темы, говоря студентам: «Не надо думать, что я иностранец, я тоже понимаю ситуацию в Китае» [11, с. 213].

После окончания антияпонской войны профессор Гапанович вместе с университетом вернулся в Пекин, где продолжил читать в Цинхуа. После образования КНР, с началом реформы китайского высшего образования по советскому образцу, в университете стали появляться специалисты из Советского Союза, историческая наука стала переводиться на рельсы марксистской идеологии, что вынудило Гапановича ограничиться преподаванием русского языка и литературы.

В начале 1950-х гг. Гапанович задумался о дальнейшей эмиграции в Австралию, где уже обосновалась его дочь. О причинах своего решения в условиях возрастания советского влияния он с усвоенной в Китае иносказательностью говорил своему бывшему ученику Хэ Чжаоу: «Я как разведённый супруг – коли развёлся, заново на той же уже не женюсь» [8, с. 154]. В 1953 г. он переехал в Австралию, продолжив преподавать и активно публиковаться в научных изданиях вплоть до глубокой старости. Проведя в Китае почти тридцать лет, из них более двадцати в Цинхуа, профессор Гапанович благодаря своему активному характеру и коммуникабельности сумел в сложных военных условиях продолжить свою научную и преподавательскую деятельность, создав свои основные труды по теории и методологии исторической науки, истории российского присутствия в Северо-восточной Азии и истории колониализма.

Таким образом, оказавшись в университете Цинхуа, российские учёные-эмигранты получили условия для продолжения своей научной и преподавательской деятельности, о чём свидетельствует издание в Пекине основных научных трудов С. Н. Широкогорова и И. И. Гапановича. Примечательной особенностью вклада русских эмигрантов в научную жизнь университета Цинхуа была его социально-гуманитарная направленность. В отличие от западноевропейских и американских учёных, многие из которых вели в Цинхуа естественнонаучные и технические курсы, русские эмигранты читали всемирную и русскую историю, этнографию и антропологию, русский язык и литературу, теорию музыки. Позднее в результате реформы образования в 1950-х гг. университет Цинхуа был перепрофилирован в естественно-технический университет, и традиции преподавания социальных и гуманитарных наук были прерваны, в связи с чем оказались забыты и русские учёные-эмигранты. Однако, начиная с 90-х гг. XX века, правительство КНР в рамках стратегии превращения Цинхуа в классический университет мирового уровня вновь инициировало воссоздание факультетов социальных и гуманитарных наук. Быть может, сотрудничество российских и китайских учёных в университете Цинхуа, начавшись некогда в сфере гуманитарных наук, начнёт возрождаться в этой области уже в новом, XXI веке.

Литература

1. Ермакова Э. В. Личное дело антрополога С. М. Широкогорова в Российском Государственном Историческом Архиве Дальнего Востока // Широкогородские чтения (проблемы антропологии и этнологии). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 10.
2. Ковалев М. От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И. И. Гапановича // Acta Slavica Iaponica, Tomus 34.
3. Кузнецов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров на Дальнем Востоке // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 32–53.
4. «Луньюй» (Изречения), 1:1 / пер. И. И. Семененко // Конфуций. Уроки мудрости : Сочинения. – М.: Эксмо-пресс, 1999.
5. Сборник исследовательских материалов архива университета Цинхуа. Вып. 7. «Ведомость сотрудников Цинхуа (1926–1952

- гг.)». – Пекин: Типография Архива университета Цинхуа, 2010.
6. Хисамутдинов А. А. Иван Гапанович – исследователь Северо-востока России // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 140–145.
7. Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
8. 何兆武: 《上学记》。北京: 三联书店出版社, 2006. Хэ Чжаоу. Воспоминания о годах учения. – Пекин: Изд-во «Саньлянь шудянь», 2006.
9. 费孝通: 《人不知而不愠——缅怀史禄国老师》 // 《读书》。1994. 第4期。Фэй Сяотун. «Не тот ли благоден муж, кто не досадует, что неизвестен людям?»: вспоминая моего учителя Ши Луго // «Душу» (Чтение книг). 1994. № 4.
10. 陈歆: 《二十世纪上半叶中国世界史学的建设——以北大、清华的世界是学科为考察对象》: 史学理论与历史专业硕士论文。上海华东师范大学, 2007. Чень Цюн. Становление всемирной истории как науки в Китае первой половины XX века: на примере Пекинского университета и университета Цинхуа : дисс. ... магистра теории и истории исторической науки. – Шанхай: Восточно-китайский педагогический университет, 2007.
11. 《联大八年》 / 西南联大《除夕副刊》(编), 北京: 新星出版社出版, 2010. Восемь лет Объединенного университета. – Пекин: Изд-во «Синьсин», 2010.
12. 史禄国: 满族的社会组织: 满族氏族组织研究 / (俄)史禄国著; 高丙中译。北京: 商务印刷馆, 1997. Ши Луго (Широкогоров С. М.). Общественная организация маньчжур / пер. Гао Бинчжун. – Пекин: Изд-во «Шанъу Иньшуагуань», 1997.

ОСИПОВА Эрика Викторовна,

*канд. ист. наук, научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Дальнего Востока России, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: eossipova@yandex.ru*

УДК 7.067

Формирование межкультурных отношений молодого творческого коллектива (на примере Приморского филиала Государственного академического Мариинского театра)

Межкультурная коммуникация, Приморский филиал Мариинского театра оперы и балета, Северо-Восточная Азия, гастроли, фестиваль, художественный руководитель, артист

Статья посвящена вопросам практики межкультурной коммуникации в области театрального искусства на недавно открывшейся площадке Приморского филиала Мариинского театра оперы и балета. Акцентируя внимание на востребованности российского классического балетно-оперного искусства за рубежом, в частности, в странах АТР, автор делает попытку репрезентации формирования межкультурных коммуникаций молодого творческого коллектива, вектор развития которых задаётся статусом театра.

Рост интереса к проблематике межкультурных связей объясняется изменениями социально-политической ситуации в мире в последние десятилетия, а именно в связи с постоянно расширяющимся международным сотрудничеством и тем, что в межкультурное общение вовлекается всё большее число специалистов, работающих в разных областях культуры. Пограничное положение российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе только усиливает этот интерес.

Межкультурная профессиональная коммуникация в рамках предметной области «Театр» достаточно широка и многообразна. Обретённая в результате государственного реформирования свобода в сфере культуры открыла для творческих контактов широкие возможности. Оказалось, что сценическое ремесло (в хорошем понимании этого слова) дальневосточных артистов востребовано зрителями Европы, Азии и Америки (включая Латинскую). Заинтересованность проявляют и коллеги по цеху. За последние почти три десятка лет сложилась довольно устойчивая традиция культурного обмена. Гастрольная карта дальневосточных театров – яркое тому подтверждение. Дальневосточники смело выходили на творческие контакты и выезжали в Европу и страны АТР целыми театральными коллективами. Следствием данного процесса явилась практика зарубежной режиссуры на сценах театров региона, совместные постановки, мастер-классы художников-постановщиков, театральные лаборатории и мн. др. Данная проблема уже неоднократно освещалась в работах автора [4], поэтому в

¹ Подобный театр существует на Дальнем Востоке с 1971 г. – Государственный театр оперы и балета им. Д. К. Сивцева-Суорун Омоллона Республики Саха (Якутии). Коллектив театра, лауреат многочисленных престижных премий и наград, чаще посещает подмостки культурных столиц, городов Сибири, а также Монголию и Бурятию. Мастера сцены приглашались для выступлений и стажировок в Европу и Америку. В силу отдалённости всего однажды коллектив совершил полномасштабный гастрольный тур по Китаю. При регулярном участии в совместных международных проектах «Якутия-Монголия», «Якутия-Бурятия» (в качестве члена ассоциации театров Сибири и Азии) всего однажды участвовал в совместном проекте с Японией («Якутия – Япония в зеркале культурного сотрудничества»).

² В декабре 2013 г. для интересующихся жизнью недавно открывшегося театра оперы и балета была организована Интернет-конференция, где на вопросы отвечали художественный руководитель и директор театра Антон Лубченко, а также главный специалист балетной труппы Айдар Ахметов.

данной статье мы ограничимся анализом только формирующегося коммуникативного поля, недавно открывшегося на Дальнем Востоке Приморского Дома оперы.

Для артистов драматических театров Дальнего Востока, работающих в разговорном жанре, межкультурные коммуникации – это не только способ получить удовольствие от общения с зарубежными коллегами, с иноязычной публикой, но ещё и возможность (хотя и незначительная) включения в орбиту своих творческих интересов новых знаний, неизвестного опыта постановочных приёмов и т. д. Приморский оперный дом появился на тихоокеанских рубежах России с высокой миссией дара. Россия должна была открыть театр такого уровня, чтобы непревзойдённое русское оперное и балетное искусство могли видеть ценители театрально-музыкальной классики такого крупного региона, как АТР¹.

На торжественном открытии Приморского Государственного театра оперы и балета во Владивостоке, в октябре 2013 г., прозвучали слова губернатора края В. В. Миклушевского: «Туристам из Кореи, Японии, Китая будет интересно приезжать в Приморье и посещать театр. Также это могут быть гастролы приморских артистов в страны АТР и другие регионы Дальнего Востока. Это позволит расширять культурные связи между нашими странами и регионами». Концепция коммуникативной направленности театра в смысле территориальной привязанности нашла подтверждение на первом же заседании Попечительского совета (Москва, 2014 г., февраль): «основная гастрольная деятельность Приморского оперного театра будет сосредоточена на странах Азиатско-Тихоокеанского региона» [2].

Уже через два месяца после официального открытия театра солисты балетной труппы Приморского театра оперы и балета Анна Лавренова и Владимир Яковлев были приглашены Государственным академическим театром классического балета Касаткиной и Васильева (Москва) для участия в гастрольном туре по Японии [8]. Артисты в составе большого коллектива выступили на сценах 14 японских городов, среди которых Токио, Киото, Нагоя и Осака. Владивостокские танцоры исполняли отрывки из балетов, вошедших в мировой фонд классического танца «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». Продюсером данной поездки стал художественный руководитель балетной труппы Приморского театра Айдар Ахметов.

Во время Интернет-конференции² первый худрук театра Антон Лубченко довольно ясно подтвердил заинтересованность в культурных связях с дальневосточными соседями: «В азиатских странах сейчас ведётся глобальное строительство оперных театров и концертных залов, а наш театр даёт возможность ознакомления культур, взаимного сотрудничества и организации гастролей. Многие южнокорейские, японские, китайские певцы хотят выступать на сцене Театра опера и балета во Владивостоке. Также мы уже вели переговоры с южнокорейским консульством в сфере культурного туризма и включения нашего театра в программу обязательного посещения среди гостей из Кореи» [5].

Постепенно театр накапливает творческий и коммуникативный опыт, обретают смыслы новые идеи, проводятся встречи, гастролы, культурные мероприятия с целью популяризации классического искусства на тихоокеанских рубежах России и пока ещё совсем редко

за рубежом. Знаковым событием в этом смысле стало проведение в декабре 2014 г. международного круглого стола «Владивосток – культурное окно в Азию». На встрече присутствовали деятели культуры России и местные чиновники, курирующие культуру. Среди приглашённых гостей были представители консульств КНР, Республики Корея и Японии, а также знатоки театрального дела из этих стран. Прозвучало множество интересных предложений, предполагающих развитие диалога культур «Приморье – АТР».

Представитель японской компании «Belcanto Japan» Имасэ Ясуо, менеджер в области культуры, практикующий музыкант (валторнист) выступил с предложением о создании совместного русско-японского оркестра в Приморском доме оперы, а также выразил надежду на осуществление других совместных проектов театра с культурными организациями Японии. Музыкант предложил проект совместной постановки оперы Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй». Автор даже обозначил некоторые точные акценты в предполагаемой постановке: «...было бы прекрасно, если бы главную женскую партию пела японка, Пинкертон исполнил бы русский тенор, а детские партии – сводный детский хор Приморского края». Участники круглого стола выслушали предложение Имасэ Ясуо и о совместной балетной постановке. К этой идее вдохновило известие о том, что в приморском театре работают японские балерины (Дзюнко Танака, Аска Кукуяма и др.).

В ходе этого международного форума с предложениями и пожеланиями театру выступили заместитель генерального консула Японии во Владивостоке Хасэгава Томонори и Великий артист театра Но господин Сакаи Отосигэ. По словам дипломата, Приморский театр оперы и балета – «это отличная возможность для жителей Японии посмотреть российские постановки и послушать русскую классическую музыку». Интерес японского зрителя к русскому балетно-оперному искусству очевиден: «то, что на этом форуме так много представителей Японии, говорит о большом интересе к совместным проектам. Я думаю, что это прекрасная база для культурного обмена», – подытожил господин Хасэгава Томонори. Великий артист театра Но рассказал о своих выступлениях в России, роли культуры в объединении двух стран и поделился впечатлениями от российского музыкального театра: «Русская музыка отражает суть русского человека. Я очень рад, что здесь построили оперный театр именно как форпост культуры, направленный в Азию. Я уверен, что этот театр послужит укреплению мира во всём мире».

Первым решением в рамках форума стало предложение о проведении на базе театра музыкального фестиваля «Asia Summer Festival». Автор идеи – первый художественный руководитель театра А. Лубченко – обосновал важность проведения подобных встреч и выразил искреннюю заинтересованность в том, чтобы во Владивостоке, приближенному к Азии городу, проводился ежегодный азиатский фестиваль – «Asia Summer Festival», на который приглашались бы известные коллективы из ближайших стран. Выказав заметную компетенцию о состоянии кадрового фонда оперно-балетного дела в азиатских странах, он заявил, что страны АТР имеют огромное количество артистов, известных как на их родине, так и за рубежом, и даже в федеральных центральных городах России. Культурная атмосфера региона послужила основанием для предположений о том, что «этот фе-

стиваль поможет ближе заглянуть в азиатскую культуру и открыть её для приморского и российского слушателя» [10]. Местом проведения фестиваля определили Приморский театр оперы и балета во Владивостоке.

Идее пока не суждено было осуществиться, театр не провёл ни одного фестиваля. Полнокровные гастроли Государственного Приморского театра оперы и балета за рубежом также до сих пор не случились. В 2014 г. симфонический оркестр театра во главе с худруком выезжал в небольшой австрийский городок Линц с гастроями, которые позже, после перехода творческого коллектива в состав Мариинки, новое руководство сочло нецелесообразными, назвав «гастролями по задворкам Европы» [3].

В основном же коллектив Приморской оперной сцены до сих пор ограничивается поездками по стране: в декабре 2014 г. состоялся первый масштабный тур в Москву и Санкт-Петербург. Через год делегация (часть вокалистов и музыканты) от Приморского театра оперы и балета второй раз оказалась на сцене Мариинского театра [6]. Во время этих гастролей приморские артисты имели возможность пройти серию мастер-классов и занятий с педагогом петербургского театра. В обеих федеральных поездках приморские артисты получили высокое признание благодарной московской и питерской публики и одобрительные вердикты специалистов.

Начало творческого пути Приморского Дома оперы отмечено зарождением доброй традиции: ежегодно в рамках краевого музыкального фестиваля «Приморский ключ» артисты объезжают с гастроями отдалённые уголки Приморья.

Председатель Попечительского совета театра¹, Заместитель Председателя Правительства РФ Ольга Голодец, заявила, что «...Приморский театр оперы и балета – одна из лучших по техническому оснащению площадок России», что, по мнению членов совета, позволяет «... создать на Дальнем Востоке театр уровня Большого и Мариинского».

С начала 2016 г. театр приобрёл статус Приморской сцены Мариинского театра². Санкт-Петербургская Мариинка привносит в приморский храм искусства свою особенную атмосферу. Причём изменилась не только художественная программа приморского театра. Атмосферу в большей степени создают люди искусства. В труппе театра немало приезжих артистов, есть и «мариинцы». С недавнего времени оперную труппу здесь возглавляет Лариса Дядькова – солистка Мариинского театра с 40-летним стажем. Приморские зрители уже увидели совместные работы двух коллективов. Программа «Мариинский & Приморский балет» включала постановки оперы «Травиата» и балета «Жизель», в которых принимали участие солисты и артисты из двух театров. Костюмы и декорации к спектаклям предоставил Мариинский театр.

Легендарный худрук в одном из первых интервью владивостокской прессе по поводу включения приморской оперно-балетной сцены в состав Мариинского театра дал понять, что уровень мастерства артистов дальневосточной сцены «не дотягивает» до серьёзных зарубежных гастролей, и заверил, что приложит усилия к тому, чтобы «приморский театр стал сильным и состоятельным не только для своего региона России, но и для стран АТР» [3]. Считая географическое

¹ В Попечительский совет театра входят Губернатор Владимир Миклушевский, президент ОАО «Ростелеком» Сергей Калугин, генеральный директор ОАО «Российские сети» Олег Бударгин, президент ОАО «Банк ВТБ» Андрей Костин, президент ОАО «Газпром» Алексей Миллер, генеральный директор авиакомпании «Трансаэро» Ольга Плешакова, генеральный директор ОАО «Соллерс» Вадим Швецов и другие.

² Приморский театр оперы и балета стал четвёртой сценой Мариинского театра.

положение Владивостока «большим козырем в культурном смысле», В. А. Гергиев в первую очередь видит выгоду для зрителей приморской столицы: мы сможем видеть артистов Мариинского театра намного чаще, во время остановки труппы здесь, по пути следования на гастроли в страны Восточной Азии: «Гастроли Мариинки всегда с нетерпением ждут в Японии, Корее, Китае и Сингапуре». Новый директор и художественный руководитель Приморского филиала Мариинского театра, председатель Всероссийского хорового общества Валерий Гергиев в новую должность заступал, вернувшись как раз из масштабного азиатского турне с основным составом Мариинки [1]. Артисты прилетели из Пекина, где ими был проведён фестиваль Рахманинова.

По мнению врио вице-губернатора Приморья И. Ковалёва, присоединение Приморского театра оперы и балета к Санкт-Петербургскому выведет его деятельность на принципиально новый уровень. Планы работы приморского филиала, которые огласил сам В. Гергиев, воодушевляют: новый худрук обещает больше постановок в театре, которые будут доступны жителям с разным достатком. Маэстро выразил уверенность в том, что «на приморской сцене будут выступать лучшие артисты из соседних стран, а любители оперы будут приезжать на премьеры во Владивосток. Только уровень нужно подтянуть» [3]. Перед местными артистами поставлена «почётная и ответственная задача – соответствовать статусу» [7]. В прессе всё чаще появляются обнадеживающие заверения в том, что «теперь в Приморье чаще будут выступать знаменитые артисты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона» [9]. И даже обещания о проведении международного музыкального фестиваля. Вероятно, того самого фестиваля, инициированного участниками первого международного культурного форума – «Владивосток – культурное окно в Азию», переименованного теперь в «Far East Festival». Надо полагать, фестивальное движение некоторым образом должно компенсировать недостаток межкультурного общения. В новом статусе для артистов приморского театра выступления на сценах Азиатско-Тихоокеанского региона пока ещё мало вероятны. Солидные сценические площадки ждут артистов прославленной Мариинки. Лицо страны, по-видимому, не должен представлять филиал предприятия.

Ситуация неординарна с точки зрения сложившегося опыта межкультурного общения в театральной среде региона. Вот уже почти три десятилетия в результате государственного реформирования в области культуры профессионалы сценического дела, служащие в театрах самого различного жанра и самого различного уровня (от краевых и областных до самых маленьких частных антреприз) активно общаются с коллегами по цеху всего мира. Выезжают на гастроли, проводят фестивали у себя в городах и выезжают в качестве приглашённых участников зарубежных театральных форумов, проводят мастер-классы и лаборатории и т. д. Вошедшие в практику театрального дела прямые творческие договоры с мастерами сцены (режиссёрами, сценографами, художниками по костюмам, актёрами и др.), позволяют дальневосточным зрителям, не покидая территории проживания, знакомиться с малоизвестной культурой, расширять свои представления о художественной культуре мира. Зрителю Приморского филиала Мариинки также пообещали таких возможностей с лихвой. А вот

артисты этого театра, с точки зрения обывателя, – мастера сценического дела самого высокого уровня в нашем регионе – пока не удостоены чести представлять российское искусство за рубежом именно по причине «несоответствующего уровня».

Межкультурное общение с носителями иных культур, в результате которого происходит познание мира, весьма значимо в наши дни. Культура, благодаря своему огромному общечеловеческому потенциалу, способна стать тем объединяющим пространством, где люди различных национальностей, языковой, религиозной, возрастной, профессиональной принадлежности смогут строить своё общение без каких-либо границ исключительно на основе взаимопонимания. К этой важной миссии склоняется и творческий коллектив недавно открывшегося на дальневосточной земле Театра оперы и балета. Артисты приморского театра будут делать своё важное дело независимо от направленности вектора коммуникативной деятельности.

Литература

1. Валерий Гергиев во Владивостоке: «В театре надо многое доделывать. С этой задачей не справится Антон Лубченко» // VL.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2015/12/06/142069/> [Дата обращения: 11.01.2016].
2. Во Владивостоке открыли Театр оперы и балета. Открытие приурочено к 75-летию Приморского края // Окно в Россию [Электронный ресурс]. URL: http://windowrussia.ruvr.ru/2013_10_18/Vo-Vladivostoke-otkrili-Teatr-operi-i-baleta-8717 [Дата обращения: 22.06.2014].
3. Кочугов В. Приморскому театру прописали маэстро. Худрук Мариинки обещал навести порядок на сцене и за кулисами // Владивосток. Владивосток, 2015. 10 декабря.
4. См. например: Осипова Э.В. Театры Дальнего Востока России и стран Азии: опыт творческих контактов // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 126–135.
5. Приморский театр оперы и балета: тайны закулисья // Prima Media. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/primorye/03.12.2013/319531/konferentsiya-primorsky-teatr-operi-i-baleta-taini-zakulisya-start.html> [Дата обращения: 23.09.2015].
6. Приморский театр оперы и балета отправился на гастроли в Санкт-Петербург. Талант приморцев оценят зрители Мариинского театра // DEITA.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://deita.ru:8080/news/culture/10.11.2015/5008173-primorskiy-teatr-opery-i-baleta-otpravilsya-na-gastroli-v-sankt-peterburg> [Дата обращения: 22.01.2016].
7. Приморский театр оперы и балета с 1 января станет филиалом Мариинского // VESTIPRIM.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/2015/12/29/primorskiy-teatr-opery-i-baleta-stanet-primorskoy-scenoy-mariinskogo-teatra-s-1-yanvary.html> [Дата обращения: 07.02.2016].
8. Солисты Приморского театра оперы и балета успешно выступили на гастролях в Японии // Вести: Приморье. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/2013/12/06/solisty-primorskogo-teatra-opery-i-baleta-uspeshno-vystupili-na-gastrolyah-v-yaponii.html> [Дата

обращения: 14.01.2014].

9. Солисты Мариинского театра и Приморской сцены приготовили подарок для поклонников балета // OTV.PRIM.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.otvprim.ru/society/primorskij-kraj_02.02.2016_33574_solisty-mariinskogo-teatra-i-primorskoj-stseny-prigotovili-podarok-dlja-poklonnikov-baleta.html [Дата обращения: 07.02.2016].

10. Храновская С. «Культурное окно в Азию» открыли во Владивостоке // VL.AIF.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vl.aif.ru/culture/1400313>. 05.12.2014 [Дата обращения: 01.02.2016].

Политика

БУТЕНИН Николай Аркадьевич,

канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики,
Дальневосточный федеральный университет (г. Уссурийск).
Электронная почта: nikbut@list.ru

БУТЕНИНА Наталья Дмитриевна,

канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики,
Дальневосточный федеральный университет (г. Уссурийск).
Электронная почта: nikbut@list.ru

УДК 94(47)«1914/19»:94(571.6)

«Германская карта» в политической борьбе на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.)

Первая мировая война, дальневосточный тыл, германский фактор, военнопленные германского блока

В статье анализируется влияние Первой мировой войны на характер политического противостояния на Дальнем Востоке России в начальный период гражданской войны. По мнению авторов, в течение длительного времени после Брестского мира и даже после окончания войны в ноябре 1918 года это влияние было весьма значительным. Авторы пытаются показать, какое место занимали в гражданской войне бывшие военнопленные Германии и её союзников, а также роль иных факторов первой мировой войны. Авторы стремились использовать системный подход в оценке событий 1918–1920 гг.

Первая мировая война, неоправданно «забытая», потеснённая в исследовательском пространстве историка Революцией, в последнее десятилетие стала предметом многочисленных исследований в отечественной историографии. Определилась и новая парадигма: от истории событий, процессов к истории «человека на войне» во всех её проявлениях [25]. Такой подход позволяет вновь вернуться к проблеме, некогда определённой В. И. Лениным в качестве политического лозунга – «от войны империалистической к войне гражданской», применительно к дальневосточному региону.

Нам представляется интересным и значимым проследить влияние германского фактора («германской карты») на дальневосточные события, выявить его роль в политических играх октября 1917 – ноября 1918 гг. на Дальнем Востоке России. Подчеркнём, речь идёт не только о политических решениях и акциях, но и о восприятии этого фактора современниками.

Дальний Восток России – глубокий тыл Первой мировой войны. На её завершающем этапе он неожиданно превратился в арену военно-политического противостояния самых различных партий,

общественных групп, государств. Несомненным толчком для такой эволюции стал Октябрьский переворот в Петрограде, переломным моментом – заключение сепаратного Брестского мира, который вывел Советскую Россию из Первой мировой войны, ну а заключительная точка была поставлена капитуляцией Германии в ноябре 1918 г., хотя последствия сказывались и позднее.

Настроения жителей Приамурского края в 1914–1918 годах по отношению к войне претерпели значительную метаморфозу: от патриотического подъёма в её начале к нарастанию общественного недовольства, «усталости» от войны. Это было вызвано постоянным оттоком на фронт трудоспособного населения (около 100 тыс. человек), усиливающимся дефицитом предметов первой необходимости [12, с. 96–97].

В то же время, даже советские историки признавали (с осуждением), что ещё «весной и летом 1917 г. на различных собраниях и съездах принимали решения с требованием оказывать полную поддержку Временному правительству, вести войну до победного конца, пока «враг стоит на землях России» [14, с. 25].

Тем не менее, население России, в первую очередь многомиллионное крестьянство, жаждало мира. И большевики этот мир обещали. Если в целом российская провинция оставалась равнодушной к событиям в центре, то Декрет о мире просто не мог не вызвать позитивной реакции крестьянства. А. Абов, с просоветских позиций анализируя настроение крестьянства в восточных регионах страны по горячим следам гражданской войны, писал: «Одного только хотел он (крестьянин – авторы) – окончания войны. Войну с Германией большевики окончили. Вот почему, плохо разбираясь в партийных программах, крестьянин сочувствовал большевикам, но очень не любил коммунистов» [1, с. 2].

Ещё более категоричен в своих оценках (1918 г.) явный противник большевизма Д. Розенблюм: «В основании большевистского восстания лежал слепой, стихийный народный взрыв, направленный против затянувшейся войны» [24, с. 5].

Война оказала прямое влияние и на установление власти первых Советов на дальневосточной окраине России. Как известно, в большевизации советов в регионе решающую роль играли революционно настроенные солдаты [10, с. 33–35]. К ним советские историки относили не только тыловые части, чьё нежелание попасть на фронт вполне понятно, но, как ни парадоксально, и многочисленных дезертиров («революционно настроенных фронтовиков»), которые руководствовались несколько иными мотивами.

Наконец, Первая мировая война оказала разрушительное воздействие на патриархальные устои российской глубинки, и не только. Миллионы молодых сельчан на долгие годы отрывались от привычного уклада жизни, освобождались из-под традиционной опеки старших, приобретали новый, не всегда позитивный опыт. Разрушался патриархальный уклад семьи. Возвратившиеся домой фронтовики с трудом вливались в прежний ритм жизни. Как отмечал С. М. Белицкий, «...в результате трёх лет войны происходила своеобразная милитаризация населения», изменение общественной морали [5, с. 405]. Казалось бы, прямо противоположные тенденции: усталость от вой-

ны и моральная готовность взяться за оружие – в конечном счёте стали благодатной почвой для войны гражданской.

Таким образом, война с Германией (а для жителей империи противники России персонифицировались именно в Германии), не только стала важным фактором установления власти первых Советов, но и формировала общественные настроения, которые превращали насилие в основное политическое, и не только, средство достижения желаемого.

Подписание сепаратного мира с Германией и выход России из Первой мировой войны стали причиной нового тура политического противостояния на Дальнем Востоке России. Да, население страны мечтало о мире, но не о таком. Важно подчеркнуть, что выход Советской России из войны вовсе не означал выход из войны для многих миллионов россиян, как не признавших Советскую власть и, соответственно, все её решения, так и для значительной части её сторонников, по меньшей мере недовольных таким миром «без аннексий и контрибуций». Достаточно вспомнить позицию дальневосточных и сибирских Советов. Так, представитель Центросибири И. М. Гейцман на заседании Дальсовнаркома в мае 1918 г. прямо говорил: «Следовало бы лучше придерживаться политики непризнания мирного договора с Германией, да и теперь ещё не поздно» (ГАХК. Ф. 410. Оп. 1. Д. 7. Л. 219).

Заключение мира с Германией на фоне германофобских настроений в стране создавало благодатную почву для распространения слухов о «немецко-большевистском альянсе», ставивших большевиков в один ряд с ненавистным врагом. В обществе активно заговорили о необходимости «создания нового восточного фронта с целью освобождения России от германского ига» [13, с. 63]. Для обоснования такого «муссировались слухи», как было принято писать об этом в советской историографии, о том, что многочисленные (200–250 тыс.) немецкие военнопленные собираются захватить Сибирскую магистраль, превратить Сибирь в немецкую колонию и т. д. [3, с. 283]. Важно подчеркнуть, что современные исследования по этой проблеме (например, Т. Я. Иконниковой) свидетельствуют о подавляющем нейтралитете военнопленных на Дальнем Востоке, по крайней мере, до марта 1918 г. [11, с. 94].

Однако лагеря военнопленных и в Сибири, и на Дальнем Востоке были (только на Дальнем Востоке число военнопленных оценивается Т. Я. Иконниковой в 40–45 тыс.). А это означает, что благодатная почва для слухов о «немецкой угрозе» действительно была. Более того, они находили подтверждение в политических акциях большевиков.

Ещё до подписания мира с Германией начался активный процесс формирования интернациональных отрядов из бывших военнопленных. Не стоит преувеличивать масштабы этого процесса: важнейшим критерием была революционность соискателя, однако он шёл. Уместно напомнить, что в соответствии с IV Гагской конвенцией 1907 г., «военнопленные не должны иметь никакого отношения к военным действиям» [22]. Советское правительство в июле 1918 г. официально заявляло о своём присоединении к Гагской конвенции. Противоречие формально снималось постановлением Совнаркома, согласно которому добровольцы из числа иностранцев, вступавшие в Красную Армию, получали гражданство Российской республики. Что же ка-

сается революционной пропаганды среди военнопленных, вероятно, её советские власти не воспринимали как противоречащую 2 статье Брестского договора: «Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны» [7]. И действительно, пропаганда велась не против, а за Советскую власть, после подписания мира чуть ли ни союзницу Германии. Несмотря на всю казуистику, приходится констатировать: инициатива привлечения иностранцев (военнопленных Тройственного союза) к участию во внутренних делах России принадлежит большевикам.

Брестский мир породил многочисленные планы вовлечения России в войну с немцами как среди бывших союзников, так и в среде российской эмиграции. В свете итогов первой мировой войны, закончившейся всего через несколько месяцев полной капитуляцией Германии, они кажутся явно надуманными, преследующими совсем другие цели (хотя отрицать их полностью было бы неоправданно). Однако нам представляется, что с позиций современников всё обстояло с точностью наоборот. В первой половине 1918 г. Германия представлялась всё ещё опасным противником. Германская армия оккупировала российские земли, в том числе, не предусмотренные Брестским миром, её солдатам не противостояли российские войска, на протяжении всей мировой войны принимающие на себя основной удар Тройственного союза. Союзники лишились, как писали в литературе тех лет, «русского пушечного мяса» [30, с. 23] и действительно предпринимали всевозможные шаги для втягивания страны в войну (вплоть до признания Советов). Уместно напомнить, что летом 1918 г. развернётся знаменитая 2 битва на Марне, которую союзникам (без России) удалось выиграть ценой огромного напряжения сил.

О конкретных шагах союзников по возвращению теперь уже Советской России на театр боевых действий не раз свидетельствовали сами большевики. Так, подводя итоги внешней политики за 2 года, нарком иностранных дел П. В. Чичерин писал относительно событий марта 1918 г.: «Американская дипломатия, а также действовавшая в Советской России часть английской дипломатии стремились к тому, чтобы вовлечь Россию в качестве своей союзницы в войну с Германией» [33, с. 10].

Альтернативой этому являлось создание восточного фронта силами союзников (без участия Советов). Как известно, по поводу целей, масштабов, времени и интервенции у союзников единства не было. Для начала полномасштабной союзнической интервенции всё ещё не доставало должных («законных») оснований. Таким основанием в конечном счёте стало выступление Чехословацкого легиона. Так, анализируя противоречия в лагере союзников по поводу открытия восточного фронта, В. Черчилль в своих воспоминаниях писал: «Чтобы окончательно разрешить вопрос и привести 5 главнейших союзников к практическому соглашению, нужно было нечто иное – чехи» [32, с. 51].

Оставим за скобками драматичную историю «проданного и преданного», по определению советской историографии, корпуса; она, на наш взгляд, получила всестороннее изучение в постсоветский период, освободившись от многих идеологических штампов и клише [19; 23]. В рамках нашей темы остановимся лишь на ряде обстоятельств.

Само появление легиона, по большей части состоявшего из военнопленных, стало результатом, с одной стороны, того неравноправного положения, которое занимали славяне, в частности чехи, в Австро-Венгерской империи, а, с другой стороны, – панславянской российской пропаганды в годы Первой мировой войны. Мир с Германией ставил чехословацкий корпус в чрезвычайно сложное положение: в глазах одних они были предателями, в глазах других, в первую очередь советских властей, весьма серьёзной угрозой. В литературе периода гражданской войны не раз появлялись сообщения о якобы принятом решении чехов «вступить в войну с немцами на русской территории», готовности чуть ли не идти на Москву [27, с. 6]. Маловероятно, что такие решения действительно были (достоверных сведений о них нет). Официально корпус придерживался, по словам их политического лидера профессора Т. Г. Масарика, «вооружённого нейтралитета» и «невмешательства в русские дела» [18, с. 222], а советские власти, в свою очередь, обязались обеспечить эвакуацию легионеров в Европу через Владивосток. Предполагалось использование чехословацкого корпуса в войне с Германией на стороне Франции.

Однако в условиях взаимного недоверия, а также, как сейчас доказано, двойных стандартов в советской политике (знаменитая телеграмма Троцкого относительно чехословаков, о которой им стало известно) достаточно было маленького толчка, чтобы «мятеж» (или «самозащита») начался. О том, как слухи в атмосфере взаимной неприязни формируют общественное мнение, явственно свидетельствует Челябинский инцидент с участием ставших непримиримыми врагами военнопленных Тройственного союза. По словам всё того же Т. Г. Масарика, «наши солдаты были убеждены, что большевиков против нас ведут немцы, особенно австрийцы и венгры» [18, с. 83]. Ему вторит советский критик эсеро-меньшевистской контрреволюции П. Лисовский: «Их (легионеров – авторы) убедили (эсеры и меньшевики – авторы) в том, что советское правительство заключило союз с Германией с тем, чтобы чинить всевозможные препятствия отправке чехословацких войск на родину... Большевики изображались в виде германских агентов, состоявших на службе у кайзера» [16, с. 93].

Мы не придерживаемся традиционного для советской историографии тезиса о «преднамеренности», «подготовленности» и т. д. чехословацкого выступления. Более приемлемо объяснение его драматическим стечением случайностей. Однако не воспользоваться таким великолепным поводом («спасение братьев чехов») союзники не могли. Причём тема открытия восточного фронта зазвучала громче. Так, на заседании Дальсовнаркома в мае 1918 г. (после событий в Челябинске, но до выступления Владивостокских частей корпуса) приводятся слова американского консула Гаррисона: «Откройте фронт с немцами, и завтра будет ликвидирован чехословацкий корпус» (ГАХК. Ф. 410. Оп. 1. Д. 7. Л. 219).

Резюмируя результаты заседания, председатель Дальсовнаркома А. М. Краснощёков говорил: «Дальсовнарком знает, чего хотят иностранцы. Они желают, чтобы Россия опять открыла фронт с Германией или своими силами, или разрешила Америке, Англии и Франции открыть фронт...» (ГАХК. Ф. 410. Оп. 1. Д. 7. Л. 219).

Если советские власти такого согласия не дали, то их российские противники к такому были готовы. Ещё 24 апреля 1918 г. Г. В. Чи-

черин, комментируя аргументы дипломатов по поводу высадки японского десанта во Владивостоке, сообщал об угрозе иностранной интервенции: «Господин Ж. Нуланс (французский дипломат – авторы) предвидит возможность вторжения по соглашению, с так называемым «общественным» мнением России» [34, с. 36]. И такое общественное мнение без всяких кавычек действительно существовало. Его рупором на Дальнем Востоке был, например, правый эсер П. Я. Дербер, возглавивший Временное правительство Автономной Сибири во Владивостоке сразу же после выступления там легионеров. От имени этого правительства 1 июля 1918 г. прозвучал призыв к союзникам «создать единый антигерманский фронт, при признании политической и экономической независимости России» [21, с. 59].

В антибольшевистских кругах как на территории России, так и в эмиграции задолго до этих событий тема помощи союзников активно обсуждалась. Единодушия в этом вопросе не было.

Подавляющее большинство было солидарно с позицией российского посланника в Китае Н. А. Кудашева. В письме А. Н. Русанову, бывшему комиссару Временного правительства на Дальнем Востоке, он писал: «Это вмешательство, к сожалению, вследствие нашей разрухи ставшее неизбежным, не должно иметь в виду наведение порядка в России, а должно быть принято как у нас, так и за границей лишь как одно из законных средств, коими располагают союзники, для нанесения с востока чувствительного удара Германии» [29, с. 45].

Звучали и немногочисленные голоса здравомыслящих политиков. Тот же Русанов в своём ответе Кудашеву предостерегал, что опора на иностранцев «усилит ещё более враждебность населения к подобной власти, русской по названию, но по существу чужой, базирующейся на иностранцах» [29, с. 46].

В нашу задачу не входит определение процента искренности и лукавства подобных заявлений. Для нас важнее другое – обозначить роль «германского фактора» в интервенции на Дальнем Востоке России.

Именно выступление чехословацкого корпуса открыто вывело на военно-политическую арену так называемых интернационалистов из военнопленных венгров, австрийцев, немцев. В этой связи представляет интерес сообщение Т. Г. Масарика в Меморандуме для президента Вильсона о состоянии России и большевизма, составленное по предложению американского представителя в Токио 10 апреля 1918 г.: «Нигде в Сибири (от 15 марта до 2 апреля) я не видел вооружённых немецких военнопленных» [18, с. 229].

Обратим внимание на дату: в свете грядущих событий заподозрить автора в предвзятости трудно. Однако следует уточнить маршрут Масарика – по КВЖД, минуя большую часть Приамурского края. Между тем при подавлении антисоветского Гамовского мятежа в Благовещенске ещё в марте 1918 года интернационалисты принимали непосредственное участие.

Ситуация существенно изменилась после выступления чехословацкого легиона и с началом интервенции. После неизбежной и необходимой демобилизации старой армии реальной вооружённой силы местные советы не имели. Отряды Красной гвардии из добровольцев, а затем и спешно создаваемые отряды Красной армии из мобилизованных крестьян не были преградой для легионеров, чей професси-

онализм высоко оценивали даже их противники. Советское правительство это понимало. Хочется привести не вызывающее особого доверия, но весьма показательное упоминание Т. Г. Масарика о том, что «большевики в июне (1918 г. – авторы) предложили немцам, чтобы они разрешили против наших использовать в Сибири вооружённых военнопленных, немцы... высказались против этого» [18, с. 82]. Как известно, работа по привлечению военнопленных велась и раньше, без всякого разрешения.

С началом «мятежа» резко возросшая большевистская пропаганда среди военнопленных находила благодатную почву. Абсолютное большинство из них были крестьянами и рабочими, даже в плену подвергавшимися дискриминации: содержание офицеров было на порядок лучше. Именно русская революция открыла перед военнопленными путь домой. Наконец, появлялись серьёзные материальные стимулы. В апреле – мае 1918 г. рядовой боец красного интернационального отряда в Сибири получал жалование 250–300 руб. в месяц. При этом рядовой стрелок антибольшевистского чехословацкого корпуса имел жалование 5 руб. в месяц [15].

И всё-таки, на наш взгляд, решающим фактором, определившим выбор, был враг, с которым предстояло сражаться – предатели-чехословаки.

Чешский капитан В. Голичек, участник военных действий на Уссурийском фронте так характеризовал своих противников: «Кадры большевистской армии составляют немецко-мадьярские военнопленные и латыши, обученные, организованные и руководимые германскими и австро-венгерскими офицерами» [9, с. 61–62]. Это несомненное преувеличение. Однако В. Голионку в своих ранних (идеологически не выправленных) публикациях рисует крайне противоречивую картину создания вооружённых сил советов в Хабаровске, где сквозь декларации о всенародном подъёме просвечивают трудности с мобилизацией вообще и пополнением командного состава из бывших русских офицеров в частности. На этом фоне «коммунистические отряды, формировавшиеся из военнопленных, преимущественно из венгров» [8, с. 31], действительно становились важнейшей силой. Определить реальную численность интернационалистов, в частности на Уссурийском фронте, в атмосфере паники и неразберихи того времени вряд ли возможно, хотя такие подсчёты, особенно венгерских интернационалистов, активно велись [2; 35]. Тем не менее, можно согласиться с относительными оценками А. Лобова – 1/3 от общего числа бойцов [17].

Было бы чрезвычайным упрощением, как это делают некоторые исследователи, делить военнопленных по национальному признаку на сторонников и противников советов: чехословаки – за белых, венгры, немцы и т. д. – за красных [6, с. 44]. Большевистская пропаганда не оставляла без внимания ни тех, ни других. Известны, в частности в Приморье, где вообще чехословацкие legionеры выступили с большим (на месяц) опозданием, случаи их участия на стороне красных. С другой стороны, не стоит преувеличивать и масштабы интернациональной помощи красным – едва ли 10% военнопленных приняло участие в гражданской войне (по подсчётам Н. В. Суржиковой, от 7,5% до 13%) [31, с. 271].

Таким образом, идея создания восточного фронта против Германии, спровоцированная Брестским миром и реализованная благодаря выступлению чехословацкого легиона, не только сплотила союзников для открытой интервенции, но и стала катализатором гражданской войны на востоке России, способствовала вовлечению в военное противостояние новых контингентов. Среди них и русское офицерство из европейской части России.

Весьма показательны воспоминания полковника Н. А. Андрушкевича о его плавании с другими русскими офицерами (числом 15) на английском корабле во Владивосток, с тем чтобы вступить в войну с Германией «где-то на Урале». События происходили в ноябре месяца, и сообщение о завершении Первой мировой войны с воодушевлением и растерянностью встретили ещё в плавании [4]. При всей абсурдности ситуации: где Владивосток и где Урал? О каком германском фронте на Урале могла идти речь? Патриотизм Андрушкевича и его товарищей по несчастью сомнения не вызывает.

Германия капитулировала. Казалось бы, в политических играх на востоке России не осталось места для «германской карты». Однако германофобские настроения вовсе не исчезли. В риторике гражданской войны они заняли заметное место при обличении противника. В уставе Гродековского союза «Возрождение Родины» в 1919 г. прописано «оказание помощи русской армии, сражающейся на *германско-большевистском фронте*» (РГИА ДВ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 186. Л. 15).

В свою очередь большевики обвиняли своих военно-политических оппонентов: «В штабе Семёнова работают бывшие или настоящие агенты германского штаба, *шпионы германских империалистов*» [20, с. 16]. Наконец, мемуаристы из чехословацких легионеров, подвергавшихся постоянным нападкам белой эмиграции за гибель адмирала Колчака, в известной мере оправдываясь, отмечали его общую «неспособность», и всячески подчёркивали «его германофильское окружение» [18, с. 83], возможно, как главную причину трагедии.

Завершение Первой мировой войны принципиально изменило обстановку на востоке России: отпали даже призрачные мотивы военного присутствия как для чехословацких легионеров, так и для союзников, недовольство интервенцией захватывало все слои российского общества. Надежды на невмешательство во внутренние дела России полностью развеялись, а масштабы помощи откровенно разочаровывали. Определяя политику интервентов как «определённо враждебную России», активный участник белого движения генерал-лейтенант К. В. Сахаров так определял её последствия: «Среди красных, управляемых III интернационалом, забила струя национального русского подъёма, непримиримого и ненавидящего всё, идущее на Русь извне» [26, с. 319].

Уместно напомнить и о том влиянии, которое оказали на российское общество сами итоги Первой мировой войны. Накануне Парижской конференции в российской прессе активно обсуждался вопрос об участии в ней страны, которая внесла столь внушительный вклад и понесла столь сокрушительные потери в войне: кого пригласят – Всероссийского правителя Колчака, представителей Советского правительства? Что получит Россия? Прогнозы не оправдались: никого не пригласили, к раздаче призов не допустили. Это было ещё одно на-

циональное унижение, усиливающее враждебность к вчерашним союзникам.

Большевики сумели возглавить борьбу с интервенцией, определяя себя как партию защиты национальных интересов России. В апреле 1920 г., когда большинство интервентов уже покинуло край, Воззвание областного комитета РКП призывало «всех, кому дорога Россия, дать решительный отпор всем сторонникам Японии, предателям России» [28, с. 198].

Таким образом, за два года гражданской войны, в общественном сознании населения России, и особенно Дальнего Востока, происходит поразительная трансформация. «Не патриоты» (интернационалисты, или космополиты, по определению сторонников Белого движения), превратились в главных защитников интересов России. Их политические противники, «патриоты», в глазах крестьян и городских жителей выглядели теперь как коллаборационисты (вряд ли, впрочем, им было известно это слово).

Именно борьба с интервенцией и национальный подъём стали той консолидирующей платформой, которая объединяла (пусть ненадолго, до победы) рабочих и крестьян, большевиков и их вчерашних противников из лагеря «демократической контрреволюции» эсеров и меньшевиков. На наш взгляд, и в этих событиях проявилось влияние Первой мировой войны.

Литература

1. Абов А. Крестьянство и колчаковщина // Сибирская деревня. 1924. С. 2–9.
2. Авдеева Н. А., Крушанов А. И., Мухачёв Б. И., Шиндялов Н. А. Венгерские интернационалисты борются за Советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. – М.: Наука, 1980. – С. 76 – 90;
3. Алексеев А. Интервенция // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1931. Стб.283.
4. Андрушкевич Н. А. Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.xl3.ru/kadeti/romnim3.htm> [Дата обращения: 16.11.2012].
5. Белицкий С. М. К изучению опыта гражданской войны. 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921гг. Т. 2 Военное искусство Красной армии. – М.: Изд-во «Военный вестник», 1928. – С. 399–419.
6. Бондаренко Е. Ю. Иностранцы военнопленные Первой и Второй мировых войн на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 43–47.
7. Брестский мир // [Электронный ресурс]. URL.: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180303brest.php [Дата обращения: 16.03.2014].
8. Голионко В. Партия и Советы в Хабаровске за период 1917–1918 гг. // Дальистпарт. Вып. 3. – Владивосток, 1925. С. 8–48.
9. Голичек В. Чехословацкое войско в России. – Иркутск: Издание информационного просветительского отдела Чехословацкого военного министерства, 1919. – 86 с.

10. Зуев В. Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Сб. науч. статей. – Владивосток. 1998. С. 33–47.

11. Иконникова Т. Я. Военнопленные первой мировой на российском Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток. 1999. № 1. С. 90–94.

12. Иконникова Т. Я. Политические настроения дальневосточников в 1917 г. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1993. С. 96–97.

13. Керженцев В. Союзники и Россия. – М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918. – 80 с.

14. Крушанов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке. В 2-х частях. Ч. 2. Победа Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – апрель 1918 гг.). – Владивосток, 1969. – 180 с.

15. Ладыгин И. В. Как сражалась революция. «Другая» интервенция в Сибири. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.novonikolaevsk.com/forum/viewtopic.php?f=19&t=1046> [Дата обращения: 16.03.2014].

16. Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. – Л.: Прибой, 1928. – 142 с.

17. Лобов А. Интернационалисты в гражданской войне 1918–1922 // Общ.-пол. журнал «Прорыв». 2005. № 2 (12). [Электронный ресурс]. URL.: http://www.proriv.ru/articles.shtml/lbov?intern_v_GV [Дата обращения: 16.03.2014].

18. Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания. Т. 1. – Прага, 1926. – 239 с.

19. Недбайло Б. Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.) [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки) URL.: http://scahi.ru/download/nedbailo_cheh_korpus.pdf [Дата обращения: 24.11.2012].

20. Парняков П. О семёновщине. – Иркутск: Изд-во Центр-Сибирь, 1918. – 18 с.

21. Петров А. Наша экономическая зависимость // Великий океан. Владивосток, 1919. № 2–3. С. 55–62.

22. Положения о законах и обычаях войны IV Гаагской конвенции 1907 г. [Электронный ресурс]. URL.: army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml [Дата обращения: 13.03.2014].

23. Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103; № 6. С. 54–76.

24. Розенблюм Д. Социально-психологические основы большевизма // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Сб. статей. – М.: Изд-во «Революционная мысль», 1918. – С. 5–12.

25. Россия в первой мировой войне: новые направления в исследовании. Сборник обзоров и рефератов. 2013. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.inion.ru/files/File/ww1_sbornik.pdf [Дата обращения: 03.03.2014].

26. Сахаров К. В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923. – 325 с.

27. Святицкий Н. М. Реакция и народовластие. (Очерк событий на Востоке России). – М.: Народ, 1920. – 32 с.

28. Сергей Лазо. Воспоминания и документы. – М.: ОГИЗ «История гражданской войны», 1938. – 218 с.

29. Сибирский архив. Приложение к журналу «Вольная Сибирь». – Прага: Изд-во общества сибиряков в ЧСР, 1929. – 48 с.
30. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. – Токио: Типография: Тойо-Инсацу-Кабусики-Кайша, 1921. – 54 с.
31. Суржикова Н. В. Мифу Миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на Востоке России в зеркале советской историографии // Гражданская война на востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток: Материалы Всерос. науч. конф. Пермь. 25–26 ноября 2008 г. – Пермь, 2008. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html> [Дата обращения: 31.01.2016].
32. Черчилль В. Мировой кризис. – М.: Госвоениздат, 1932. – 328 с.
33. Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. Очерк, составленный к 2-летней годовщине рабоче-крестьянской революции. – М.: Госиздат, 1920. – 32 с.
34. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам внешней политики. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1961. – 516 с.
35. Шерешевский Б. М. О некоторых вопросах участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. – М.: Наука, 1980. – С. 228–237.

ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Валентинович,

канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток).

Электронная почта: lavrist@list.ru

УДК 94:656 (571.6)

Российский Дальний Восток и страны Северо-Восточной Азии: некоторые итоги, проблемы и перспективы транспортного сотрудничества

Транспорт, регион, международные отношения, социально-экономические процессы

Анализируются основные тенденции международного транспортного взаимодействия на дальневосточных рубежах. Методологической основой проведённого анализа послужили концептуальные аспекты теории переходного общества и процессов трансформации. Главным результатом исследования стало выявление системных проблем, сформированных в новейший период российской истории. Предприняты попытки прогнозных оценок развития внешних коммуникаций региона в современных условиях политических и социально-экономических изменений.

Стратегически выгодное географическое положение Дальнего Востока естественным образом ориентирует этот регион на развитие международных связей. Политика открытости, начатая со второй половины 1980-х гг., способствовала развитию приграничных транспортных контактов с КНР. Не повлёк за собой длительного спада в этом сегменте сотрудничества мировой экономической кризис в конце первого десятилетия XXI века. Так, общий объём перемещённых автомобильным транспортом грузов между Россией и Китаем в 2010 г. по сравнению с 2009 г. увеличился на 8,4%. За 5 месяцев 2011 г. перевозки выросли по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. уже на 33% [3, с. 24].

Состоялся пуск первой очереди нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий Океан (ВСТО) с веткой на Китай и годовой мощностью в 30 млн тонн. Она соединила Тайшет в Иркутской области и Сковородино в Приамурье. В рамках проекта был выстроен нефтеналивной терминал Козьмино на побережье Тихого океана. Наряду с основным железнодорожным переходом Гродеково – Суйфэньхэ в августе 2013 г. возобновил работу пограничный пункт пропуска Махалино – Хуньчунь, который долгое время не функционировал из-за имущественных споров между ОАО «РЖД» и частной компанией «Золотое звено». В 2014 г. через него стали осуществляться перевозки каменного угля и минеральной воды [1, с. 43].

С учётом предполагаемой интенсификации международных контактов ведутся переговоры с представителями транспортных струк-

тур КНР о необходимости совместного развития объектов приграничной инфраструктуры. Она ориентирована на транспортировку в китайские провинции сырья и его последующий реэкспорт в дальневосточные районы. Ряд мер предусматривает создание оптимального доступа к китайским курортным зонам российских туристов. Администрациям и специальным службам на сопредельных территориях поручена подготовка необходимых обоснований намечаемых проектов.

Новые перспективы, выходящие за рамки двухсторонних контактов, открываются в сфере транспортного сотрудничества с КНР. Китайская концепция «Один пояс и один путь», которая была инициирована в 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином, вызвала интерес у руководства России. В настоящее время происходит поиск наиболее оптимальной сопряжённости проектов Евразийского экономического союза и «шёлкового пути», где ведущую роль должна сыграть транспортная инфраструктура.

Появились возможности подключения дальневосточных тихоокеанских территорий, которые граничат с северо-восточными китайскими провинциями, к масштабному азиатскому транспортному коридору, ранее не предполагавшему даже их косвенного участия. В официальном документе, утверждённом Госсоветом КНР в марте 2015 г., наряду с планами активного продвижения Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва – Пекин», говорится о необходимости «улучшить железнодорожное сообщение Хэйлунцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлунцзяна, Цзилиня, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки» [12, с. 267].

В контексте этой политики партнёрства предполагается открытие нового международного транспортного коридора «Приморье-3» (Владивосток – Песчаный – Барабаш – Фэньшуйлин – Хунчунь). Составной его частью должна стать Владивостокская кольцевая автодорога, возведение которой весьма актуально и для повышения экономической привлекательности транспортно-логистического узла в связи с принятием закона о режиме «порто-франко» на территории Приморья. На основе партнёрства с Китаем начато строительство трансграничного железнодорожного мостового Нижнеленинское–Тунцзян перехода через реку Амур.

Произошедшая ревизия политики формирования инвестиционного климата и системы экономических взаимодействий на дальневосточных рубежах способствовала некоторой корректировке подходов и способов её реализации. Помимо традиционного прямого государственного участия большое место в будущих проектах стало уделяться косвенным инструментам регулирования.

В 2005 г. вступил в силу Закон «Об особых экономических зонах в РФ», дополненный впоследствии поправками, предусматривающими их создание в портах и территориях, образующих с ними единый производственный комплекс. Постановлением Правительства РФ на территории Советско-Гаванского муниципального района объявлялось о создании особой экономической зоны портового типа «Советская Гавань» [8]. С введением новой организационной формы деятельности порта связывались надежды властей на возрождение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Она могла стать альтернативой

Транссибу и переключить на себя часть международных грузопотоков, сконцентрированных на юге Приморского края.

Заинтересованные в удобных выходах на международные рынки крупные производители экспортной продукции инвестировали значительные средства в развитие портового хозяйства Дальнего Востока. Благодаря их вложениям порты региона увеличили свои производственные мощности. Проводимая работа позволила повысить провозную способность ведущих гаваней. Грузооборот Дальневосточного бассейна в 2014 г. составил 162,5 млн т, увеличившись на 12,3% по сравнению с 2013 г. [11].

Глобальные и долгосрочные перспективы в русле современной российской политики «разворота на восток» нашли своё отражение в «Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г.», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. В ней, в частности, рассматриваются варианты соединения евразийского и североамериканского континентов через Берингов пролив, материка с о. Сахалин и Японией, интеграции Транссибирской и Транскорейской магистралей [9]. Воплощение последнего из названных проектов началось с 2008 г. и уже имеет конкретные результаты. Завершилась реконструкция пограничного российско-северо-корейского участка Хасан-Раджин, начала его эксплуатация. Совместными усилиями построен терминал в порту Раджин.

Избранная стратегия усиления интеграции восточных районов с сопредельным зарубежьем расширяла присутствие России в соответствующих международных объединениях, приобщала её к новым региональным договорённостям. Для обсуждения и согласования вопросов транспортного взаимодействия российские представители стали регулярными участниками заседаний профильной рабочей группы стран-участниц АТЭС. Россия присоединилась к Межправительственным соглашениям по сети Азиатских автомобильных дорог и Трансазиатских железных дорог, разработанных под эгидой ЭСКАТО (Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана). На их основе предполагается достижение всесторонней унификации транспортной инфраструктуры и системы перевозок для выбора оптимальных маршрутов сотрудничества в АТР.

Модификации подверглись нормативно-правовые условия транспортных сообщений между Россией, Республикой Корея и Японией. По сравнению с предшествующим советско-корейским авиационным договором новое соглашение 2003 г. расширяло возможности в выборе компаний-перевозчиков, увеличении количества и диапазона рейсов с обеих сторон. Особым пунктом оговаривались обстоятельства пролёта грузовых южнокорейских самолётов через российскую территорию в Европу, что должно было способствовать получению дополнительных средств за навигационные услуги. После растянувшихся почти на 13 лет взаимного обсуждения и координации условий в 2010 г. самостоятельное правовое закрепление получили морские перевозки с Республикой Корея.

На состоявшихся в июне 2007 г. переговорах представителей авиационных служб России и Японии впервые за всю историю двухсторонних отношений отечественные компании получили право выполнения полётов в десять японских аэропортов. Ранее список

посещений исключал крупные деловые центры. Снимались ограничения на чартерные рейсы в Японию российскими авиапредприятиями и пассажирских судов большой вместимости. По аналогии с южнокорейским вариантом договора японской стороне разрешалось увеличить число транзитных беспосадочных пересечений российского воздушного пространства [4, с. 76].

Несмотря на отмеченные позитивные изменения на современном этапе уровень отечественной транспортной инфраструктуры не соответствует задачам совершенствования экономики страны, её полновесной интеграции в международное пространство, создания условий комфортного проживания населения. Реформы управления транспортным комплексом, проводимые в России на протяжении почти четверти века, имеют неоднозначные предварительные итоги.

Производственные мощности предприятий, подвижной состав и пути сообщения не отвечают образцам ведущих мировых достижений, современным конкурентным требованиям. Географическая обособленность в сочетании с низким уровнем системы транспортного обслуживания остаётся характерной особенностью российского Дальнего Востока.

Сложный, но неизбежный переход к инновационной модели совершенствования региональных коммуникаций сопровождается массой противоречивых тенденций, которые препятствуют кардинальному изменению облика транспортной системы, наличию дисбаланса среди её отдельных видов. В настоящее время по плотности железнодорожных путей общего пользования в расчёте на 10 тыс. кв. км Дальневосточный регион в 3,6 раза уступает среднероссийским показателям, а по автомобильным дорогам с твёрдым покрытием – в 5,6 раза [6, с. 20].

Несинхронность и отставание темпов совершенствования свойственны магистральным направлениям. Общие мощности портов в последние годы росли несколько быстрее, чем пропускная способность железных дорог. Несмотря на успехи в реконструкции отдельных объектов в последнее время особенно остро стоит вопрос о необходимости комплексной модернизации Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. По данным на 2013 г. протяжённость восточных участков Транссиба с ограниченной провозной способностью составляла 3,2 тыс. км. Согласно прогнозам, при сохранении дефицита ресурсного обеспечения к 2018 г. их длина достигнет 8,1 тыс. км, или 75% протяжённости всей сети восточного участка магистрали [13, с. 49].

Оптимистичные планы крупных бюджетных вливаний в реконструкцию Транссиба и БАМа при значительном участии дальневосточных субъектов и инвесторов отягощаются высокими рисками их неисполнения. Следует учитывать, что с коммерческой точки зрения из-за сложности дорожного строительства, размеров затрат и сроков окупаемости эти проекты не представляют большого интереса для бизнеса. Кроме того, эффективность использования выделяемых бюджетных средств и привлечение инвестиций к модернизации транспорта во многом будут зависеть от проведения своевременной оптимизации организационного устройства предприятий, обеспеченности их квалифицированным персоналом, адекватных методов государственного регулирования.

Международные транспортные связи на дальневосточных рубежах продолжают носить преимущественно инерционный характер. Многие проблемы, сформировавшиеся на ранней стадии проведения экономической либерализации, не находят качественных решений. Перспективные начинания транспортных взаимодействий не обрели устойчивого и взаимовыгодного эффекта.

Использование механизмов государственно-частного партнёрства в сфере организации и совершенствования коммуникаций замедляется из-за отсутствия чётких правовых гарантий для потенциальных инвесторов, наличия определённого негативного опыта сотрудничества в 1990-е гг. Соответствующие сборы, устанавливаемые за пересечение границы, не имеют ясных критериев взимания. Они не учитывают в полной мере специфики международных перевозок, продолжая к тому же уходить часто не по целевому назначению. Как следствие, иностранные партнёры практически не участвуют в совместных инфраструктурных проектах.

Расширение международных транспортных контактов требует более пристального внимания к вопросам регулирования сообщений через российские пограничные пункты. Постоянная критика их работы свидетельствует о системном характере проблем, накопленных за предшествующие десятилетия. В связи с этим в июне 2015 г. российские и китайские учёные решили провести на общественных началах первую международную экспедицию по оценке приграничного сотрудничества, в ходе которой специальным объектом изучения стали пограничные переходы. Была разработана единая шкала критериев анализа их состояния. Она применялась в ходе обследования пунктов пропуска с каждой стороны. Использовались методы скрининг-дискуссии, анкетирования, опроса с представителями региональных и муниципальных властей, таможенной службы, предпринимателями, туристами, непосредственно пересекающими границу. В качестве предварительного итога исследований, завершившихся в январе 2016 г., можно привести краткое резюме руководителя российской группы профессора, доктора экономических наук А. П. Латкина. В интервью российской газете он отметил, что большая часть имеющихся проблем «...происходит из-за путаницы с собственностью. В 1990-е годы часть инфраструктуры создавали за свои деньги предприниматели, но потом государство взяло объекты в аренду. Наводить порядок должны собственники, но они сетуют, что арендных платежей не хватает. В общем, у переходов нет хозяев, которые несли бы за них ответственность» [2].

Осложняет развитие полноценных (в том числе и транспортных) контактов приграничных субъектов РФ с территориями сопредельных государств отсутствие специальной законодательной основы. Отдельные международные договоры и соглашения не сформировали общего механизма взаимодействия. Существует острая необходимость, с одной стороны, в унификации нормативной базы, касающейся этих вопросов, а с другой – в определении масштаба самостоятельности регионов и местных администраций в ходе осуществления социально-экономических связей с зарубежными соседями.

В отечественной правовой сфере не сложилось устойчивых характеристик таких понятий, как приграничное сотрудничество и его участники, приграничный субъект и соответствующее муниципаль-

ное образование. В настоящее время они нашли своё частичное отражение в «Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа», утверждённой российским Правительством в октябре 2015 г. [10]. В ходе её реализации планируется создание трансграничных объектов транспортной инфраструктуры в целях увеличения скорости и объёмов транспортного сообщения с сопредельными государствами и развития транзитного потенциала дальневосточных приграничных территорий.

Масса «ловушек» для потенциальных инвесторов содержалась в законодательных положениях, посвящённых созданию портовых особых экономических зон. К ним, в частности, относились юридическая неопределённость в имущественных и земельных отношениях, отсутствие механизмов учёта уже осуществлённых инвестиций в отношении реконструируемых портов, ограниченный характер налоговых преференций и т. д. [5]. Указанный выше Совгаваньский проект территории такого типа (несмотря на весь пафос в прессе) не мог сулить каких-либо существенных результатов и нуждался в корректировке. Требовался не только более гибкий перечень льгот, но соответствующая форма и даже стиль, которые мотивировали бы к выгодным вложениям уже осторожных по отношению к российской деловой среде иностранных партнёров.

Несмотря на некоторое улучшение общих показателей работы дальневосточных портов наблюдается сокращение морских международных перевозок. В Приморском крае, занимающем ведущее место в регионе по этому виду сообщений, с 2010 по 2014 гг. они снизились более чем в четыре раза [14, с. 11].

Преодолеть имеющиеся недостатки предполагается с помощью распространения на Дальнем Востоке новой организационной модели территорий опережающего развития и принятого в 2015 г. закона о создании свободного порта Владивосток, инициированного Президентом России В. В. Путиным. К одной из главных целей закона отнесено использование географических и экономических преимуществ Приморского края как восточных морских ворот Российской Федерации для интеграции в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона [7]. Намечены организация судостроительного комплекса в Большом Камне, обустройство контейнерного терминала в порту Восточный и портовой зоны в бухте Суходол, строительство логистических центров в Хасанском и Надеждинском районах.

В конце 2015 г. были подготовлены поправки в вышеуказанный закон, в соответствии с которыми режим «порто-франко» предполагается распространить на другие порты Дальнего Востока. Однако для того, чтобы получить реальный экономический эффект от введения указанных преференций потребуются серьёзные расчёты. Важно учитывать определённый объём импорта и прогнозы по его дальнейшему росту, что в современных условиях сделать довольно сложно, принимая во внимание динамику курса рубля и ограничения на ввоз ряда товаров из отдельных стран. Необходимо постепенное ослабление режимов налогообложения и таможи при ускоренной технической модернизации портовой инфраструктуры.

Ключевым элементом новой архитектуры регионального сотрудничества для России является восстановление и совершенствование утраченных позиции в сфере транзитных перевозок, которые обладают значительным потенциалом и способны приносить весомый доход в государственную казну. Однако их возобновлению препятствуют как внутренние барьеры (в виде таможенного бюрократизма, высоких провозных сборов, технического несовершенства приграничных пунктов), так и сложившаяся за годы кризиса российской экономики отлаженная система евроазиатских морских сообщений в обход российских территорий.

Серьёзная потенциальная конкуренция возрождению межконтинентального транзита через российские территории исходит от Китая, предпринявшего колоссальные усилия по формированию наземного транспортного коридора через Центральную Азию. Ответом России на эти действия стали шаги по ускоренному созданию Евразийского экономического союза, отстаиванию транспарентности в торгово-экономических взаимодействиях с партнёрами по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Эффективность этих направлений во многом будет зависеть от правильной оценки инициированной КНР так называемой «сопряжённости» планов Евразийского экономического союза и «шёлкового пути». Выбор соответствующей позиции отстаивания своих приоритетов требует от России тщательного учёта интересов всех участников наметившейся интеграции для привлечения грузопотоков через тихоокеанские пространства.

Исходя из сложившейся политической ситуации, несколько «меркнут» перспективы осуществления грандиозных трансконтинентальных проектов, предполагающих соединение российского Дальнего Востока с Японией и США. На данном этапе, учитывая их высокую стоимость и некоторые разногласия, обострившиеся на фоне событий на Украине, говорить даже о примерных сроках начала их реализации не представляется возможным. Большей реальностью обладают замыслы соединения российских и корейских железных дорог. Вместе с тем, полноценное подключение к проекту Южной Кореи осложняется запретом на прямое инвестирование в инфраструктуру северного соседа, с которым до сих пор не подписан мирный договор, и политическими рисками, связанными с возможной негативной реакцией Вашингтона. Поэтому вариант действий через Россию как посредника в реализации трёхстороннего проекта, который поддержан Северной Кореей, несмотря на большую заинтересованность, воспринимается правительством Юга пока более чем сдержанно.

Сильно возросшие к настоящему времени требования к качеству и скорости транспортных услуг вынуждают Россию прилагать усилия для преодоления отставания в этой сфере деятельности, повышать свою конкурентоспособность. Без создания стабильных транспортных артерий, отвечающих мировым стандартам, их правильно рассчитанной и своевременной диверсификации невозможно осуществить выдвигаемые руководством страны задачи выравнивания региональных диспропорций, занятия лидирующих позиций в дальневосточном геостратегическом пространстве.

Литература

1. Бардаль А. Б. Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2015. № 7. С. 35–51.
2. Бондаренко А. На рубеже. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2016/01/21/reg-dfo/granitsa.html> [Дата обращения: 30.01.2016].
3. Лаврентьев А. В. Развитие российско-китайских автомобильных сообщений: исторический опыт и современные тенденции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4. С. 22–27.
4. Лаврентьев А. В., Медведева Л. М. Тенденции развития международных связей России и АТР (2000–2012 гг.) // Клио. 2014. № 12. С. 74–80.
5. Гарагозов Д. Портовые особые экономические зоны: возможные проблемы создания и функционирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vegalex.ru/text/32240> [Дата обращения: 10.01.2015].
6. Ларин В. Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России / В. Л. Ларин // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 18–27.
7. О свободном порте Владивосток: федер. закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). ст. 4338.
8. О создании на территории Хабаровского края портовой особой экономической зоны: Постановление Правительства РФ от 31.12.2009 № 1185 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2, ст. 232.
9. О Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (вместе с Планом мероприятий по реализации в 2008–2015 годах Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года): распоряжение Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (часть II). ст. 3537.
10. Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45, ст. 6287.
11. Порты Дальнего Востока: Железнодорожная удавка – на взлете инвестиций [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/09.02.2015/419899/porti-dalnego-vostoka-zheleznodorozhnaya-udavka-na-vzlete-investitsiy.html> [Дата обращения 10.08.2015].
12. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шёлкового пути и морского шёлкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции (издано с санкции Госсовета КНР) // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 250–270.
13. Сазонов С. Л., Кудрявцев Е. С., У Цзы Транспортная составляющая проектов сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шёлкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 47–58.
14. Транспорт в Приморском крае. 2014. Стат. сборник. Владивосток: Приморскстат, 2015. 44 с.

Методика преподавания

САНИНА Ксения Геннадьевна,

*канд. филол. наук, доцент кафедры языков стран АТР Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: sanina.kg@dvfu.ru*

БОЧКАРЁВА Наталья Владимировна,

*ст. преподаватель кафедры языков стран АТР Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: bochkareva.nv@dvfu.ru*

Методический семинар «Внеаудиторная работа со студентами как мотивация к изучению второго иностранного языка. Роль культурологических знаний в обучении восточному языку как второму иностранному»

22 января 2016 г. на кафедре языков стран АТР ВИ – ШРМИ ДВФУ прошёл методический семинар «Внеаудиторная работа со студентами как мотивация к изучению второго иностранного языка. Роль культурологических знаний в обучении восточному языку как второму иностранному», в ходе которого преподаватели кафедры выступили с сообщениями согласно заявленной теме и программе семинара.

Со вступительным словом к участникам семинара обратилась Н. В. Абрамова, зав. кафедрой языков стран АТР. Она рассказала о мероприятиях, проводимых кафедрой, проблемах, с которыми приходится при этом сталкиваться, и отметила важную роль внеаудиторной работы со студентами. Н. В. Абрамова подчеркнула, что следует обратить особое внимание на такой аспект внеаудиторной работы, как научная работа со студентами. Поскольку кафедра языков стран АТР невыпускающая, это создаёт определённые трудности в данной области, но стоит приложить усилия и предложить студентам совместную работу над выступлениями на конференциях, научными статьями, переводами к курсовым, дипломным проектам.

Силами преподавателей кафедры языков стран АТР успешно реализуются конкурсы каллиграфии, фотографии, эссе и сочинений для изучающих китайский язык. Кафедра может предложить реализацию аналогичных конкурсов для студентов, изучающих японский и корейский языки. Проведение национальных праздников позволит повысить заинтересованность студентов в изучении выбранного второго языка, а также пополнить культурологические знания. Это могут быть и стенгазеты, презентации, внеаудиторные лекции. Можно предложить студентам принимать участие и оказывать помощь в подготовке выступлений на фестивалях культуры, капустниках и других мероприятиях, организуемых кафедрами китаеведения, японоведения и корееведения.

Н. В. Абрамова также представила сообщение на тему «Воспитание патриотизма на занятиях по японскому языку», подготовленное совместно с Н. А. Ерофеевой, преподавателем Высших курсов ино-

странных языков Минэкономразвития России. Тема патриотического воспитания является крайне актуальной для современного общества, особенно в контексте сферы среднего и высшего образования. Воспитательный аспект можно вложить во все образовательные предметы, в том числе и в иностранные языки. Изучение Японии и японского языка, если немного переставить акценты и сконцентрировать внимание на схожих положительных моментах российской и японской культуры, может задать правильный вектор мировоззрения нашей молодёжи, поможет через интерес к Японии повернуться к России, своим корням и истокам. Надо учить молодёжь любить природу и видеть красоту. В японском языке есть много восторженных восклицаний. Если при их тренировке показывать изображение не только японской, но и родной природы и памятников архитектуры, это может иметь большое воспитательное значение.

В советский период в учебниках японского языка были тексты о Москве, Сибирской железной дороге и т. д. В настоящее время на начальном этапе обучения практически нет материалов по России. Они появляются позже и носят чисто информативный характер. Этого недостаточно. Образ намного сильнее, чем просто факт. Яркие запоминающиеся образы родной природы и достопримечательностей должны идти параллельно с японскими образами с начального периода обучения, поскольку именно на этом этапе наиболее силен интерес к новому предмету и материалу.

В сообщении профессора кафедры языков стран АТР, канд. филол. наук, Н. А. Лебедевой «Знакомство с культурой Востока как необходимое сопровождение при изучении восточного языка как второго иностранного» подчеркнута обязательность сопровождения курса восточного языка лекциями о культуре страны изучаемого языка. Отмечено, что это особенно важно при изучении восточного языка как второго иностранного. Освоение восточного языка в качестве первого традиционно сопровождается целым страноведческим блоком, тогда как для второго языка это считается излишним. Для студентов различных направлений подготовки, изучающих восточные языки, автором выступления предложено учебное пособие «Традиционная культура Китая, Кореи, Японии». Книга включает в себя семь глав, посвящённых религиозно-философским системам, эстетическим принципам, мифологии, традиционным праздникам, живописи и гравюре, архитектуре и садово-парковому искусству, традиционному театру. Восьмая глава рассматривает курс «Традиционная культура Китая, Кореи, Японии» как учебный предмет и снабжена всей необходимой информацией. Кроме того, профессор Лебедева изъявила готовность вести факультатив по данному курсу для будущих первокурсников, приступающих к изучению китайского, корейского, японского языков.

К. Г. Санина, доцент кафедры языков стран АТР, канд. филол. наук, в своём сообщении на тему «Традиционная культура Японии как аспект стимуляции интереса к изучению японского языка» рассмотрела роль таких жанров, как *манга* и *хайку* в стимуляции интереса к изучению японского языка. Ксения Геннадьевна подчеркнула, что культура любой страны является важнейшей частью изучения языка, так как позволяет составить представление о сфере формирования и применения данного языка. Культура также может являться одним из

существенных факторов стимуляции интереса к изучению языка, что особенно заметно на примере японского языка и культуры Японии.

Японская культура разнообразна, она апеллирует к разным категориям изучающих японский язык. Распространённое мнение о том, что молодёжи в большей степени интересны аспекты современной культуры Японии (*J-pop*, *косупурэй*, комиксы *манга*, мультипликационные фильмы *анимэ*, телевизионные сериалы *дорама* и т. д.), несколько ошибочно. Комиксы *манга*, в частности, являются достаточно традиционным явлением для японской культуры, имеющим долгую и богатую историю развития, поэтому их достаточно сложно назвать исключительно современным культурным феноменом. Мастер-классы и семинары, посвящённые *манга*, всегда вызывают большой интерес как у изучающих японский язык, так и у тех, кто заинтересован в том, чтобы начать его изучение. *Манга* представляет собой блестящий пример использования различных стилей речи (от грубой мужской до вежливой женской), демонстрирует особенности исторических аспектов употребления японского языка. Помимо рассказа об истории *манга*, демонстрации особенностей японского языка на примере текстов и диалогов из комиксов в процессе мастер-классов можно использовать интерактивные методы обучения, которые стимулируют творческую составляющую личности и повышают интерес обучающихся к дальнейшему изучению языка. Например, задание «Заполнить лакуны в диалогах героев» на розданных участникам мастер-класса листах *манга* всегда вызывает живой отклик и глубокий интерес аудитории.

Что касается интерактивных методов обучения, необходимо упомянуть о *хайку* (или *хокку*) – знаменитых японских трёхстишиях, жанре традиционной японской поэзии, который, казалось бы, является чем-то достаточно скучным для стороннего наблюдателя. Тем не менее, при правильном подходе к изложению истории, культурного значения и способа стихосложения данного жанра, *хайку* вызывает значительный интерес у обучающихся, особенно, когда они понимают, что написать стихотворение на японском языке не так уж и сложно. *Хайку* даёт большой простор для проведения внеаудиторных мероприятий: это могут быть и мастер-классы, и конкурсы, и выставки работ обучающихся.

Е. В. Бахтина, ст. преподаватель кафедры языков стран АТР, в своём выступлении на тему «Роль внеаудиторной деятельности студента в освоении дисциплины «Иностранный язык второй» на неязыковых факультетах» осветила проблемы организации самостоятельной работы студентов как одного из аспектов внеаудиторной деятельности, форм контроля за данной работой со стороны преподавателя и проведения различных мероприятий для студентов с разным уровнем владения изучаемым иностранным языком. Екатерина Валерьевна отметила, что участие в подобных мероприятиях способствует развитию интереса к научной деятельности, снижению страха перед публичными выступлениями, повышает качество образования, даёт возможность практического применения полученных знаний. Вовлечение студентов в подобные мероприятия помогает им приобрести и развить в себе такие качества, как целеустремлённость, организованность, креативность, умение высказывать и аргументировать свою точку зрения.

Среди форм внеаудиторной работы условно можно выделить самостоятельную подготовку/домашнюю работу, индивидуальную работу с использованием современных технологий, творческую групповую работу, письменный перевод информации, организацию и проведение мастер-классов, конкурсов, олимпиад, участие в них.

При формировании мастер-классов, олимпиад, конкурсов необходимо учитывать уровень подготовки студентов, поскольку уровень и объём знаний по дисциплине «Иностранный язык второй» на разных курсах отличаются. Масштабность организуемой внеаудиторной работы, её цели и специфичность влияют на выбор формы проведения мероприятия.

На начальном этапе изучения дисциплины «Иностранный язык второй» целесообразно проведение мастер-класса по каллиграфии. Данный тип работы не требует специальной подготовки, большого объёма знаний по данной дисциплине.

Поскольку у студентов, изучающих дисциплину «Иностранный язык второй» есть возможность проходить языковые стажировки в стране изучаемого языка, имеет смысл провести конкурс «Восток моими глазами». Данное мероприятие может включать в себя такие аспекты, как фотография, поэзия (о стране или на языке, который изучается), эссе, иностранная песня, презентация. В ходе данного мероприятия студент может рассказать другим студентам об опыте пребывания в стране изучаемого языка, получить опыт публичного выступления.

Для студентов старших курсов рекомендуется провести конкурс «Презентация». Данный конкурс будет рассчитан на презентацию студентом своей специальности, ВУЗа, города. Он рассчитан не только на то, что студент покажет уровень владения изучаемым языком, но и продемонстрирует навыки создания презентации. Участники получают возможность проявить себя творчески, получают опыт публичного выступления, применяют на практике полученные знания.

Олимпиада по дисциплине «Иностранный язык второй» может включать в себя такие задания, как литературный перевод текста, написание сочинения на заданную тему, подготовка презентации на заданную тему. Благодаря данному типу внеаудиторной работы у преподавателя появляется возможность развить интерес к предмету, расширить общеобразовательный кругозор студента.

Е. Ю. Гайнуллина, старший преподаватель кафедры языков стран АТР, в своём сообщении «*K-pop* как молодёжная субкультура, повышающая мотивацию к изучению языка и культуры Кореи» рассказала об особенностях использования аспектов современной культуры для усиления интереса студентов к изучаемому языку, способствующих более активному вовлечению студентов в учебный процесс. Екатерина Юревна отдельно отметила в данном контексте роль современной популярной музыки Южной Кореи (*K-pop*) и телевизионных сериалов (*дорама*).

Музыка и песни оказывают неоценимую помощь в изучении языка, поскольку являются мощными способами воздействия на чувства и эмоции. Песни динамичные, с красивой музыкой вызывают большой прилив энтузиазма, и, как правило, студенты их не просто слушают, но и пытаются петь вместе с исполнителями, поэтому песни долго не забываются, в отличие от грамматических структур, которые

улетучиваются из головы после занятий. В связи с этим песни способствуют более прочному усвоению и расширению грамматики и лексического запаса.

Начиная с увлечения музыкой, постепенно студенты переходят к просмотру сериалов. Повторяющиеся фразы в сериалах делают процесс изучения любого иностранного языка более лёгким и естественным. Также большое значение при изучении языка имеет и психологический аспект: просматривая сериалы, студенты концентрируются на главном – на сюжете, не обращая внимания на то, что они не знают многих слов. Благодаря *дорама* легко запоминаются разговорные фразы, шутки, на освоение которых зачастую не хватает времени на занятиях. К тому же *дорама* дают представление о том, какие изменения произошли в изучаемом языке на данный момент, поскольку там фигурируют актуальная лексика и структуры речи, которые, возможно, ещё не вошли в учебники и пособия, используемые на основных занятиях.

Ст. преподаватель кафедры языков стран АТР Н. В. Бочкарёва в выступлении «Конкурс юмористического диалога *сяншиэн* как средство повышения мотивации у студентов к изучению китайского языка» рассмотрела уникальный юмористический жанр в контексте его культурного значения и использования в рамках внеаудиторной деятельности при изучении китайского языка как второго иностранного. Наталья Владимировна отметила, что *сяншиэн* пользуется широкой популярностью в Китае. Национально-специфические языковые средства создания комического эффекта включают быстрый темп речи, иероглифический юмор, игру тонами, юмор чисел, обыгрывание различий, обусловленное диалектным многообразием китайского языка, фразеологический юмор.

Юмористические диалоги *сяншиэн* отражают не только национальный характер и специфику юмора, но и жизнерадостный дух и народную мудрость. Во время исполнения диалогов артисты часто используют большой арсенал форм устного эстрадного выступления: шутку, пародию, остроты, анекдоты и скороговорки. Эту палитру устного творчества иностранцам усвоить очень непросто, ещё сложнее исполнять *сяншиэн* мастерски. Тем не менее, в последние годы всё больше иностранцев изучают традиционное искусство диалогов *сяншиэн*, чтобы повысить свой уровень владения китайским языком.

Сяншиэн можно ежедневно наблюдать на многочисленных каналах китайского телевидения, на концертах, мероприятиях в различных учебных заведениях, их также печатают в различных журналах. В Китае, чтобы выявить лучшего артиста жанра *сяншиэн*, организуют конкурс. Конкурсы *сяншиэн* также проводятся по всему миру среди студентов, изучающих китайский язык. Особенно интересные выступления можно увидеть на всемирном конкурсе «Мост китайского языка», финал которого ежегодно проводится в г. Пекине. 11 декабря 2015 г. в ДВФУ проходил III Вузовский конкурс по разговорному китайскому языку «Мастера китайского слова», где можно было увидеть, в частности, и выступления в жанре *сяншиэн* студентов, изучающих китайский язык. И. о. директора ВИ – ШРМИ профессор А. А. Хаматова рассказала, что главная цель конкурса – показать, что изучение китайского языка – это не только сложные иероглифы, но и погружение в богатейшую культуру Поднебесной.

Среди студентов, изучающих китайский как второй иностранный язык, конкурс *сяншиэн* мог бы стать незабываемым событием, знакомством с китайской культурой и китайским юмором. Сейчас, с развитием информационных технологий, *сяншиэн* стали доступны для всех, видеоролики можно посмотреть в YouTube, найти интересные тексты. Студентам, начинающим изучать китайский язык, рекомендуется знакомство с детскими и короткими *сяншиэн* и их изучение. Участие в конкурсе *сяншиэн* даёт учащимся прекрасную возможность повысить уровень владения китайским языком, узнать больше об истории и культуре и о современной жизни Китая.

С. В. Дейкун, ст. преподаватель кафедры языков стран АТР, выступила с сообщением на тему «Мероприятия Института Конфуция как вид внеаудиторной деятельности для студентов». Софья Владимировна рассказала об истории и значении деятельности Института Конфуция в г. Владивостоке. Свою деятельность Институт начал 21 декабря 2006 г., а в мае 2008 г. он первым в России и вторым в мире (после Института Конфуция г. Сеул, Республика Корея) провёл квалификационные экзамены по китайскому языку для детей по программе УСТ. Экзамен успешно сдали учащиеся средних школ № 9 и № 63 г. Владивостока с углублённым изучением китайского языка. Сертификат, подтверждающий успешную сдачу этого экзамена, служит не только для определения эффективности преподавания китайского языка в средней школе, но и может быть использован в качестве документа, подтверждающего уровень знания школьником китайского языка при переводе в другие школы и при выезде на учёбу в другие страны.

Институт Конфуция проводит конкурсы на знание китайского языка, на владение искусством каллиграфии и сценическим мастерством, фотоконкурсы. Для студентов кафедры языков стран АТР китайский язык не является основным изучаемым языком, но число желающих принять участие в мероприятиях Института Конфуция растёт из года в год. При активном сотрудничестве Института Конфуция с преподавателями кафедры студенты получают призовые места наравне со студентами кафедры китаеведения, для которых китайский язык является профильным.

Большая активность и результативность у конкурса каллиграфии. Конкурс проводится в несколько этапов и разделяется по видам орудия письма: кисть и ручка. Согласно собранным данным, начиная с 2012 г., студенты, изучающие китайский как второй иностранный на кафедре языков стран АТР, неоднократно становились призёрами конкурса каллиграфии. В 2012 г. – 3 человека, в 2013 г. – 5 человек, в 2014 г. – 11 человек, в 2015 г. – 7 человек. Понижение количества призёров в 2015 г. можно объяснить меняющимися условиями проведения конкурса и квотой на количество студентов от кафедры.

Последние два года Институтом Конфуция проводятся специальные мастер-классы по каллиграфии кистью для студентов, изучающих китайский как второй иностранный. Студенты всегда с энтузиазмом участвуют в этом мероприятии. И при соответствующем информировании и стимулировании случается, что из-за количества желающих принять участие в конкурсе не хватает мест в помещении, где он проводится.

Е. В. Ковшова, ст. преподаватель кафедры языков стран АТР, представила сообщение «Стимуляция познавательной активности

студентов к изучению второго иностранного языка средствами внеаудиторной работы». Екатерина Васильевна предложила в качестве стимуляции познавательной активности студентов приложить усилия к созданию условий для получения учащимися информации об актуальности владения вторым иностранным языком как залога успешной будущей профессиональной деятельности.

В частности, одной из форм подобной стимуляции является организация посещения «Дня открытых дверей» в Институте Конфуция ДВФУ, где проходит демонстрация мультимедийных программ по китайскому языку, знакомство с традициями и культурой страны, проводятся мастер-классы. Также можно провести стимулирующие беседы, в ходе которых обозначить важность владения вторым иностранным языком, раскрыть возможности практического использования знаний. Прозвучало предложение организовать участие студентов в мероприятии, посвящённом празднованию китайского Нового года (Праздник Весны «Чуньцзе») и проводимом Институтом Конфуция ДВФУ, где принимают участие студенты разных национальностей, китайские и российские преподаватели.

Екатерина Васильевна предложила провести групповой семинар или круглый стол, для которого студенты могут подготовить сообщения, касающиеся истории, культуры языка или страны. Представление сообщений может сопровождаться показом мультимедийных презентаций, также подготовленных студентами. Данные мероприятия позволят не только повысить интерес к изучению китайского языка и традиционной культуры Китая, но и применить имеющиеся знания на практике, поделиться полученным опытом, идеями.

Таким образом, в рамках семинара были освещены разнообразные аспекты внеаудиторной деятельности и культурологических аспектов, которые способствуют стимуляции интереса к изучаемому языку. Также были внесены различные предложения по организации конкретных мероприятий и факультативных курсов, которые призваны углубить знания в области языка и культуры страны изучаемого языка у студентов, изучающих восточные языки под руководством преподавателей кафедры языков стран АТР.

Научные сообщения

ДМИТРИЕВСКАЯ Ольга Николаевна,

внучка Дмитрия Ивановича Дюкова, пенсионер, Ветеран Труда,
преподаватель Дальневосточного политехнического института им. Куйбышева
(1970–1985 гг.). (г. Владивосток).

ШТУКА Виктор Игоревич,

аспирант Института автоматизации и процессов управления ДВО РАН
(г. Владивосток).
Электронная почта: onslice@mail.ru

УДК 929

Преподаватель Владивостокской мужской гимназии Д. И. Дюков. Биографический этюд¹

*Д. И. Дюков, Владивостокская мужская гимназия, Восточный
Институт, образование, математика, биография*

Окончание.
Начало см.:
Известия
Восточного
Института № 4,
2015, с. 92–99.

Материал посвящён обзору жизненного пути и профессиональной деятельности преподавателя математики Владивостокской мужской гимназии при Восточном Институте Дмитрию Дюкову. Д. И. Дюков в 1895–1921 гг. воспитал целую плеяду замечательных учеников.

¹ Материал подготовлен в память 120-летия начала преподавательской деятельности Д. И. Дюкова.

Во Владивостоке

20 июля 1895 года во Владивостоке началась преподавательская деятельность Дмитрия Ивановича Дюкова. Первым местом службы стала женская гимназия, начальницей которой была Елизавета Николаевна Семёнова [13, с. 64] (Рис. 1). Дмитрий Дюков умел произвести впечатление: «Левой рукой он чертил на доске окружность так же точно, как вычерчивал её циркуль, мгновенно производил в уме все четыре действия с любыми многозначными числами. А однажды, в день отпуска на пасхальные каникулы, когда занятий уже не было, тем не менее, часы следовало отсидеть, читал гимназисткам стихи. Читал каких-то новейших поэтов, и девушки слушали, затаив дыхание» [4, с. 391].

Ученицами женской гимназии, у которых преподавал Д. И. Дюков, были Тамара Михайловна Головина (сподвижница С. Лазо, В. Сибирцева и К. Суханова), а также дочь надворного советника, инспектора городского училища Константина Николаевича Кулаковича (в выписке из метрической книги Покровской церкви за 1910 год, что хранится в семейном архиве Дюковых, а именно части первой о родившихся, он был записан воспитанником дочери Дмитрия Ивановича) и Анастасии Петровны – Ольга, дочь купца Василия Анисимовича Жарикова – Елена и дочь редактора газеты «Дальний Восток» Виктора Ананьевича Панова – Валентина, Екатерина Малинина и многие

другие дети. «Из всех учениц класса относилась к Кате Малининой дружелюбно одна Дюкова – дочь математика, невысокого, коренастого Дмитрия Ивановича». Об этом вспоминает и пишет через многие годы ученик мужской гимназии Павел Далецкий – уже писатель.

Яркой личностью в женском образовании города Владивостока была Анна Гавриловна Кравцова (Теляковская) (Рис. 2). Работая с Анной Гавриловной в женской гимназии, Дмитрий Иванович активно занимался организацией благотворительных концертов, а также принимал участие в общественной и культурной жизни города.

В 1901 году по гражданскому ведомству Дмитрий Иванович был произведён в чин надворного советника (см. Приложение).

В 1899 году во Владивостоке открылся Восточный институт. При нём устроили и мужскую гимназию. Приказом Приамурского генерал-губернатора за № 98 Д. И. Дюков был переведён туда на должность преподавателя математики (РГИА ДВ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–14). Дмитрий Иванович вёл математику, геометрию и тригонометрию, алгебру и арифметику, космографию, физику и естествоведение.

Вот что, например, значилось в программе 8 класса по космографии за 1902/1903 учебный год согласно предметным ведомостям: шарообразность Земли и её доказательство, движение небесного свода и картина неба, мировые расстояния, определение положения звёзд и звёздные карты, долгота и широта места, измерение градуса меридиана, доказательства вращения Земли около оси, описание ближних планет и Марса (РГИА ДВ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 20. Л. 11–13).

Из мужской гимназии вышли известные Дальнему Востоку и всей России писатели П. Сычёв, П. Далецкий. И совсем не случайно, что роман Павла Далецкого «На сопках Маньчжурии» считают «одной из самых заметных книг минувшего века» [12, с. 77]. В ней отражены свидетельства тех далёких лет – войны, революционные события, гимназическая жизнь. В то же время о самом Далецком пишет его сверстник, Александр Фадеев. В книге «Повесть нашей юности» он отметил, что «как физический памятник от этого времени существует в Ленинграде писатель Павел Далецкий. Тогда он был тоже «деятель» всяких ученических объединений, тощий такой гимназист, в очках, писавший в «Вестнике учащихся» стихи символического оттенка» [20, с. 20]. Именно Павлу Далецкому мы обязаны тем, что он оставил свои воспоминания о Дмитрии Ивановиче, его дочери Милице.

Рис. 1.
Начальница женской гимназии Е. Н. Семёнова. Владивосток, 1912 год. Фотограф Мацкевич. Архив семьи Дюковых.

Рис. 2.
Начальница
Алексеевской
женской гимназии
А. Г. Кравцова.
Владивосток, 1912
год. Фотограф
Мацкевич. Архив
семьи Дюковых.

Учились в гимназии сын городского головы Ивана Иннокентьевича Циммермана – Игорь, Евгений, Николай и Михаил Кулаковичи. Будущие революционеры Виталий Баневур, Константин Суханов, Всеволод и Игорь Сибирцевы тоже учились там. Павел Михайлович Янковский, вернувшись из Японии домой, после получения первоначального образования продолжает учёбу во Владивостокской мужской гимназии [7, с. 116].

В 1920–1921 гг. у Дмитрия Ивановича Дюкова учился Клавдий и Евгений Николаевичи Васюкевичи. А прежде, в Александровских мореходных классах, у Панова проходил обучение и стал выпускником их отец – Николай Васильевич, который вместе со своим близким другом Альфредом Линдгольмом проходил штурманскую практику у Фридольфа Карловича Гека на шхуне «Сторож» [1, с. 266]. Альфред Линдгольм, принявший командование судном, которое ему доверил Гек, стал капитаном дальнего плавания и проводил необходимые исследования по фарватеру Амурского лимана и Татарскому проливу [2, с. 59]. Все они ученики Д. И. Дюкова.

Было бы несправедливо не отметить коллег Дмитрия Ивановича, долгие годы составлявших его профессиональную среду. Уроки географии и истории в гимназии вёл Александр Степанович Аксёнов. Его беспокоило легкомысленное отношение многих юношей к занятиям, и он, пожимая плечами, обычно говорил: «Море невежества, океан незнания». Но, странное дело! После математика Дюкова Аксёнов был вторым преподавателем, которого уважали ученики... это был не только на редкость хороший учитель. Оказалось, что он к тому же единственный из всего состава преподавателей революционно настроенный человек» [17, с. 156]. Латинский и греческий языки преподавал Александр Георгиевич Кедроливанский – сын сельского дьячка, выучившийся на казённую стипендию, замечательный педагог, общественный деятель. Он занимался просветительской деятельностью, давал публичные лекции по Кольцову, Гаршину, Гоголю и другим авторам русской литературы в библиотеке им. Тоголя [12, с. 219]. Преподавал церковно-славянский Пётр Романович Бардунов, английский – Яков Иванович Бойль, в прошлом сержант английской армии. В течение многих лет немецкий язык вёл уроженец Центральной России из города Серпухова Герр Вольф – человек уже преклонного возраста [8, с. 99].

До утверждения Дмитрия Ивановича преподавателем в мужской гимназии математику и физику преподавали коллежский асессор Ни-

колай Александрович Выковский и Василий Спиридонович Пулезо. Не умаляя их заслуг и результатов преподавательской и воспитательной деятельности, Дмитрию Ивановичу следует всё же отдать в этом деле примат, ведь он посвятил этому всю свою жизнь без остатка.

Много внимания уделял Д. И. Дюков организации культурной жизни своих гимназистов, участвуя в постановке спектаклей в Народном доме им. Пушкина. Особенно он любил и знал пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» и «Ревизор», поскольку сам участвовал в них, будучи учеником старших классов. Фотографии с этих постановок сохранились в семейном архиве Дюковых (Рис. 3), а копии находятся в библиотеке им. Горького.

В те времена спорт во Владивостоке не имел широкого распространения. Многие «благовоспитанные люди» даже осуждали его как нечто дикое. В гимназии были уроки гимнастики, но они проводились редко и состояли только из маршировки. Директору подавались петиции, сторонники спорта напоминали, что само слово «гимназия» исторически связано корнем со словом «гимнастика», просили усилить эту часть образования. Администрация, однако, не спешила отозваться на эти просьбы, ведь в городе были частные спортивные

Рис. 3. Комедия Гоголя «Женитьба». Поставлен спектакль 2 числа Марта месяца 1888 года в Новгородской гимназии. В роли лейтенанта Жевакина ученик 7 класса Дмитрий Дюков. Архив семьи Дюковых.

Рис. 4.
Сын Дмитрия
Ивановича – Кир
(на груди значок
выпускника
музыкальной
школы).
Владивосток, 1917
год. Фотограф
Подзоров. Архив
семьи Дюковых.

клубы и заведения. Например, «братья Сибирцевы посещали конькобежный класс у тренера-голландца, учились игре в теннис на корте у англичанина Крока, но всё это стоило довольно дорого, и у родителей не было средств для их систематических занятий. Вкус, однако, был привит» [8, с. 61].

Если спорту тогда не придавали особого значения, то благовоспитанному молодому человеку иметь музыкальное образование – не вызывало сомнения. Поэтому все пять сыновей Дмитрия Ивановича прошли обучение в музыкальной школе и играли на музыкальных инструментах (Рис. 4). Флейта была любимым музыкальным инструментом самого Дмитрия Ивановича. Он любил её нежные звуки, играл на ней все его сыновья, как и на других музыкальных инструментах.

Занимаясь активной общественной деятельностью, Дмитрий Иванович получил признание и высокую оценку своих трудов от городского Управления и Министерства Просвещения, был награждён в 1901 году орденами Св. Станислава 2-й степени за усердную службу, Св. Анны

3-й степени, о чём сделаны соответствующие записи в формулярном списке о службе (см. Приложение).

В 1903 году Дмитрий Иванович состоял вместе с Иваном Иннокентьевичем Циммерманом и Николаем Владимировичем Ремезовым кандидатами ревизионной комиссии Владивостокского общественного собрания (председатель Александр Васильевич Суханов). Членами ревизионной комиссии были Виктор Ананьевич Панов, Владимир Фёдорович Адамс и Николай Николаевич Перелыгин. Эта комиссия занималась вопросами жизнедеятельности города и его структур [14, с. 134].

Но всё же основное внимание в гимназии Дмитрий Иванович посвящал своим ученикам. В 1907 году он был назначен воспитателем общежития имени императора Николая II при гимназии. В этом здании он жил, когда начал преподавать в мужской гимназии (Рис. 5).

Уже в 1904 году по ведомству Министерства Народного Просвещения Дмитрий Иванович Дюков был произведён в чин коллежского советника за выслугу лет и с разрешения директора Восточного института также одновременно стал преподавать метеорологию и астрономию в Александровском училище дальнего плавания (Александровские мореходные классы), возглавляемом Владимиром Константинович Неупокоевым (1905–1912). Это образовательное учреждение было в то время единственным в своём роде, готовившим кадры для Азиатско–Тихоокеанского региона. Многие гимназисты учились

в этих классах; один из них, Николай Манжолин, стал впоследствии капитаном Крабового флота. Все они ученики Дюкова.

Дмитрий Иванович был членом Владивостокского отделения общества «Эсперо», основанного октябре 1901 года Фёдором Алексеевичем Постниковым. В числе его первых слушателей были преподаватели и студенты Восточного института, члены Общества изучения Амурского края. Заседания общества эсперантистов проходили в доме Постникова по улице Пушкинской [16, с. 51]. На правой стене дома была нарисована огромная зелёная звезда на белом фоне – символ эсперанто. В 1905–1912 гг. председательствовал в «Эсперо» Владимир Константинович Неупокоев. В Александровском училище дальнего плавания изучение эсперанто было обязательным [18, с. 198]!

Тяжёлые времена

Гимназия во время войны с Японией 1904–1905 гг. была отправлена в далёкое Забайкалье, в город Нерчинск. «Путь лежал через Уссурийский край, затем по КВЖД через сопки Северной Маньчжурии, долины рек с китайскими деревушками и одинокими фанзами. 9 дней тащился поезд, пока вдали между невысоких, скучных, голых гор не показалась куча серых домов города Нерчинска» [17, с. 62–67]. И потянулись дни за днями учёбы гимназистов. «Здесь не пахло морем, горизонт был узок, Нерча казалась жалким ручьём» – это раздражало гимназистов, и они изобретали различные шалости.

В 1914 году началась новая война. В 1917 году к трудностям, связанным с присутствием в городе иностранных войск, добавились

Рис. 5.
Общежитие
имени императора
Николая II, ул.
Пушкинская, 10.
Ныне принадлежит
Главному
управлению
Банка России по
Приморскому
краю. Фото
В. И. Штуки.

трудности другого характера – экономическая блокада Приморья, объявленная по требованию Владивостокского консульского корпуса одновременно с объявлением Советской власти. 200 тысяч пудов пшеницы, закупленных Советами в Маньчжурии и приготовленные к отправке в Приморье, так и остались в Харбине. Жить стало трудно, это не стало исключением и для самой гимназии [11, с. 13].

В годы Первой мировой сам город изменился, в новых условиях стирались патриархальные привычки. На рейде, у пристани, стояли десятки коммерческих судов, прибывших из Америки, Японии, Китая с грузами для русской армии. «Всё выглядело не так, как прежде. И главное! Дело было в том, что на шумных улицах его я не встречал друзей, с которыми были связаны прекраснейшие страницы жизни... Афишные тумбы были оклеены реляциями и сводками штабов... в церквях и соборах, в школах и гимназиях звучали слова анафемы... Скука висела над городом, он будто потерял свою душу», – вспоминал Павел Сычѳв о том времени [17, с. 353].

Поражения царской армии на фронте и нарастание революционного движения в стране, развитие политических событий во многом изменили жизнь в самом городе, в мужской гимназии. Даже в наглухо закрытую официальными порядками гимназию просачивались слухи о событиях в Петербурге, Москве, Киеве, о боях на баррикадах, пусть скупой и искажѳнно, но всё–таки писали, не могли умолчать газеты [8, с. 23].

Необходимо отметить деятельность руководства гимназии в период 1914–1915 гг. Протоколы заседаний педагогического совета являются свидетельством того, как помогала государству и поддерживала военнотружущих Владивостокская мужская гимназия. Дмитрий Иванович являлся членом совета на протяжении всего времени его существования. «Чтение манифеста от 20 числа Июля месяца 1914 года сопровождалось дружными и многократными «Ура!», пением гимна «Боже, царя храни». Совет решил выразить через телеграмму Приамурскому генерал–губернатору Гондатти свои верноподданические чувства. Последовал ответ Императора, о чѳм пишет в ответном сообщении генерал–губернатор, что «Августейший собственнотручно начертать изволил «сердечно благодарю». На фронт организовывались посылки, а также отпускались суммы из ежемесячного довольствия тружущих гимназии «на военные нужды Отечества». Командование 3–й Сибирской стрелковой дивизии и начальство 10–го Сибирского стрелкового полка не раз направляли благодарности тружущим и учашимся «за внимание и заботу» (РГИА ДВ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 455. Л. 14–26).

С началом войны особого внимания заслуживали дети офицеров Сибирской флотилии, ушедших на войну. Такие семьи даже в мирное время не всегда имели возможность оплачивать обучение детей в гимназии, теперь же на помощь пришли деньги благотворительных фондов и Попечительского Совета. Дмитрий Иванович имел большой опыт организации и проведения благотворительных вечеров уже в то время, когда преподавал в женской гимназии.

Весомый вклад Дмитрий Иванович внѳс в воспитание, обучение и просвещение молодого поколения и жителей города Владивостока. Его заслуги были отмечены государственными наградами и заслуженным признанием его учеников, оставивших свои воспоминания

в одних из самых заметных книг минувшего века. Так, в 1914 году Дмитрий Иванович был избран почётным членом Общества попечения об учащихся Владивостокской мужской гимназии за труды по устройству благотворительных вечеров в пользу учеников с 12 октября 1914 года [12, с. 77].

Дмитрий Иванович ушёл из жизни в возрасте 52 лет. Обряд погребения совершил священник Покровской церкви города Владивостока Василий Иванович Троицкий 30 мая 1921 года, о чём свидетельствует запись в метрической книге за № 475 (Бессрочная паспортная книжка Д. И. Дюкова. Архив семьи Дюковых).

Заключение. Люди и здания

Среди современников Дмитрия Ивановича было немало талантливых людей, которых он знал лично, с которыми работал или просто общался с ними. Прежде всего этих людей объединяло то, что они, как и Дмитрий Иванович, «...совершили этот гигантский рейс вокруг Аравии и Индии...» [21, с. 9]. Это была та немногочисленная творческая интеллигенция, которая внесла вклад в историю нашего города. Они объединялись в кружки и общества, строили здания, в которых они жили и работали, учились их дети. Здание Восточного института, городской Почтамт, католический костёл были построены по проекту архитектора Александра Андреевича Гвоздиевского. Одновременно со зданиями строились и скульптурные сооружения. Например, российский скульптор Роберт Романович (Робертович) Бах – один из авторов памятника адмиралу Г. И. Невельскому. Памятник – это место, недалеко от которого в зимнее время устраивался каток, сюда приходили гимназисты с коньками, а рядом в парке всегда звучала музыка Шатрова – вальс «На сопках Маньчжурии», Кюсса – вальс «Амурские волны». «Тренер–голландец учил их катанию на новых гоночных коньках фирмы «Нурмис» – пятиалтынный за пятнадцать минут урока» [8, с. 19]. Жариковский особняк на Светланской улице, дом 119 – одно из красивейших зданий тех лет, архитектурный памятник Владивостока. Здание городской публичной библиотеки имени Гоголя сохранило память о том времени, когда её постоянными читателями были сам Д. И. Дюков, его сыновья, гимназисты Сычёв и Далецкий, студенты Восточного института.

Дмитрий Иванович Дюков, его дети и их сверстники усваивали знания, которые им давали Владивостокские мужская и женская гимназии и «Гоголевка», были вместе в лучшие годы города Владивостока, переносили тяготы и невзгоды военного времени. Но традиции, заложенные в православной культуре более чем тысячелетней истории России, были с честью и достоинством пронесены через многие поколения семей Дюковых и переданы новым, воспитанным Дмитрием Ивановичем и его лучшими современниками.

Вот такой нелёгкий, полный сложных и радостных моментов путь выпал на долю Дмитрия Ивановича Дюкова: гимназические и студенческие годы, годы процветания Владивостока, войны, революция, интервенция, но во все времена беззаветное служение своему профессиональному долгу. Он прошёл его с честью и достоинством.

Приложение

Формулярный список о службе Д. И. Дюкова, составлен 27 августа 1916 года (РГИА ДВ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–6)

Статский советник Дмитрий Иванович Дюков, преподаватель математики Владивостокской мужской гимназии, родился 9 числа Октября месяца 1868 года, вероисповедания православного, имеет ордена: Св. Станислава 3-й и 2-й степени и Св. Анны 3-й степени. Жалованья получает в год 2500 руб. за 12 недельных уроков, за классное преподавание 600 руб., добавочного жалованья по привилегиям службы в крае 675 р., а всего 3775 р.

Сын чиновника. Имени нет. В походах против неприятеля не был. Наказаниям и взысканиям не подвергался. Был в 12-дневном отпуске, явился в срок. В отставке не был. Женат по первому браку на дочери почётного гражданина города Новгорода купца Эдуарда Леопольда Александре Эдуардовне. Имеет детей: Бориса, родившегося 22 числа Августа месяца 1898 года, Игоря, родившегося 28 числа Августа месяца 1899 года, Олега, родившегося 18 числа Октября месяца 1902 года, Юрия, родившегося 6 числа Июля месяца 1906 года, Кира, родившегося 12 числа Июня месяца 1908 года и дочь Милицу, родившуюся 26 числа Апреля месяца 1910 года. Жена и дети православного вероисповедания и находятся при нём.

¹ В 1914 году Санкт-Петербурга переименован в Петроград, что отразилось на названии университета (Прим. авт.).

² Диплом был направлен уже во Владивосток (РГИА ДВ. Ф. 138 Оп. 3. Д. 21. Лл. 6-11) (Прим. авт.).

Окончил курс в Петроградском¹ Университете по математическому разряду Физико-Математического факультета и удостоен диплома 2 степени, выданного ему 6 числа Сентября месяца 1895 года за № 2734².

Министерством Народного Просвещения назначен преподавателем Владивостокской женской гимназии с 20 числа Июля месяца 1895 года.

Приказом г. Приамурского Генерал-Губернатора за № 98 переведён на должность преподавателя математики Владивостокской мужской гимназии при Восточном Институте с 30 числа Июля месяца 1899 года.

Назначен классным наставником 4 класса с 1 числа Сентября месяца 1899 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом от 13 числа Мая месяца 1900 года за № 35, утверждён в чине коллежского асессора со старшинством 20 числа Июля месяца 1895 года.

Возложена обязанность помощника классных наставников с 1 числа Октября месяца 1900 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Гражданскому Ведомству 1 числа Января месяца 1901 года за № 1 за отлично-усердную службу и особые труды ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награждён орденом Св. Станислава 3 степени.

Назначено прибавочное жалованье за прослужение 5 лет в Приморской области в размере 281 руб. 25 к. с 20 числа Июля месяца 1901 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 6 числа Февраля месяца 1901 года за № 6 произведён в чин Надворного Советника со старшинством с 20 числа Июля месяца 1899 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по ведомству Министерства Народного Просвещения, от 9 числа Июля месяца 1904 года за № 52 произведён за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством с 20 числа Июля месяца 1903 года.

Согласно отношению Окружного Инспектора училищ Приамурского края, от 26 числа Ноября месяца 1904 года за № 2570. Приамурским Генерал-Губернатором разрешено производить высший оклад содержания в 900 руб. с 30 числа Июля месяца 1904 года.

Назначено прибавочное жалованье за прослуженные десяти лет в Приморской области взамен первой прибавки (281 р. 25 к.) в 675 рублей в год с 20 числа Июля месяца 1905 года.

Получил единовременное пособие в размере полуторных прогонов от Владивостока до Петрограда за прослуженные 10 лет в Приморской области в 1907 году.

Приказом Директора Владивостокской мужской гимназии от 1 числа Сентября месяца 1907 года за № 6 освобождён от исполнения обязанности помощника классных наставников и назначен воспитателем в общежитие ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II с 1 числа Сентября месяца 1907 года.

Назначен членом Хозяйственного Комитета гимназии с 1908 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Гражданскому Ведомству произведён в Статские Советники со старшинством с 20 числа Июля месяца 1907 года.

Приказ от 19 числа Октября месяца 1909 года за № 72. Постановлением Педагогического Совета Владивостокской мужской гимназии от 2 числа Октября месяца 1909 года назначен старший оклад заслуженного преподавателя в размере 1250 руб. в полуторном размере 1875 руб. согласно отношению Окружного Инспектора училищ Приамурского края от 16 числа Октября месяца 1909 года за № 2488.

С разрешением Директора Восточного Института состоит преподавателем метеорологии и астрономии в училище Дальнего Плавания с 1904 года.

Вследствие отъезда в отпуск И. д. Инспектора по делам печати коллежского секретаря Дюфура, согласно приказа Военного Губернатора от 1 числа Сентября месяца 1908 года за № 359 исполнял обязанности Инспектора по делам печати с 1 числа Сентября месяца по 16 число Ноября месяца 1908 года.

Приказом г. Приамурского Генерал-Губернатора от 1 числа Июня месяца 1912 года за № 165 ввиду командирования г. Директора гимназии Статского Советника Д. О. Круглого с потешными в Петроград на ВЫСОЧАЙШИЙ смотр, возложено временное исполнение об. председателя педагогического совета Алексеевской женской гимназии с 6 числа Июля месяца 1912 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом от 1 числа Января месяца 1913 года награждён орденом Св. Анны 3 степени.

Избран почётным членом Общества Попечения об учащихся Владивостокской мужской гимназии, за труды по устройству благотворительных вечеров в пользу учеников с 12 числа Октября месяца 1914 года.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству 1 числа Января месяца 1916 года награждён орденом Св. Станислава 2 степени.

Случаям, лишаящим права на получение знаков отличия за безупречную службу, не подвергался.

Литература

1. Александровская Л. В. Владивосток: начало биографии. Официальный и неофициальный взгляд: документально-историческое повествование. – Владивосток: Издательство ДВГУ, 2010. – 334 с.
2. Александровская Л. В. Тихоокеанская трилогия. Изд. 2-е, сокращ. испр. и доп. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета. Информационно-правовой центр, 2011. – 346 с.: фот.
3. Баубекова С. А. «Известия Восточного института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока: библиографический указатель / Дальневосточный федеральный университет, Научная библиотека; авт.-сост. С. А. Баубекова; науч. ред. О. П. Еланцева, библиогр. ред. Т. В. Поликарпова. – Владивосток, 2014. – 171 с.
4. Далецкий П. А. На сопках Маньчжурии. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 1584 с.
5. Жертвы политического террора в СССР (фамилии на букву «Д») // Сайт Международного общества «Мемориал» [Электронный документ] URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> [Дата обращения: 24.11.2015].
6. Калиберова Т. Владивосток требует рук... // Владивосток. 2007. 6 июля. С. 22–23.
7. Кушнарёва Т. К. Янковские; отв. ред. Соколов. Приморский государственный музей им. В. К. Арсеньева; Дальневосточный Арсеньевский центр – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 216 с.: ил. [117].
8. Лясота Ю. Л. Братья Сибирцевы. Повесть. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1975. – 209 с.
9. Матвеев. Н. П. В память пятидесятилетия основания Владивостока и присоединения Уссурийского края / Собр. Н. П. Матвеевым. – Владивосток: Типография газеты «Далёкая окраина», 1910. – 82 с.
10. Мишо Г. История крестовых походов. – Санкт-Петербург, Москва: Издание товарищества М. О. Вольф, 1884. – 229 с.
11. Нагишкин Д. Д. Сердце Баневура. Роман. – М.: ДОСААФ, 1987. – 605 с.
12. Осадчук Л. Г. Имя Н. В. Гоголя в истории библиотеки и культурных процессах Приморского края / ПГПБ им. А. М. Горького; сост. Л. Г. Осадчук. – Владивосток, 2009. – 238 с., фот.
13. Памятная книжка и адрес-календарь Приморской области на 1896 год. – Владивосток: Типография Приморского областного Правления, 1896. – 268 с.
14. Памятная книжка Приморской области на 1903 год. Издание Приморского областного статистического комитета. – Владивосток, 1903. – 254 с.
15. Памятная книжка Приморской области на 1908 год. Издание

Приморского областного статистического комитета. – Владивосток, 1907. – 320 с.

16. Прибавление к памятной книжке Приморской области 1905 года за 1906 год. – Владивосток: б. и., 1906. – 284 с.

17. Сычёв П. А. У Тихого океана. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1968. – 686 с.

18. Титаев А. Эсперанто служит миру // Дальний Восток. 2003. № 6. С. 196–199.

19. Товаро-пассажирский пароход «Москва» (вторая) // Сайт «РЕТРОФЛОТЪ» [Электронный документ] URL http://www.retroflot.com/dobvoljnyj_flot/tovaropassazhirskij_parohod_moskva_vtoraya.html [Дата обращения: 24.11.2015].

20. Фадеев А. А. ...Повесть нашей юности. – М.: Издательство «Детская литература», 1968. – 364 с.

21. Фадеев. А. А. Последний из удэге. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1981. – 542 с.

БОНДАРЕНКО Марина Сергеевна,

студентка кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).

Электронная почта: bond.marina95@mail.ru

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).

Электронная почта: zolivnik@mail.ru

УДК 327

Угроза формирования панисламского государства в Юго-Восточной Азии

Угроза, панисламское государство, салафитский халифат, Юго-Восточная Азия, террористические организации, радикальные группировки, экстремизм, ИГ

Предметом внимания является угроза создания салафитского халифата в Юго-Восточной Азии (ЮВА), исходящая от радикально настроенных исламистских группировок. Анализируются причины возникновения и развития идеологии панисламизма в регионе и влияние террористической организации «Исламское государство» на её продвижение в условиях мультикультурной среды. Рассматриваются инструменты борьбы стран ЮВА с экстремизмом, а также выделяются негативные последствия успешного формирования панисламистского государства для всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В работе обозначена необходимость укрепления стратегического взаимодействия между странами ЮВА по вопросам предотвращения угроз терроризма и экстремизма, в том числе с использованием невоенных механизмов.

Проблема исламизма в современном мире становится серьёзным вызовом международной безопасности, обретая всё более глобальный характер. Её актуальность во многом обуславливается усилившимися в последние годы экстремистскими устремлениями радикальных группировок, широко использующих религиозный фактор в качестве концептуальной основы своих действий. Юго-Восточная Азия в этом отношении оказалась тем регионом, где средоточие многочисленных террористических и сепаратистских организаций обеспечивается благоприятной для их вызревания и распространения социально-религиозной средой, а также, в большинстве своём, дискриминационной политикой местных властей в отношении мусульманских меньшинств. В связи с этим уже не одно десятилетие радикальные структуры, находящиеся на территории стран ЮВА, вынашивают план по созданию панисламского государства на территориях Малайзии, Индонезии, о-ва Минданао, Архипелага Сулу, акватории Южно-

Китайского моря и п-ова Малакка, подкрепляя свои планы конкретными действиями.

В настоящее время ислам является второй по численности исповедующих религией мира (около 23% населения планеты), и более половины всех мусульман проживает в странах Юго-Восточной Азии (около 53%). Этот факт свидетельствует о том, что ЮВА является не только регионом, благоприятным для адептов ислама, но и вероятным местом для возникновения и распространения радикальных исламистских объединений со схожими целями и методами. Подобные объединения стали появляться на территориях стран ЮВА уже во время антиколониальных национально-освободительных войн. В этот период возникшие военизированные исламистские группировки силовыми средствами стремились прекратить ущемления прав мусульманских меньшинств. Тогда появилось такое понятие, как «антиколониальный джихад» [1]. В течение долгих лет бесплодной борьбы в рядах отдельных группировок рождалась идея создания на базе нескольких стран ЮВА салафитского халифата.

На сегодняшний день в регионе действуют по меньшей мере 8 крупнейших террористических организаций, наиболее известные из которых Джемаа Исламия, Джемаа Аншарут Таухид и Абу Сайяф [3]. Их деятельность прямо направлена на реализацию идеи формирования панисламского государства в ЮВА. В основном данные группировки активно действуют в Индонезии, Малайзии, на Филиппинах и в Таиланде, проводя повсеместные террористические акты, влекущие за собой жертвы среди мирных жителей или туристов. Нередко объектами «охоты» становятся представители властных структур и ведомств внутренних дел. Однако наряду с использованием традиционных методов борьбы данные группировки активно пропагандируют радикальные исламистские ценности среди мусульманской молодёжи, более подверженной их воздействию. Они занимаются созданием специальных тренировочных лагерей, где новобранцы подвергаются мощной физической и идеологической подготовке; основывают пещерные (религиозные школы), которые посещает и молодёжь, и более зрелое мусульманское население, где происходит индоктринация и вербовка потенциальных членов организаций [1]. И хотя большинство мусульман ЮВА (особенно проживающих в Индонезии) не разделяют устремлений и методов боевиков, придерживаясь умеренных позиций, расширение подобным образом опоры в социальной среде всё же имеет внушительный результат.

Помимо многочисленных террористических актов, повторяющихся из года в год, в некоторых странах ЮВА уже несколько десятилетий не стихает борьба центральных правительств с сепаратистскими организациями, представляющими интересы мусульманских меньшинств. К таковым относятся «Исламский освободительный фронт Мор» на Филиппинах, «Национальный революционный фронт» в Таиланде, «Национальный альянс рохинджа» в Мьянме. Все эти фронты и альянсы не что иное, как сепаратистские группировки, стремящиеся получить независимость от центральных властей путём бесконечных вооружённых столкновений с правительственными войсками. В ходе нескончаемых вооружённых столкновений в регионе уже погибло несколько сотен тысяч человек, но, к сожалению, разрешение данных проблем постоянно откладывается на неопределённый

срок. Все эти конфликты имеют давние исторические предпосылки, но их возникновению способствовала колониальная политика европейских держав.

В постколониальный период на фоне начавшегося в ЮВА процесса нацистроительства «мусульманский вопрос» в немусульманских странах был не решён, а лишь отложен, а впоследствии усугублён дискриминационной политикой местных властей в отношении населения, исповедующего ислам. На внутривластном уровне в странах ЮВА, где мусульмане составляют меньшинство, происходит ограничение их представительств в органах государственного и местного управления, обделение землёй. Подобные этноконфессиональные конфликты становятся отличным катализатором и благоприятной почвой для активизации деятельности радикалов и экстремистов, оправдывающих свои действия фактом ущемления прав мусульман. В силу этих причин концепт создания своего собственного государства, основанного на исламских принципах, имеет широкую поддержку среди этнических групп ЮВА, исповедующих мусульманство. Влияние таких многочисленных ущемлённых этнических групп и сепаратистских организаций на формирование панисламского государства прослеживается в имеющихся место связях с террористами ЮВА, которые повсеместно продвигают эту идею. Более того, ИФОМ (Исламский фронт освобождения моря) неоднократно контактировал с боевиками «Исламского государства», которое рассматривает Филиппины в качестве главного кандидата на роль филиала ИГ в ЮВА [7].

Само создание такой крупной террористической организации, как «Исламское государство» на Ближнем Востоке послужило инспирирующим фактором, способным оказать значительное влияние и дать толчок к возобновлению борьбы за создание халифата в ЮВА. Для радикалов региона, присягнувших на верность ИГ, эта организация стала реальным примером того, что идея формирования панисламского государства в ЮВА вполне осуществима. Став ключевыми базами рекрутирования сторонников ИГ, страны ЮВА уже стали поставщиками около 800 боевиков [6], отправившихся на службу ИГ в лагеря Ирака и Сирии. ИГ поспособствовала оживлению террористических сетей в Юго-Восточной Азии. Подтверждением тому стала активизация террористов в Индонезии в январе нынешнего года, когда после серии взрывов погибло по меньшей мере семь человек [5]. Несмотря на факт немногочисленности жертв этого теракта, властям Индонезии и остальных стран ЮВА был дан сигнал о том, что радикалы ещё не утратили веру в создание халифата в ЮВА. К тому же, Индонезия для ИГ является запасным претендентом на пост так называемого «distant caliphate» – удалённого халифата [7]. Проще говоря, ИГ видит в ЮВА своего потенциального сателлита [7], существующего на основе исламистской идеологии, что оказывает значительнейшее влияние на экстремистов региона.

На сегодняшний день Юго-Восточная Азия, пожалуй, второй регион в мире по уровню активности исламистских радикалов и экстремистов, в связи с чем борьба с ними в странах ЮВА в целях недопущения развития сценария возникновения у исламистов своего собственного салафитского государства стала важной задачей в повестке региональной безопасности. Так, на национальном уровне полицией постоянно задерживаются лица, подозреваемые в связях с

экстремистскими группировками. Местные оборонные министерства и МВД разрабатывают специальные стратегии по предотвращению угроз террористических актов. Правительства Филиппин и Таиланда в последнее время всё чаще обращаются к переговорам как к более мягкому средству решения проблем сепаратистских настроений, однако власти Филиппин не прекращают использование силовых методов в тех случаях, когда сепаратисты или террористы не идут на контакт [3]. Правительство Индонезии помимо мер, направленных на перехват боевиков, направляющихся на службу ИГ, предпринимает конкретные действия по пропаганде чистого ислама в школах и мечетях. Производится нечто вроде дерадикализации общества. Малазийское правительство нередко выступало посредником в решении проблемы юга Филиппин [4]. Однако правительство Мьянмы, например, напротив, не стремится наладить контакт с лидерами «Национального альянса рохинджа», что неизменно приводит к восстаниям и потокам беженцев [2].

При обсуждении объединения государств в борьбе с терроризмом, конечно же имеются в виду меры, принимаемые на встречах и саммитах АСЕАН. В 2011 г. на седьмом саммите АСЕАН была принята совместная Декларация АСЕАН по борьбе с терроризмом, предусматривающая сотрудничество стран ЮВА в деле противостояния терроризму и сепаратизму. Региональный форум АСЕАН, объединивший 26 государств и Евросоюз, также является важным элементом обеспечения региональной безопасности в ЮВА.

Таким образом, угроза формирования панисламского государства в ЮВА кроется как в масштабной радикализации ислама и рекрутировании сторонников экстремистскими группировками, так и в многообразных требованиях сепаратистских движений, возникающих на фоне ущемления прав мусульман, составляющих меньшинство в некоторых странах. Вероятность создания такого государства может повлечь за собой возникновение ещё более ожесточённых этноконфессиональных конфликтов. Глубоко верующие мусульмане, не поддерживающие сегодня панисламских призывов, представители христианства и буддизма бесспорно станут объектами гонений (подобное мы наблюдаем сегодня в действиях ИГ). Появление такого халифата принесёт с собой угрозу безопасности всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, который не испытывает недостатка в конфликтах и нестабильности.

Несмотря на различные в той или иной степени успешные меры, принимаемые странами ЮВА, многие радикальные группировки продолжают свою деятельность и пока ещё не утратили надежды создания панисламского государства. Распространение идей формирования такого государства может привести к ещё большей дестабилизации и без того напряжённой ситуации в различных странах региона и мира в целом. Опыт ИГ в формировании исламского халифата, пусть и неудачный, показал, что радикалистские течения обладают сегодня многочисленными возможностями в мусульманских регионах мира. Хотя планы исламистов по созданию такого рода государства пока ещё не разработаны в полной мере, а его реализация представляется слишком дорогостоящим проектом, не стоит забывать о мобилизационном потенциале исламистских радикалов и их умении влиять на умы и сердца представителей мусульманской уммы. Пока данная про-

блема не является глобальной угрозой существующему миропорядку, поэтому её проще предотвратить менее болезненными способами.

Литература

1. Ефимова Л. М. Исламский экстремизм в Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XVII. – М.: Институт востоковедения, 2011. – С. 90–105.
2. Золотухин И. Н. Проблема рохинджа в региональном измерении // Общество и этнополитика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24–26 сентября 2015 г.: в 3 ч. – С. 231–235
3. Исламский экстремизм в Юго-Восточной Азии. Краткий обзор основных экстремистских организаций и их лидеров в странах АСЕАН // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/extremism-asean> [Дата обращения: 18.01.2016].
4. Урляпов В. Ф. Малайзия и проблема юга Филиппин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIV. – М.: Институт Востоковедения, 2010. – С. 166–189.
5. Серия взрывов в Джакарте // РИА-новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/jakarta_blasts_16012016/ [Дата обращения: 18.01.2016].
6. Beyond Bombings: The Islamic State in Southeast Asia // The Diplomat [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/beyond-the-bombings-assessing-the-islamic-state-threat-in-southeast-asia/> [Дата обращения: 23.01.2016].
7. Islamic State Eyes Asia Base in 2016 in Philippines, Indonesia: Expert // The Diplomat [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/islamic-state-eyes-asia-base-in-2016-in-philippines-indonesia-expert/> [Дата обращения: 23.01.2016].

Клуб ИВИ

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович,

доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований,

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).

Электронная почта: kuznetsov.2012@mail.ru

УДК 303.01.304.2, 792

В поиске целостности, или Заметки учёного с полем международного сотрудничества АТР в сфере искусства

Антропология, целостность, методология, взаимопонимание, междисциплинарный подход, искусство театра, Л. И. Анисимов

В статье на основе анализа работы на основе системы Станиславского российского режиссера Л. И. Анисимова в Японии, ставятся вопросы, связанные с проблемой целостности восприятия мира в искусстве и науке. На основе исследования сделан вывод о том, что, несмотря на декларируемое развитие междисциплинарных (полидисциплинарных) исследований, в науке сохраняется серьёзная проблема формирования оснований для проведения междисциплинарного синтеза. В то же время, как показывает и пример Анисимова, искусству удаётся реализовать целостное представление проблем, актуальность которых выходит за рамки отдельных стран. Поэтому предлагается вывод о необходимости научного анализа средств достижения искусством подобных результатов. Другое актуальное направление исследований для получения реального синтеза достижений отдельных дисциплин связывается с внедрением антропологического подхода и выявлением реальных механизмов познавательной деятельности в науке и искусстве.

Продолжение.
Начало см.:
Известия
Восточного
Института. 2015.
№ 4. С. 100-114.

Между тем, мои административные обязанности сильно тормозили собственно научный поиск. Параллельно пришлось ещё потратить время на участие в написании соответствующей части заявки на открытие на базе ДВГУ Межрегионального института общественных наук (МИОН). Одним из мероприятий созданного Дальневосточного МИОНа, секретарём которого стал В. Н. Соколов, явилось проведение 2–3 июля 2003 г. международной конференции «Диалог искусств – искусство диалога». Активное участие в ней приняла в основном всё та же японская делегация, что и на Биеннале. Так произошёл выход в новое поле исследований, но его ещё надо было встраивать в недоработанное и недоосмысленное для меня самого до конца теоретическое пространство этнополитологии.

Вот тут как раз помогло общение с Л. И. Анисимовым. Его пример наглядно показал, что подобно тому, как режиссёр в своём спектакле может зачастую синтезировать разные виды искусств, точно так же

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства образования и науки РФ «Формирование нового международного порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и национальные интересы России», код проекта 1430.

учёный для реального (целостного) постижения исследуемых проблем должен уметь интегрировать данные разных дисциплин и даже отраслей науки. Сейчас стало модно готовить разные коллективные труды и сборники, демонстрирующие разнообразие подходов к изучаемым темам. Постмодерн. Но кто должен синтезировать такое многообразие? Читатель? Не факт, что он будет в состоянии сам сделать это. Поэтому кому-то нужно обобщить подобный плюрализм на личностном уровне, в своём непосредственном опыте. Понятно, что вот так, сразу, это доступно только гениям; тем же, кто не является таковыми, остаётся один путь – самому вникать в разные отрасли знания, потом искать возможность их интеграции на новом, полидисциплинарном уровне. Но необходимый синтез разнородных данных снова может обеспечить только сильная теория. Леонид Иванович в своих театральном поисках смог опереться на систему Станиславского. Самого Константина Сергеевича он величал Учителем и не раз говорил нам о важности обрести своего Учителя. Оказалось, что для меня исходный ориентир в научных поисках уже был задан теорией С. М. Широкогорова. После вникания в проблемы той же политической системы стало ясно, что эта теория не только объясняла феномены этноса, шаманизма и психо-ментального комплекса, но и показывала, как вообще следует анализировать сложные проблемы, поскольку уже была построена на корректных системных основаниях [6].

Рис. 1.
У входа на
Малую сцену
Токийского Нового
репертуарного
театр. Фото автора.

Одновременно с активным теоретическим поиском неплохо также обстояли дела с приобретением международного и междисциплинарного опыта. Как я уже сказал, с 2002 г. начались мои поездки

на Конгрессы в Европу. В апреле 2003 г. почти случайно я попал также в состав делегации ДВГУ, выезжавшей в «Центр исследования проблем безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона» в Гонолулу. Кроме того, в ноябре 2003 г. в Москве состоялась уже на базе Института человека РАН 2-е Широкогорские чтения (1-е и 3-и чтения прошли в 2001 и 2005 гг. в ДВГУ). После этого в надежде найти какие-то следы пребывания С. М. Широкогорова во время его учёбы в Париже я оправился в Сорбонну. Параллельно вместе с японскими коллегами из университета Кокугакуин (Токио) – одного из известных центров изучения синто – мы начали реализацию совместного российско-японского «Археологического проекта нового века». Проект, которым с японской стороны руководил профессор Тацуо Кобаяси – известный специалист по периоду дзёмон, предусматривал проведение в

2003–2004 годах совместных экспедиций и участие в конференциях в Японии. Большую поддержку в реализации Проекта нам оказал бывший в это время директором Учебно-научного музея ДВГУ Б. К. Старостин.

Так у меня появилась замечательная возможность, когда после конгресса Антропологической ассоциации в Бристоле (Великобритания), я сразу же отправился на нашу археологическую конференцию в Киото и Токио. Эффект такого резкого перехода из одной страны в другую оказался поразительным. Я увидел, как много общего, несмотря на огромное расстояние, разделяющее эти страны, у них в традиционной архитектуре и некоторых других явлениях «материальной культуры». Но постепенно весь этот накапливавшийся родной, а также американо-европейско-японский опыт, подкрепляющий работу в пространстве разных академических дисциплин, как и общение с Л. И. Анисимовым, начали будировать во мне разные непростые вопросы. Например, о возможности *поиска единства* в рамках этого увиденного воочию не только во время поездок за рубеж, но и в экспедициях по Якутии и Сибири (1975 г.) и на Кавказ (1976 г.) *реального многообразия человечества*.

Реакция на участвовавшие проявления этнического и прочего плюрализма привела к принятию той же политики толерантности, мультикультурализма, идентичности и других начинаний, подчёркивающих наши различия, которыми мы долгое время пренебрегали. Вместе с тем становилось всё более очевидным, что состояние постмодерна, делающего ставку на различие, в том числе гендерное, очень скоро стало исподволь провоцировать разные «мыслишки», например, о том, способны ли тогда *люди вообще понимать друг друга?* Достаточно ли только возможности представителям разных расовых, «этно-культурных», социальных, гендерных и других групп довести до остальных свою точку зрения, чтобы снять все наваливающиеся на нас проблемы «глобализирующегося» мира? Есть ли вообще у нас, как у *homo sapiens sapiens*, что-то общее, или же мы окончательно превратились (далее цитирую одного студента, которому принадлежит это «открытие») в «хомо хапиенс» [3; 5]? К сожалению, реальность наших дней всё чаще склоняет давать отрицательные ответы на эти вопросы. Поэтому оказалось, что по прошествии времени тематика нашей конференции 1998 г. и последующих мероприятий – поиск взаимопонимания – становилась всё более актуальной. Изучение теории этноса С. М. Широкого позволило мне понять феномен этнического многообразия. Понимание природы политической системы актуализировало проблему национальных интересов, но предстояло ещё от-

Рис. 2. Приглашение на участие в XV Рождественских чтениях.

Рис. 3.
Афиша спектакля
«На дне» Токийско-
го Нового реперту-
арного театра.

ветить на вопрос, а можно ли, несмотря на все эти границы, найти нечто более общее, способное нас всех объединять?

«Пищу» для размышлений подобного рода вскоре снова представил и Леонид Иванович, у которого происходили важные события в Токио. Три небольших театра, которыми он руководил, в апреле 2004 г. были объединены и стали «Токийским Новым репертуарным театром». Как было указано в информационном сообщении об этом событии, цель объединения – создание «истинного театра, исцеляющего больное сердце современного человека и исцеляющего его душу». Малая сцена Театра расположилась в районе Симокитазавы и довольно скоро она уже была оценена как «картина света и тени».

Основу репертуара театра сначала составили пьесы «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишнёвый сад», «Три сестры». Но всё активнее Театр осваивал и западную классику. На его сцене появились спектакли «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса, «Гамлет», «В ожидании Годо» С. Беккета, «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

Параллельно со спектаклями Анисимовым проводились мастер-классы: «Методы системы Станиславского», «Изучение системы Станиславского через 4 основные пьесы А. П. Чехова», «Сквозное действие», «Из внутреннего действия в физическое через общение», «Изучение системы Станиславского через магическое «если бы», «Внутреннее действие. Задача и её выполнение», «Внутреннее действие. Не реалистичность, а реальность. Не правдивость, а правда», «Внутреннее действие. Общение», «Природа чувств».

Как было заведено Л. И. Анисимовым ранее, кроме собственно театральной продолжалась также научная деятельность Академии. В декабре 2005 г. состоялся 1-й Международный симпозиум «Куда идёт театральное искусство XXI века». В ноябре следующего года проходил 2-й Международный театральный симпозиум «Путь к вдохновению». Анисимов давно был готов к диалогу с учёными, я же ещё должен был найти в своих исследованиях концептуальные основания, которые могли бы помочь стать равным участником этого диалога.

Особенно насыщенным оказался для нас 2007 г. Сначала Л. И. Анисимов, С. Е. Ячин и я были приглашены, благодаря поддержке В. Н. Соколова, в Москву на XV Рождественские чтения. Наша Приморская епархия была уже озабочена проблемой мигрантов, и предстоятель РПЦ Алексей II предложил её руководству организовать круглый стол по этой проблеме в рамках Чтений.

В Токио Анисимовым был поставлен и успешно шёл спектакль по пьесе Максима Горького «На дне». Кроме того, здесь были проведены два симпозиума: «Загадка Чехова. Открыть сердце челове-

Рис. 4. Программа фестиваля «Никольск-Уссурийский».

Рис. 5. Актёры Токийского Нового репертуарного театра готовятся поздравить Л. И. Анисимова по случаю успешного завершения «прогона» спектакля «Ночь галактической железной дороги». Слева направо: Юки Тэммая, Йоко Осака, Юко Кавакита, Йоко Лейер, Акико Амацури. Токио, ноябрь 2007 г. Фото автора.

ка в условиях современной цивилизации» и «Творчество Чехова – искусство жить».

«2 декабря 2007 г. Токийский Новый Репертуарный театр. Пьеса Максима Горького «На дне». Режиссёр Леонид Анисимов. О Токийском Новом Репертуарном театре. Художественный руководитель театра Леонид Анисимов, создавший уникальный для Японии театр в европейской традиции. Со времени открытия в 2004 г. Театр даёт два спектакля в неделю (в пятницу и субботу). Наряду с новым спектаклем «Ночь галактической железной дороги» предлагается ещё семь разных пьес». (Перевод О. А. Кузнецовой).

Наконец, Леонид Иванович получил также возможность стать режиссёром Уссурийского городского театра. И вот уже развернулась работа по проведению в этом городе Международного театрального фестиваля «Никольск-Уссурийский», который и состоялся в конце июня – июле. В фестивале приняли участие не только театры, но и танцевальная группа из Республики Корея, музыкальный коллектив из Китая. Приехал в Уссурийск и учитель В. Н. Климочкин из Малокемской школы Тернейского района, в которой очень интересовались японской литературой и искусством. Во время своего выступления он вызвал живую реакцию аудитории, прочитав хоку, написанное одним из учеников этой школы:

Лёд растаял в пруду,
И снова зажили дружно
Вода с водою.

チェーホフ生誕150年記念 6月1日(火)~7月4日(日)
第9回シアターX 国際舞台芸術祭2010
TheaterX International Dance & Theater Festival (IDTF) メインテーマ チェーホフの鍵

6/3 [木] 19:00

MIR Repertory Theater 【韓国・仁川】(演劇)

- 原作 アントン・チェーホフ (Anton Chekhov)
- 演出 イ・ジェサン (Rhee Jae-sang)

アンクル・ワーニヤ
Uncle Vanya

どのように生きるならば、魂を高めることができるのか

Рис. 6. Информация о спектакле «Дядя Ваня» MIR Инчён-ского Репертуарного театра (Республика Корея). Токио. Июнь 2010.

Знаковым событием явилось также вручение во время Фестиваля Леониду Ивановичу медали Серафима Саровского второй степени. Так и Русская православная церковь оценивала его вклад в развитие международных связей в сфере искусства.

Несколько неожиданно в этот раз, наряду с русской классикой, Токийский Новый репертуарный театр привёз классическую японскую пьесу «Самоубийство влюблённых», поставленную в 2005 г. по произведению Чикамацу Модзаэмона (Сугимори Нобумори, 1654–1724). Пьеса уже получила признание у японских зрителей, оценила её и российская публика. Оказывается, пока мы занимались своими делами, наш российский режиссёр вышел на новый уровень в своём

Рис. 7.
Рабочий момент
Симпозиума 2010 г.
Слева направо:
Ри Че Санг – ре-
жиссёр, драматург
(Республика Корея),
Кен Окубо – пере-
водчик-корейст,
Йоко Осака – ак-
триса Токийского
Нового театра, Пол
Лейер – продюсер
Сиэтлского Нового
театра (США), Род-
жер Палверс – пи-
сатель, драматург,
режиссёр (Австра-
лия). Фото автора.

творчестве и кроме пьес российских, европейских и американских классиков он дерзнул на постановку известного в Японии произведения. Несмотря на то, что эту пьесу обычно исполняли театры Кабуки, например, Чикамацу-дза, показавший её и в Москве на Чеховском фестивале 2003 г., Анисимов сделал из неё пьесу современного театра. Опыт этой постановки стал также основой мастер-класса Л. И. Анисимова «Метод удивления и наивности» через произведение Чикамацу».

Как оказалось, «Самоубийство влюблённых» уже не было единственным опытом Л. И. Анисимова такого рода. В ноябре 2007 у меня случилась конференция в наукограде Японии – городе Цукуба, после чего я заехал в Токио к Леониду Ивановичу и попал на «прогон» на Малой сцене театра спектакля «Ночь галактической железной дороги» по произведению Миядзава Кэндзи (27.08.1896 – 21.09.1933).

Этот автор прожил свою жизнь в провинции, в той самой префектуре Иватэ, в которой проходил и наш фестиваль в Юда. Поэтому долгое время его творчество было малоизвестным. Заново оно было открыто спустя почти полвека и тогда оценено должным образом. Результатом состоявшегося признания Миядзава Кэндзи стало открытие в 1982 г. на его родине мемориального музея. В 1996 г. был отпразднован и столетний юбилей этого писателя и поэта. Ещё в 1983 г. по «Ночи галактической железной дороги» был уже снят аниме-фильм. Анисимов же сделал этот текст театральной пьесой, которую я и смог посмотреть. Естественно, мне перед началом спектакля объяснили, что сюжет построен на путешествии мальчика Джованни со своим другом Кампанеллой (автор самостоятельно изучил иностран-

Рис. 8.
Афиша мастер-классов
Л. И. Анисимова:
«Токийский Новый
Репертуарный театр.
«Откройте свои
таланты», «Пьесы
А. П. Чехова – ключ
к творчеству» –
мастер-классы
Заслуженного
деятели искусств
России. Время
проведения
14–25 июня 2010 г.
понедельник –
пятница».

ные языки) на поезде по Млечному пути. В дороге к ним присоединяются умершие люди, которые рассказывают свои истории. Конечно, не владея японским, я не мог понять речь актёров. Однако та самая сцена «света и тени», игра актёров создали совершенно особую атмосферу, когда я почувствовал, что почти не ощущаю никакого языкового барьера и понимаю (наверное, «сердцем») всё происходящее. Это состояние было настолько новым и глубоким, что оно очень сильно подействовало на меня.

Вот тут-то стали понятны и ощущения, которые возникли сначала на фестивале в Юда. Разноязычие тогда ещё несколько мешало постижению смыслов происходящего, но эти смыслы всё равно уже воспринимались где-то на чувственном уровне. Нечто похожее рань-

Рис. 9.
Сертификат участника фестиваля и симпозиума 2010 г. (перевод О. А. Кузнецовой).

«Токийский Новый репертуарный театр.

Свидетельство об участии

Кузнецов Анатолий

В 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова. Большое спасибо за Ваше участие в праздновании юбилея Чехова на Симокитазава. Выражаем Вам огромную благодарность за то, что Вы внимательно выслушали послание Чехова, адресованное им в будущее. Милосердия и гармонии!

12 июня 2010 г.

Токийский Новый Репертуарный театр

Директор театра Хироси Окадзаки».

ше происходило со мной только в Ленинграде на концерте Ансамбля народной музыки Дмитрия Покровского. Во время исполнения некоторых русских песен звуки их слов распевались так протяжно, что исходный смысл этих слов терялся, но вместо этого появлялось нечто совершенно новое. Поэтому я не был удивлён, что первая театральная постановка по произведению Миядзава Кэндзи российского режиссёра также была хорошо принята в Японии.

В приведённом контексте осмысления проблем международно-го сотрудничества примерно году в 2006 и заявила о себе идея метакультуры, которая стала обсуждаться на наших «посиделках» с Л. И. Анисимовым, во время его приездов на праздники и в отпуск во Владивосток. Идея получила продвижение и была «обнародована» во

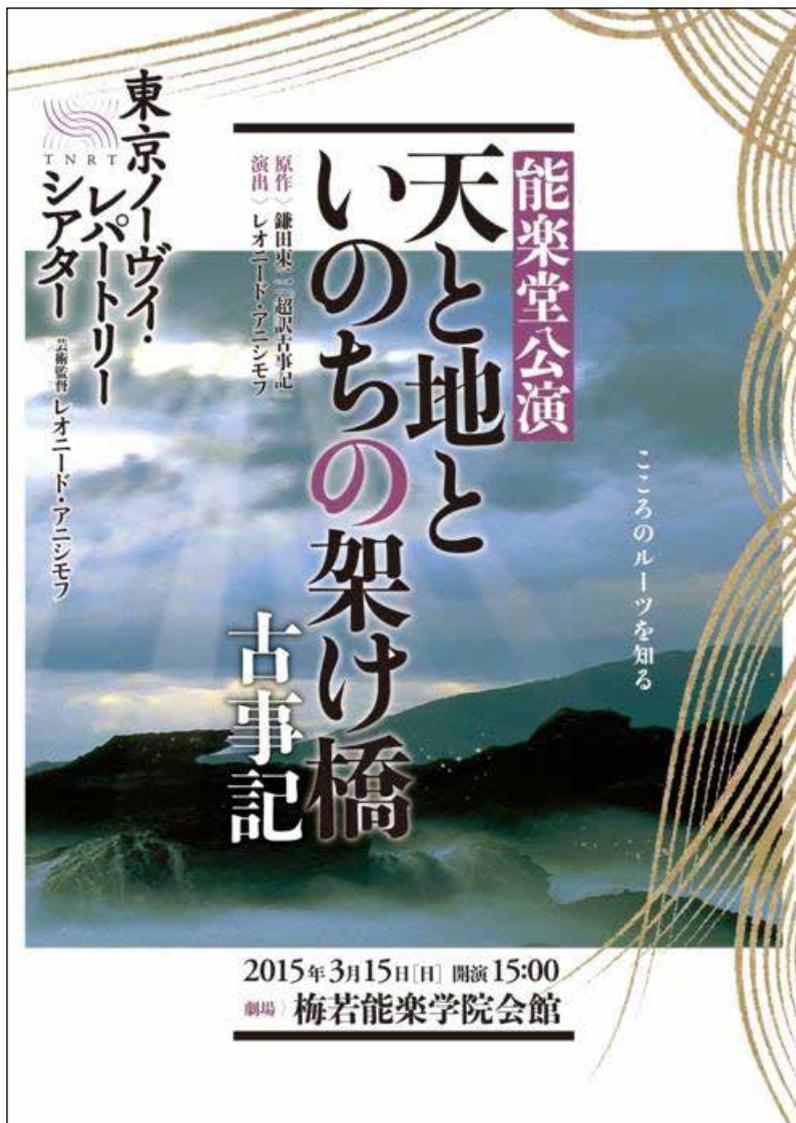

Рис. 10.
Токийский Новый
репертуарный театр.
Афиша спектакля
Кодзики. 2015 г.

время Рождественских чтений в Москве. Как оказалось, на проблему метакультуры уже вышел и исследователь из Москвы Ю. В. Громыко – директор Института опережающего развития им. Е. Л. Шифферса, занимающийся также активной практической деятельностью [1]. (В 2003 г. он был привлечён к участию в III биеннале во Владивостоке, где состоялась их встреча с Л. И. Анисимовым. С этого времени они активно сотрудничают). В самом общем изложении идея метакультуры может быть выражена как то, что является *общечеловеческим* и может нас всех *реально объединить*.

Я же на тот момент не очень вникал в «метакультурность». Сначала пришлось по приглашению известного датского антрополога, профессора Оле Грюна, подготовить важный для меня доклад о те-

Рис. 11.
Токийский Новый
репертуарный театр.
Сцена из спектакля
«Кодзики».
Постановка
Л. И. Анисимова.
Фото Минори
Мацуока.
Публикуется с
разрешения.

ории этноса С. М. Широкогорова для конференции по этноархеологии, прошедшей в сентябре 2007 г. в г. Лодзь (Польша) [4]. Затем неожиданно, благодаря участию в гранте Ю. В. Громыко, представилась возможность поехать в декабре этого же года на конференцию по методологическим проблемам археологии во Флоренцию. В Токио же в апреле 2008 г. состоялся «III Международный симпозиум «Будущее, творимое метакультурой». Как всегда, научные дебаты здесь сопровождались просмотрами театральных постановок Токийского Нового репертуарного театра. Примечательно, как потом оценил этот опыт Ю. В. Громыко: «С этой точки зрения, возникает очень интересный эффект, когда японские молодые женщины исполняют пьесу «Три сестры», причём с глубоким пониманием театра Станиславского и театра Чехова, так называемого «театра переживания». Возникает удивительное ощущение, что ты притрагиваешься к чему-то русскому, чего уже нет в России, так как здесь оно уничтожено революцией и всякими другими бедствиями. В этой ситуации возникает совершенно особое понимание...» [2]. (Для справки, Ю. В. Громыко, в отличие от меня, сам выучил японский язык).

Попасть тогда в 2008 г. в Токио я не смог, так как в это время, чтобы войти в предметное поле этнополитологии, готовился к конференции Комитета С-14, проходившей в сентябре 2008 г. в Мадриде. По разным причинам не смог участвовать и в симпозиуме «Будущее искусства и культура 21 века», состоявшемся в марте 2009 г., но было очень интересно знать, что ещё происходит там, в Токио. Поэтому постарался обязательно быть в Японии, когда узнал, что на 8–13 декабря этого же года был назначен новый симпозиум и мастер-класс Л. И. Анисимова «Природа чувств». К сожалению, на этот раз вмешалась стихия, из-за снежного циклона наш рейс задержали, и опять не успел попасть

Рис. 12.
Программа постановки двух коротких пьес А. П. Чехова под руководством актёров Токийского Нового репертуарного театра.

на симпозиум. Шанс наверстать всё упущенное реализовался уже в 2010 г., на который выпал 150-летний юбилей А. П. Чехова. По этому случаю на 7–10 июня был запланирован VII Международный семинар по проблеме метакультуры. Кстати, в Токио различные торжества и мероприятия, посвящённые юбилею нашего классика, продолжались месяц. Кроме Ю. В. Громыко и нашей владивостокской команды (С. Е. Ячин и я) на Симпозиум был приглашён также известный московский актёр и режиссёр А. А. Калягин. К нашему сожалению, как «селебрити», он был привезён, сделал доклад и после своего выступления сразу увезён ещё куда-то.

В театральной программе был задействован на этот раз и петербургский БДТ им Г. А. Товстоногова, который показал сильно мо-

дернизированную версию «Дамы с собачкой», доставившую изрядные хлопоты организаторам этих гастролей. Дело в том, что важным реквизитом спектакля являлись... арбузы. Они создавали антураж и в сцене на кладбище и по всему ходу спектакля, так что арбузов потребовалось много! Самое яркое впечатление у меня случилось, когда героиня по ходу действия разрешила хрустнувший арбуз и по залу пошёл такой аромат, что, буквально, «слюнки потекли». Японские же зрители спокойно восприняли эту сцену и вообще внимательно смотрели пьесу на непонятном для большинства из них русском языке, но неожиданно в сцене посещения героем спектакля на японскую тему в провинциальном театре в зале раздался дружный смех. По окончании спектакля мы поинтересовались у актёров Нового театра о его причине. Оказалось, по ходу действия наша актриса сама рассыпала перед собой кусочки цветной бумаги, символизирующие лепестки цветов или что-то вроде этого. Такой приём практикуется в японских театрах, но только не актёры, а кто-то другой сверху рассыпает этот реквизит. Подобное несоответствие и показалось смешным японским зрителям. Свой спектакль «Дядя Ваня» тогда представил также MIR Инчёнский Репертуарный театр из Кореи, но, к сожалению, я не смог его посмотреть.

Чтобы понять, какие проблемы обсуждаются на таких симпозиумах и семинарах, приведу один пример. Для участия в VII Международном семинаре была приглашена и известный в Японии специалист по биоистории профессор Кейко Накамура. В своём докладе «Принимать сложность, чтобы снова жить» она отметила, в частности, кризис этики в современном мире. Этот кризис, по её мнению, проявляется в том, что мы отступили от правила – *задавать вопросы о том, что значит жизнь и в чём смысл человеческого бытия?* В поисках ответа на эти вопросы профессор Накамура важное место отводила как раз идее биоистории. Согласно данным этой отрасли науки, с которой связана автор, каждое живое существо в своём геноме несёт всю историю жизни на протяжении 3,8 миллиарда лет. Поэтому, как признала исследователь, ей бывает страшно читать пьесу А. П. Чехова «Чайка», в которой в монологе Нины, звучащем в первом акте в спектакле Треплева, ещё более 100 лет назад уже было предвосхищено это современное открытие. «Во мне сознание людей слилось с инстинктами животных, и я помню всё, всё, всё, и каждую жизнь в самой себе я переживаю вновь»... Но в то же время, она видит в своих исследованиях и озарении А. П. Чехова основание новой этики, которая готова принять значимость жизни во всех её проявлениях. Тогда мы уже не сможем считать только человека и создаваемую им машинную цивилизацию венцом эволюции. Что ж, это далеко не единственный пример, когда гениальный писатель, поэт, художник предвосхитили в своём творчестве самые выдающиеся научные открытия! Показательно, что одним из участников таких симпозиумов и других мероприятий является очень известный в Японии писатель Отохико Кага (род. в 1929 г., настоящее имя Коги Садатака), автор таких произведений, как «Зима во Фландрии», «Лето, которое не вернётся», «Тучи над столицей». Его известный роман «Приговор» (1979 г.) был переведён на русский язык в 2014 г. [7].

Следует отметить, что для самого Леонида Ивановича такие международные мероприятия были очень серьёзной нагрузкой. Ведь он

кроме выступления на симпозиумах, подготовки спектаклей должен был ещё проводить свои мастер-классы.

В это время Л. И. Анисимов также работал над постановкой спектакля «Идиот». При этом нужно понимать обстоятельства, связанные с данным произведением Ф. М. Достоевского в Японии. Во-первых, наш автор очень чтим в этой стране. Достаточно сказать, что даже в наше время тиражи его изданий здесь достигают миллионов экземпляров. Во-вторых, существует известная экранизация этого произведения всемирно признанным режиссёром Акирой Куросавой. К сожалению, сам я этой постановки не увидел. Ну да ладно. Другая новость заставила снова удивляться, хотя мы вроде бы как уже должны были быть привычными ко всяким неожиданностям.

Оказалось, наш Леонид Иванович теперь посягнул подготовить спектакль по «Кодзики» – одной из основных книг традиционных японских верований синтоизма! Записанное около 712 г. н. э., это произведение содержит тексты мифологического и исторического характера, которые играют важную роль в данной традиции. Нет необходимости объяснять, что значат эти книги в Японии, а первым за их постановку взялся российский режиссёр! Я видел, как серьёзно подходил к подготовке спектакля Анисимов, штудировав в том числе и специальную литературу по проблемам архаичных мифологий. Зато спектакль получил хороший резонанс в Японии, так что теперь Токийский Новый репертуарный театр даёт спектакли и в старинных храмах.

Но не умеет Анисимов «почивать на лаврах». Поставив «Кодзики», он взялся за новую работу. На этот раз стал делать спектакль по пьесе «Железный обруч» популярного и в определённой российской читательской среде японского писателя и сценариста Баку Юэмакура, работающего в жанрах фантастики и приключений. По его сценариям были поставлены, например, такие фильмы-аниме, как «Меч Александра» (2007) и «Онмёдзи» («Колдун» – 2003 г.). Пьеса была написана по просьбе Исао Мацусита – президента Союза композиторов Японии на основе одноимённого авторского рассказа из цикла «Онмёдзи». Известный музыкальный деятель сначала решил написать симфоническое произведение по этому рассказу. В результате же стремления к поиску новых синтетических форм в искусстве родилась идея поставить спектакль по этой пьесе в сопровождении симфонического оркестра. Реализовать этот замысел снова должен был российский режиссёр! Конечно, работа с оркестром для Л. И. Анисимова – нечто новое, но следует отметить, что в традиции «зонгов» Б. Брехта он постоянно вводил в свои последние спектакли, в том числе и в «Кодзики», музыкальное сопровождение в традиционном японском стиле. Особо же примечательным здесь представляется то обстоятельство, что, оказывается, сам Баку Юэмакура использовал для своего рассказа одноимённую старинную пьесу театра Но. Вот уж действительно новаторство в традиции!¹ Но у Леонида Ивановича впереди уже новые, может быть, ещё более амбициозные планы. Примечательно, что в Японии у Л. И. Анисимова уже появились и подросли свои ученики. Тогда же, в июне 2010 г., нам были представлены короткие пьесы А. П. Чехова, которые срежиссировали его актёры. Одна из учениц Леонида Ивановича Йоко Лейер получила даже звание мастера театра Но!

¹ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность г-ну Хиросико Камидзе – актёру Токийского Нового репертуарного театра, начальнику Отдела международных связей Театра, переводчику-русисту, за представленные материалы и консультации.

Конечно, несмотря на то, что (по своему опыту знаю) Анисимов, благодаря своей открытости, является мастером общения, который может настроиться на верный тон в работе с любой аудиторией, за границей у него мало бы что получилось без помощи переводчиков. Здесь, можно сказать, Леониду Ивановичу просто повезло. С началом его работы в Японии ему много помогает профессор-русист университета Канагава и просто очень обаятельный человек Содзо Тосака. Затем в этот процесс активно включился Хиросико Камидзе, который сам участвует и в театральных постановках Нового театра. Понятно, что такая включённость очень способствует качеству взаимопонимания режиссёра и актёров. В работе с американскими театрами и вообще с англоязычной аудиторией на начальном этапе Л. И. Анисимову переводила Л. А. Ахмыловская – преподаватель ДВГТУ, а теперь ДВФУ. Но перевод, который больше соотносится с таким направлением, как межкультурная коммуникация, – это особый род деятельности, которого я бы не хотел сейчас касаться, поскольку он находится вне интересующих меня проблем. Показательно, как вспоминаю, сколько усилий потребовалось моим российским коллегам, чтобы объяснить переводчикам (а те потом донесли бы до японской аудитории) смысл термина «метакультура» («metabunka»).

Окончание следует.

Литература

1. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. – М.: АРКТИ, 2006. – 400 с.
2. Доклад Ю. В. Громыко // Материалы международной конференции «Образование и сообщества» (апрель 2008). [Электронный ресурс] URL: www.mifs.ru/article/index.php?id_article=534&p=8 [Дата обращения: 18. 03. 2015].
3. Кузнецов А. М. Политическая, общественно-политическая системы и некоторые вопросы их реформирования // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. 2012. № 1. С. 84–95.
4. Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57–71 Переведено: Chapter 2. S. M. Shirokogoroff's Theory of ETHNOS // Archaeological Invisibility and Forgotten Knowledge. Conference Proceedings. – Łódź, Poland, 5th–7th September, 2007/ Edited by Karen Hardy, BAR International Series 2183, 2010. BAR – Pp. 23–32.
5. Кузнецов А. М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 218–229.
6. Кузнецов А. М. Этнос и нация в условиях постсовременности (Теория этноса С. М. Широкогорова и её значение для неклассической науки) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы III Широкогоровских чтений. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 16–76.
7. Отохико Кага. Приговор. – М.: Гиперион, 2014. – 864 с.

Архив

КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна,

канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: ludmilakornilova@mail.ru

УДК 93

Пребывание Престолонаследника Цесаревича Николая Александровича во Владивостоке (из воспоминаний Петра Унтербергера, перевод с немецкого языка)

Цесаревич Николай Александрович, Владивосток, Петр Унтербергер

Имя военного губернатора генерал-майора Павла Фёдоровича Унтербергера хорошо известно жителям нашего города, а вот имя его сына, Петра Павловича Унтербергера, знают немногие. Но именно он оставил своим потомкам мемуары «Между двух культур. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера (1881–1960)», которые любезно предоставила нам его внучка, Эрика Георгиевна Унтербергер, проживающая в г. Гмундене (Австрия). Мемуары позволят нам познакомиться с жизнью не только семьи Унтербергеров, но и нашего города и нашей страны рубежа XIX и XX веков. Они написаны живым и увлекательным языком, с большим чувством юмора. Знакомство с мемуарами мы предлагаем начать с воспоминаний П. П. Унтербергера о визите престолонаследника цесаревича Николая Александровича во Владивосток. Перевод отдельных эпизодов из мемуаров печатается впервые.

Моё знакомство с мемуарами Петра Павловича Унтербергера произошло в 2010 году. Исследователь Владивостокской крепости В. И. Калинин обратился ко мне с просьбой перевести отдельные страницы из мемуаров Петра Павловича Унтербергера, описывающие его службу во Владивостоке. Это была моя первая встреча с его мемуарами. Затем я познакомилась с внучкой Петра Павловича, Эрикой Унтербергер, вначале заочно, а в 2012 году – лично, навестив её в городе Вене. Мне удалось убедить Эрику Георгиевну передать мне не отдельные фрагменты, а полный текст мемуаров её деда, объяснив удивлённой и воодушевлённой Эрике Георгиевне, какую ценность они представляют как для историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей нашего государства и нашего города. И сейчас в нашем распоряжении отсканированная рукопись мемуаров Петра Павловича Унтербергера, большое количество фотографий и мемуары Мани (Марии, сестры Петра Унтербергера). Мемуары П. П. Унтербергера написаны живым и увлекательным языком, с большим чувством юмора. Работать над их переводом очень интересно.

Во второй раз я навестила Эрику Георгиевну в городе Гмундене (Австрия), где семья её отца поселилась после Второй мировой войны. Во время пребывания у Эрики Георгиевны я продолжала работать над переводом, а также много с ней беседовала. Некоторые наши беседы я записала на диктофон. Эрика Георгиевна Унтербергер – удивительный человек с очень интересной судьбой. Закончив университет, она преподавала английский язык в Южной Африке и в Японии. В Японии она получила степень доктора философии и в последние годы перед пенсией преподавала английский язык и литературу в Венском университете (г. Вена, Австрия). У Эрики Георгиевны очень много друзей в разных странах мира, в том числе в Японии и Китае. В Шанхае жили её дедушка и отец, в Японии родился её старший брат. У неё часто гостят друзья, и сама Эрика Георгиевна много путешествует. Её сложно застать дома, но, когда она дома, она работает с архивами своей семьи, постоянно дополняя их новыми документами и фотографиями. У неё собрана огромная коллекция семейных фотографий, документов, и благодаря Эрике Георгиевне их копии стали доступны исследователям из Владивостока. Перевод отдельных отрывков из мемуаров Петра Павловича Унтербергера с немецкого языка на русский печатается впервые.

«Существует несметное количество мемуаров, дневников и автобиографий. И, казалось бы, необходимо мужество, чтобы обременять литературу ещё одной книгой биографического жанра. Но если я это и делаю, то только потому, что моя жизнь вопреки моей воле и моим намерениям необычайно богата переменами и определённо небудничными событиями, а мысли и наблюдения, которые невольно у меня возникали, стоят того, чтобы их облекли в слова» («Между двух культур. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера (1881–1960)», рукопись; находится в архиве семьи Унтербергера (далее – «Рукопись»), с. 1).

Этими словами начинаются мемуары Петра Павловича Унтербергера «Между двух культур. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера (1881–1960)», сына Павла Фёдоровича Унтербергера, военного губернатора Приморской области (1888–1897). Имя Павла Фёдоровича хорошо известно жителям нашего города, как и дом по адресу Светланская, 52. Дом № 52 по Светланской улице с тремя барельефами больше известен как «старый Дом Пионеров», и не все знают, что это здание было построено в 1891 году генерал-майором Владимиром Григорьевичем Мооро для военного губернатора Приморской области генерал-майора Павла Фёдоровича Унтербергера. По прибытии семьи П. Ф. Унтербергера во Владивосток «необходимо было решить вопрос «резиденции», поскольку дом для губернатора, как я уже упомянул, был ещё не готов для проживания в нём. Дом хоть и был уже возведён, но оставались ещё отделочные работы» (Рукопись, с. 45), – читаем мы далее в мемуарах П. П. Унтербергера.

На первых страницах Пётр Павлович пишет: «Своеобразие жизни, которую я описываю, я вижу в том, что, несмотря на чистую немецкую кровь, родом из Зальцбургских протестантов, я со дня своего рождения и до 40 лет проживал в России, где был воспитан, получил образование и работал, вплоть до окончания революции» (Рукопись, с. 1). С любовью Пётр Павлович описывает свою жизнь во Владивостоке. Слова: «Мы достигли Владивостока утром 15 мая 1890 года, в

день коронации Александра III. Была самая великолепная погода, какую только можно себе представить: сияющее солнце и ни единого даже маленького облачка на небе. Несколько военных кораблей стояли в гавани, корвет и 4 или 5 канонерок. Город произвёл на меня незабываемое впечатление. Великолепный синий залив, обрамляемый горами, выстроившиеся вдоль залива дома и поднимающиеся за домами склоны гор, оживлённая гавань, заполненная кораблями и снующими по воде джонками и лодками. Всё вместе пробуждало во мне ощущение: «Здесь будет хорошо, здесь мы построим дом!»... Из всех городов, в которых я жил, Владивосток – самый любимый, и годы, которые я там провёл, были самыми счастливыми в моей жизни» (Рукопись, с. 44), – говорят сами за себя.

Пётр Павлович Унтербергер родился 19 марта 1881 г. в Иркутске в семье начальника инженеров Восточно-сибирского военного округа полковника Павла Фёдоровича Унтербергера и его супруги Эммы Ивановны, урождённой Эрдман. Во Владивостоке он жил в период с 1890 по 1895, с 1909 по 1914 и с 1919 по 1922 год. В 1922 году он вынужден был эмигрировать в Китай и до 1949 года жил и работал в Шанхае. В 1949 году Пётр Павлович бежал в Формозу (Тайвань) и тем самым смог избежать тюремного заключения за шпионаж в пользу американцев, в чём его пытались обвинить. В 1951 году Пётр Павлович Унтербергер вместе с женой нашёл своё последнее пристанище в городе Швэбиш Халль (Германия), где он умер летом 1960 года.

В мае 2016 года исполняется 125 лет со дня визита цесаревича Николая Александровича во Владивосток; это посещение сыграло важную роль в развитии города. Поэтому первые страницы мемуаров, с которыми я предлагаю познакомиться, – это воспоминания Петра Павловича Унтербергера об этом знаменательном событии.

В мае 1891 года Петру Унтербергеру было 10 лет, и он учился в гимназии для мальчиков, о чём очень подробно рассказывается в его мемуарах, как и о визите в наш город наследника престола Цесаревича Николая Александровича.

По укоренившейся традиции, все русские наследники, начиная от Павла I и до Александра III, завершив курс наук, отправлялись в путешествие. Чаще всего путешествий было два: большое – по России, чуть поменьше – по Европе. На этот раз для Николая было запланировано совершенно необычайное, грандиозное морское и сухопутное турне, которое объединило в себе оба путешествия.

Длившееся 300 дней путешествие Цесаревича Николая было беспрецедентным. Для современников в России и за рубежом была очевидна политическая и символическая важность его направленности на Восток: «в ту сторону, куда лежит историческая дорога, по которой продвигается русский народ», как писал историограф путешествия князь Э. Э. Ухтомский. «Император Александр III хотел показать всему цивилизованному миру, что такое Восток для России и что такое Россия, как часть Востока, в эпоху Его правления, и задуматься о «вечном» для нас вопросе – с кем и куда мы идём? И что такое особый путь России?» [1, с. 42].

В 1890–1891 годах князь Ухтомский сопровождал Цесаревича, будущего Николая II, в его путешествии на Восток на крейсере «Память Азова». Свои путевые впечатления и наблюдения он описал в книге «Путешествие на Восток наследника цесаревича». Первый том под на-

званием «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891» вышел в свет в 1893 году; второй и третий тома – в 1895 и 1897 гг., уже под названием «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)». Сразу же после выхода в свет «Путешествие» было издано на английском, немецком и французском языках.

И вот 11 мая в 11 часов утра из Кобе во Владивосток на фрегате «Память Азова» в сопровождении эскадры прибыл его императорское высочество Наследник престола Цесаревич Николай Александрович. «Ещё до появления эскадры на рейде на адмиральской пристани собрались: приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф, губернатор генерал-майор П. Ф. Унтербергер, командир порта контр-адмирал П. И. Ермолаев, комендант крепости генерал-майор Ф. Н. Аккерман и другие высшие военные и гражданские чины Приамурского края и Приморской областной администрации, городская депутация и полицеймейстер г. Владивостока. От пристани до арки расположились по правой стороне (по направлению от пристани к арке) прибывшая для встречи Его Императорского Высочества городские дамы и воспитанницы женского училища и начальных школ с начальницею и воспитательницами, а на левой стороне: воспитанники прогимназии, городского училища, мореходных классов и начальных школ с их начальством, наставниками и воспитателями. Затем далее за аркой: с левой стороны (по направлению к Светланской улице) стоял почётный караул, а справа стороны против почётного караула разместились служащие правительственных учреждений и почётные обыватели г. Владивостока» [1, с. 101].

Цесаревич Николай Александрович во время своего пребывания во Владивостоке принял участие в закладке сухого дока в бухте Золотой Рог, в закладке железной дороги и железнодорожного вокзала, присутствовал на закладке памятника адмиралу Невельскому, посетил женское училище и мужскую прогимназию, не обошёл своим вниманием ни одного учреждения. 20 мая Цесаревич Николай Александрович торжественно попрощался с экипажем «Памяти Азова» и со всеми кораблями и отправился в дом военного губернатора П. Ф. Унтербергера, где он переночевал, и 21 мая покинул Владивосток, отправляясь через Сибирь в Петербург, куда он прибыл 4 августа 1891 года. За время путешествия была пройдена 51 000 вёрст, из них 15 000 – по железной дороге, 5 000 – в экипаже, 9 100 – по рекам, 21 900 – по морям. Это в наше время поездом можно добраться от Москвы до Владивостока за неделю, а тогда на обратную дорогу у цесаревича ушло около двух месяцев. Путь по России пролегал через Хабаровку (будущий Хабаровск), Благовещенск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург и занял около двух месяцев [1, с. 101–132].

Ниже приводится перевод воспоминаний Петра Павловича Унтербергера об этих днях по цитированной рукописи.

Стр. 83:

За этот период произошло два события, которые очень сильно повлияли на жизнь в городе. Первое: посещение Владивостока престолонаследником, будущим Императором Николаем II в 1891 году после его кругосветного путешествия. Престолонаследник вступил на русскую землю во Владивостоке вскоре после известного покушения в Японии. Его сопровождал принц Георг Греческий. Я не помню имён других официальных лиц, которые составляли свиту царя, так как они ничуть меня не интересовали.

Стр. 84:

Престолонаследник прибыл на фрегате «Память Азова», на котором также находилась резиденция принца Георга. Фрегатом командовал капитан 1 ранга Чухнин, способный, очень жёсткий офицер. Однако он был, вероятно, подходящим человеком для этой должности, поскольку нёс огромную ответственность, которую нельзя недооценивать. Я очень хорошо могу представить себе, что в тот момент, когда он бросил якорь в заливе Владивостока, он испытал неописуемое облегчение, особенно после трагедии в Японии. Я умышленно употребляю слово трагедия, так как я часто размышлял о том, что удар по голове впоследствии имел более серьёзные последствия, чем воспринималось вначале, и что недостаток решимости, который отличал императора в течение его последних лет, нужно приписывать последствиям этого покушения. Позже я слышал подобные предположения. Тогда, тем не менее, по возможности всё делалось для того, чтобы представить этот случай как незначительное событие. Престолонаследник в то же время постоянно выглядел слишком усталым, чтобы казаться совершенно здоровым.

Город с самого рассвета был в волнении. Повсюду велась подготовка к приёму высокопоставленного лица. На пути от адмиральской набережной к Светланской муниципалитетом сооружалась Триумфальная арка, которая сохранилась и позднее стала чем-то вроде памятника. Она была построена из камня, в старинном стиле древних ворот Кремля в различных городах России. Я хотел бы упомянуть здесь мимоходом, что Кремль – это не исключительный символ Москвы. Кремлём называется городская стена, которая служила для обороны города, и почти все старые города имеют Кремль. Большинство из них сохранились в хорошем состоянии, если не мешали развитию города. Все мы были очень горды за нашу Триумфальную арку, и население было в сильном возбуждении, успеют ли её построить к сроку. Общее настроение передалось также нашей гимназии. Это выражалось в ставлении для нас наставлений вести себя прилично и спокойно на улице и появляться красиво, тщательно и чисто одетыми. Нас выстраивали для осмотра нашей одежды, где проверялось соответствие формы одежды установленным требованиям, чтобы не было самовольных отклонений. Однако это была не более чем проверка того, что форма в порядке, что все крючки и кнопки на месте и что не видно никаких бросающихся в глаза грязных пятен. Эскадру и гарнизон муштровали сильнее, но, вероятно, не столько из-за престолонаследника, который был ещё не слишком опытен, сколько ради злых генералов из его свиты, у которых, естественно, был зоркий глаз,

ведь в то время все они были офицерами гвардии. Не хотелось давать им повода к недовольству, нет, только не это.

Стр. 85:

И так муштровали, что кости трещали. Морской флот нервничал меньше, так как, во-первых, все визитёры были сухопутными крысами, которые воспринимали корабли и корабельную муштру как ерунду, и, во-вторых, между гвардейским экипажем и другими экипажами не существовало никаких различий: все они относились к морскому флоту. Благодаря этому они смотрели на потеющую пехоту с некоторым пренебрежением.

Однако не только мужское общество было вырвано из уютной рутины повседневной жизни, нет, женский пол также находился в состоянии лихорадочного возбуждения. И моя бедная мамочка тоже не отставала от всех. И, конечно, это было более чем понятно! Не было человека, который бы меньше годился для придворного общества. У неё не было ни малейшего представления о том, как общаться с коронованными особами, как и о чём можно говорить с ними, и она никогда в своей жизни не видела придворный реверанс, не говоря уже о том, чтобы его самой делать. Бедная мама больше не могла спокойно спать, она просто задыхалась от страха... Папа пытался успокоить её: «По придворному этикету, ты не должна самостоятельно вести беседу, ты должна только отвечать, когда к тебе обращаются. Не забывай только добавлять титул в конце предложения, это всё!» И всё же она не была бы настолько обеспокоена, так как смелости и находчивости ей было не занимать, но слабое владение русским языком очень угнетало её. У кого она училась делать придворный реверанс, я не знаю, однако, я думаю, у директрисы женского училища, которая знала весь этикет как свои пять пальцев. Кроме того, первоначально предусматривалось, что престолонаследник остановится в доме губернатора и она должна будет играть роль хозяйки. К счастью, эта горькая чаша её миновала: престолонаследник выразил желание оставаться во время пребывания во Владивостоке на фрегате, так как полагал, что ему там будет меньше мешать, принимая во внимание то, что он ещё не полностью поправился. Также ей повезло ещё в одном вопросе: большой званый обед, который давали власти в честь возвращения престолонаследника на русскую землю, готовился не под папиным руководством, а под руководством прибывшего к назначению генерал-губернатора барона Корфа, так что не мама, а баронесса Корф сидела рядом с престолонаследником за столом, в то время как соседом по столу у мамы был принц Георг Греческий. Мама была очень рада. Она полагала, что сможет беседовать без церемоний, без того, чтобы думать всё время о соблюдении этикета. Она действительно оживлённо беседовала с ним, тем более что он мог говорить по-немецки. Внушавшее ей страх представление с реверансом прошло без осложнений. Но я забегая вперёд.

Стр. 86:

Погода в день прибытия престолонаследника была прекрасной. Эскадру, состоящую из «Памяти Азова», «Адмирала Корнилова» и ещё одного корабля, ожидали на якорной стоянке между 10 и 11 часами утра. Было решено, что ровно в 12 часов по полудни престоло-

наследник ступит на адмиральскую пристань, где соберутся для приветствия первые лица города и края. На набережной должны были быть выстроены в шеренгу мы и городская школа – с одной стороны, а женское училище – с другой. Нам было приказано прибыть в школу не позже, чем к 9 часам утра, где мы подверглись проверке безупречности нашего внешнего вида. Нас построили по росту, и, когда всё было завершено к нашему удовлетворению, мы прошествовали в наших блестящих формах походным строем в четыре колонны по чисто подметённым улицам мимо празднично одетой публики к набережной. Городская школа была уже там, а девочек, естественно, ещё не было!!! Однако вскоре показали и они и также встали навтыжку напротив нас в белых блузках и тёмных юбках. У всех у них были приколоты цветы на груди, что мы не одобрили. После того, как нас ровно и красиво построили и указали точно наши места, началось ожидание. Наглые девчонки напротив нас трещали как сороки и обменивались между собой громкими насмешливыми замечаниями о нас, нашем внешнем виде и нашем поведении, которые были встречены нами пренебрежительным молчанием. К сожалению, наше презрение не произвело никакого впечатления на этих глупых гусынь. Во главе набережной стояли генерал-губернатор барон Корф с женой, папа с мамой, комендант крепости и командир порта и их жёны, также глава города, командир гарнизона и другие высшие военные и гражданские чины Приамурского края и Приморской областной администрации, горожане и их дамы. Все при полном параде, дамы в белых платьях, с цветами. Всё это: великолепный синий залив с блестящими маленькими волнами, зелёные горы вокруг, дома с чисто вымытыми окнами, празднично одетые люди, лица, полные радости и ожидания, – производило незабываемое впечатление на всех присутствующих.

Было почти 11 часов, когда из-за полуострова Италия¹ показался чёрный нос императорского транспортного средства. Ожидających охватило благоговение. «Становись! Становись!» закричали у нас. Все побежали на свои места. До сих пор всё происходящее вызывало у нас только возбуждение, любопытство и удовольствие, но в этот момент некоторые из нас, вероятно, впервые почувствовали, что мы принимаем участие в историческом событии. Во всяком случае, когда прозвучала команда «Смирно!», мы стояли очень тихо, и даже среди девочек кудахтанье перешло в шептание. Три корабля медленно скользили всё ближе и ближе, пока ведущий фрегат не замер прямо напротив набережной у буя, в то время как сопровождающие корабли прошли мимо в поиске ближайших мест для стоянки.

¹ Современное название – полуостров Голдобина, в просторечии – «Чуркин» (прим. ред.).

Стр. 87:

Затем все три корабля остановились у буя, флагманский корабль спустил на воду катер с поднятым штандартом императора и опустил трап с правого борта. Точно за 5 минут до полудня мы увидели, как группа офицеров спускается по трапу на катер и рассказывает. Затем они отплыли в направлении набережной.

Их путь занял менее 5 минут, и катер причалил к пристани. Как только первый молодой офицер в форме – престолонаследник Российской империи – высадился из него и ступил на землю самого восточного пограничного поста своего отечества, часы ударили 12, как и планировалось. В то же самое мгновение сверкнул сигнальный вы-

стрел в носовой части флагманского корабля, и в следующий момент загремела канонада из всех орудий эскадры и батареи крепости на сопке Тигровой. Императорский флаг медленно опускался с флагштока «Памяти Азова», одновременно тот же флаг поднимался на флагштоке крепости, сообщая тем самым о присутствии в её границах Его Императорского Высочества. Вслед за этим раздалась протяжная команда выстроенным в шеренгу войскам: «На караул!» Местный оркестр вступил оглушительным маршем под грохот 21 выстрела салюта. Мы чуть не лопнули от восторга. Тем временем знатные господа с дамами представлялись престолонаследнику на набережной, и вся процессия медленно пришла в движение. Здесь я увидел будущего императора в первый раз. Тогда он был ещё очень молод, я полагаю, двадцати трёх лет; он был без шапки на голове, только в маленькой чёрной шапочке. Когда он приблизился к нам, он приветствовал нас: «Здравствуйте, гимназисты!» – на что мы отвечали тщательно разученным заранее приветствием: «Доброе утро, Императорское Высочество!» Тут кто-то закричал: «Ура!» – и огромная толпа подхватила призыв, который прокатился дальше по улицам так, что потом вернулся издалека тихим эхом. Он сказал несколько слов директору, после этого пересёк улицу и подошёл к девочкам, сделавшим милый книксен, побеседовал какое-то время с их директрисой, после чего продолжил свой путь к Светланской. Вместе с этим наша роль в приветствии была закончена, и после того как престолонаследник сел в карету на Светланской и уехал, мы были отпущены домой. Вечером в городе была большая иллюминация с фейерверком и китайскими ракетами. Иллюминация состояла из фонарей, «Плошек» и простых свечей. Фонари были закреплены на высоких жердях между домами вдоль главной улицы и выглядели как гирлянды. От триумфальной арки улицы украшали ещё и установленные в ряд транспаранты из пёстро раскрашенной промасленной бумаги. Такие же транспаранты с именной монограммой престолонаследника были развешены у входов многих домов.

Стр. 88:

«Плошки» были сделаны из смеси китайской рисовой шелухи с жиром, через которую был пропущен толстый фитиль, их ставили на крыльцо у входа в дом или вдоль карниза. Они горели светлым мерцающим огнём и не гасли от ветра. Кто имел недостаточно средств для приобретения фонарей или «Плошек», просто ставил по две обычные свечи в каждое окно, в результате весь город превратился в море огней.

Само собой разумеется, мы все были на улицах и радовались празднику жизни. Я никогда не видел такой прекрасной иллюминации, как тогда во Владивостоке. Я думаю, что решающую роль в этом сыграли жители города. Придать нарядный вид городу и днём, и вечером было личным делом каждого, и каждый приложил все силы. Возможно, однако, что это лишь детские воспоминания, которые всегда прекрасны и лучше сохраняются в памяти. Но как бы то ни было, для нас эти дни были непрерывной цепью развлечений, хотя нас и не отпустили на каникулы. Я увидел престолонаследника во время его пребывания во Владивостоке ещё несколько раз, большей частью в экипаже, когда он ехал на приём или очередное мероприятие.

Главным мероприятием в течение этого времени была проведённая со всей торжественностью закладка фундамента конечной точки Великой Сибирской железной дороги. Это событие прошло для нас, мальчиков, довольно незаметно, так как мы не особенно интересовались железной дорогой. Мы все были детьми 19-го столетия, и безрассудное увлечение техникой ещё не охватило нас. Нам были гораздо дороже наши лошади.

Между тем проходили завтраки, званые обеды и ужины, среди которых званый обед в нашем доме, всё шло своим чередом. Как я уже упоминал, к своей большой радости мама сидела за столом по соседству с принцем Георгом Греческим, с которым она живо беседовала. Однако ей представился случай довольно долгое время беседовать с престолонаследником, и она обнаружила, к своему большому удивлению, что это было гораздо легче и проще, чем она себе представляла. Престолонаследник, а позже император, был всемирно известен своей простотой в общении и любезностью, и мама очень скоро потеряла робость перед ним и говорила как Бог на душу положит.

Стр. 89:

Когда позднее она передала содержание их беседы папе, он был, пожалуй, немного испуган, но успокоился, когда узнал от барона Корфа (впрочем, также балтийца), который был большим другом мамы ещё по Хабаровску, что мамина внешность и беседа с ней очень понравились престолонаследнику. Мы втроем – я, брат и сестра, – естественно, высылались на время званого обеда на верхний этаж, где тётя Мака занимала нас тем, что все лакомства, которые подавались внизу на стол, также позволяла попробовать и нам.

Пребывание престолонаследника во Владивостоке продолжалось больше недели, после чего он, проведя последнюю перед отъездом ночь в нашем доме, отбыл в долгую обратную дорогу через Сибирь. От Владивостока дорога на лошадях через Раздольное и Николаевское (позже город Николаевск-Уссурийск) вела до Камень-Рыболова, на побережье озера Ханка. Здесь путники сели на маленький пароход «Сунгача» и плыли до устья реки Сунгача, по которой такой же маленький пароходик «Ханка» сновал между озером и рекой Уссури. В месте слияния рек Уссури и Сунгача путников ждал большой пароход «Ингода», который доставил их до Хабаровска, откуда поездка через Сибирь происходила обыкновенным способом и была уже мной описана.

Литература

1. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 3. – СПб.: Лейпциг, 1897. – 255 с.

Научная жизнь

СИНЕНКО Илья Юрьевич,

аспирант, ассистент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: sinenko63@mail.ru

Возвращение к истокам российско-американских отношений: «Диалог Форт-Росс»

19 октября 2015 года в г. Сан-Франциско (США, штат Калифорния) состоялось интересное и, учитывая нынешний политический контекст, отнюдь не тривиальное событие – конференция, посвящённая проблематике российско-американских отношений (в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе) «Диалог Форт-Росс» (англ. Fort Ross Dialogue). Название мероприятия, равно как и место его проведения, несут в себе серьёзный символический характер. Форт-Росс¹ – едва ли не единственный сохранившийся до наших дней исторический памятник, напоминающий о некогда обширном присутствии России в Северной Америке.

¹ Имеет смысл сказать, что Форт-Росс – форма названия, устоявшаяся в современной русской литературе, но не являющаяся корректной с исторической точки зрения. Русские основатели именовали это поселение Крепостью Росс. Однако для удобства читателей в данной статье употребляется современный вариант.

Форт-Росс был основан торговыми колонистами Российско-Американской компании (РАК) в 1812 году. Крепость оказалась в итоге самым южным русским пунктом на североамериканском континенте. Судьба поселения сложилась довольно противоречиво, подобно судьбе всей «Русской Америки». Форт с самого начала оказался убыточным, так до конца и не оправдав возложенных на него экономических надежд. В 1841 году РАК продала поселение и прилегающую к нему территорию крупному предпринимателю Джону Саттеру, ставшему ведущим землевладельцем в Калифорнии. После этого на протяжении столетия с небольшим Форт сменил нескольких владельцев, оказавшись в конце концов в собственности властей штата Калифорния, а также пережил сильнейшее землетрясение 1906 г. и пожар в 1970 г. Будучи фактически полностью разрушенным, Форт-Росс остался «предоставленным самому себе». Изменилась ситуация только в 1976 году, с учреждением некоммерческой организации Fort Ross Conservancy (FRC). Именно под патронажем этого объединения Форт начал своё возрождение. Провозгласив главными задачами реализацию программ по изучению наследия памятника, а также обеспечение сохранности его объектов, представляющих историческую ценность, FRC смог сберечь Форт-Росс в годы разгара Холодной войны, когда о поддержке комплекса со стороны СССР не могло идти и речи. Тем удивительнее, насколько бережно эти люди (американцы, к тому же не имеющие никакого отношения к русской эмиграции, при этом действующие фактически на общественных началах) хранили и продолжают до сих пор хранить память о самой южной точке российских американских владений (см. Рис. 1). В последнее время объединение ежегодно проводит несколько десятков мероприятий, отражающих прежде всего тематику традиционной русской культуры. Венцом же этой работы является международная конференция «Диалог Форт-Росс».

Форум проводится уже в четвёртый раз силами FRC при спонсорстве таких крупных российских и американских компаний как Транснефть, Совкомфлот, Ренова и Chevron. Руководители этих компаний регулярно заявляют о своей приверженности духу сохранения российского культурного наследия в США, что в частности в ходе торжественного приёма по случаю открытия конференции 2015 года подтвердил вице-президент Транснефти Михаил Маргелов. Между тем, как уже было отмечено выше, на сегодняшний день «Диалог Форт-Росс» остался фактически единственной площадкой для свободного обмена мнениями представителей двух стран на американской земле¹, не отягощённой сложностями политического и пропагандистского характера.

В этот раз конференция объединила в своих рядах более полусотни делегатов и слушателей, среди которых специалисты-историки и политологи, представители ведущих энергетических компаний двух стран, политики и представители российской дипломатической миссии в Вашингтоне, а также студенты и молодые учёные из России и США. Работа конференции была разделена на тематические секции, в рамках которых был затронут широкий спектр проблем. «Посланники» от бизнеса в лице компаний-спонсоров мероприятия обсудили вопросы энергетической индустрии в АТР. Хотя в перечень американских санкций входит в том числе и запрет на экспорт новых высоких технологий в российский энергетический сектор, что делает крайне затруднительным взаимное сотрудничество корпораций двух стран, докладчики от наших компаний в рамках своих презентаций не ограничились только описанием текущего положения дел. Многие новые перспективные проекты (такие как, например, Каспийский трубопроводный консорциум, главными акционерами которого являются Транснефть и Chevron) вызвали среди американской аудитории оживлённую дискуссию.

Представители академического сообщества рассуждали о путях, которыми можно активизировать сотрудничество между образова-

Рис. 1. Восстановленный Форт-Росс. Из архива автора.

¹ Возможно, наряду с российско-американской конференцией в Дартмутском колледже, входящем в знаменитую «Лигу плюща».

Рис. 2. Оглашение итоговой резолюции. На фото – И. Синенко, ассистент кафедры международных отношений ДВФУ, и И. Комаров, представитель Американо-Российского Делового Совета. Из архива автора.

тельными организациями по обе стороны Тихого океана. Историки же говорили о прошлом и настоящем российских связей с Форт-Россом: о пользе изучения опыта транстихоокеанской торговли XIX века в наши дни (и о том, как это может пригодиться в продвижении современных региональных интеграционных процессов). Ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Александр Петров изложил в своём докладе содержание новых архивных документов, проливающих свет на быт и организацию порядка в крепости, в частности на роль Русской Православной Церкви в жизни поселенцев Форта и её полномочия по сохранению достойного нравственного облика российских подданных на новых землях. Настоящим украшением конференции стала презентация проекта специалистов Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (НГАХА) «Виртуальный Форт-Росс»: полная 3D-реконструкция оригинального образа укрепления в XIX веке, позволяющая путешествовать по нему буквально от первого лица. Как оригинально заметил в своём выступлении доцент НГАХА Александр Молодин, из этого проекта можно сделать смелый старт-ап для компьютерной игры, лишь добавив к нему оригинальный квест.

Изюминкой же конференции 2015 года стал впервые проведённый в её рамках «Форум будущих поколений» (*orig. англ. Next Generation Forum*), участниками которого стали 20 молодых людей и девушек из разных уголков России, Соединённых Штатов и даже Китая. Делегатам, среди которых были как студенты, так и аспиранты и молодые учёные, предстояло в ходе групповых дискуссий за общим круглым столом найти ответы на самые насущные вопросы современных российско-американских отношений. Более того, результаты обсужде-

ния не остались достоянием, как это обычно бывает в подобных случаях, только участников беседы. По её итогам группы сформировали программное заявление (своеобразное коммюнике), которое затем двое лучших делегатов (по одному представителю от России и США) презентовали перед «большой» аудиторией участников и слушателей конференции (см. Рис. 2). Модераторами круглого стола выступили исполнительный директор Института Кеннана при Международном центре Вудро Вильсона (одного из ведущих американских научно-исследовательских центров по изучению России) Мэттью Рожански и представитель Америко-Российского Делового Совета Илья Комаров.

Дискутанты выделили ряд ключевых вопросов нынешних двусторонних отношений России и США.

Проблемы геополитического измерения. Государствам жизненно необходимо прийти к единому мнению о том, какова же глобальная мировая система, одно- или многополярная, и как Россия и США могут в ней эффективно взаимодействовать. Более того, и российские, и американские участники сошлись во мнении, что США совершают стратегическую ошибку, не просто ухудшая отношения с Россией, а демонстративно «отворачиваясь» от неё. Не претендующая на гегемонистский статус Россия выглядит для Америки более надёжным партнёром, чем выигрывающий от разыгрываемого пока сценария Китай, претендующий на роль равнозначной Вашингтону державы в мировой системе. Развитие двусторонних отношений может сдвинуться с места, если США осознают, что Россия в отличие от СССР не имеет глобального проекта переустройства мира, а только настаивает на учёте её интересов как одного из центров силы, включая особые интересы на постсоветском пространстве.

- ♦ *Проблемы в сфере безопасности.* Среди таковых разногласия по кризисным точкам мировой системы – прежде всего, Украине и Сирии. Очевидно, что Ялтинско-Потсдамская система, сформированная по итогам Второй мировой войны, перестала определять поведение государств на международной арене, особенно в условиях серьёзных конфликтов. Современную же систему правил можно охарактеризовать как «систему двойных стандартов», которую формируют США и не может до конца понять Россия. В данных условиях главной угрозой международной безопасности становится тот факт, что к схожим ситуациям могут применяться разные юридические и политические трактовки в зависимости от конъюнктурных соображений.
- ♦ *Различия культурных ценностей и их восприятия.* В данном блоке проблем ключевое внимание было обращено на различие моделей управления в двух государствах, их политических систем (в частности на ошибочное мнение Вашингтона, что политика России по отношению к США может полностью определяться исключительно отношением Президента РФ, без учёта интересов политического истеблишмента и элит), а также вопрос ценностей (является ли это непреодолимым препятствием для налаживания сотрудничества) и роль национальных стереотипов, провоцирующую недопонимание и недоверие друг к другу простых граждан двух государств.
- ♦ В качестве рекомендаций для политических деятелей молодые

учёные выдвинули такие идеи, как поощрение государственными структурами двух стран расширения диалога не только на высшем государственном уровне, но и среди иных влиятельных кругов (бизнес, гуманитарные фонды), расширение студенческих обменных программ (причём не только между РФ и США, но и в третьих странах – для формирования более тесных личных связей молодых лидеров, что впоследствии сведёт на нет политику односторонних санкций, осложняющую в том числе и нынешние отношения России и США), пересмотр преподавания истории в системе образования США для отражения реального вклада России в ключевые мировые события, такие, как победа во Второй мировой войне, освоение космоса и т. д.

Конференция прошла на высоком научном и представительном уровне. Участие представителей самых разных родов деятельности двух стран – учёных, предпринимателей, политиков и дипломатов – позволило составить полноценную, «объёмную» картину всего того комплекса проблем и возможностей, которые и составляют основу российско-американских отношений на данном историческом этапе. Совершенно очевидно, что в условиях напряжённого состояния двустороннего диалога подобное мероприятие необходимо, причём ему следует придать регулярный характер. Как совершенно справедливо заметил в своём вступительном слове главный «спикер» с нашей стороны – экс-министр культуры, а ныне специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой, «Форт-Росс является важным символом российско-американских отношений в исторической перспективе, и полезно помнить, что в этой истории именно Российская империя – традиционно укладное, монархическое государство – была одной из немногих, кто поддерживал американскую революцию». То есть совсем необязательно быть абсолютно похожими друг на друга, чтобы при этом проводить обоюдодоприемлемую и конструктивную политику. В дополнение к этому нельзя не отметить, что всё же хорошо, когда после стольких исторических событий, произошедших в российско-американских отношениях и сказавшихся на них не лучшим образом, у нас есть возможность вернуться «в начало», и олицетворением этого начала может и должен быть исторический парк Форт-Росс.

На книжную полку востоковеда

Овчинников В. В. Дальневосточные соседи / В. В. Овчинников. – М.: АСТ, 2015. – 416 с. ISBN: 9785170923595

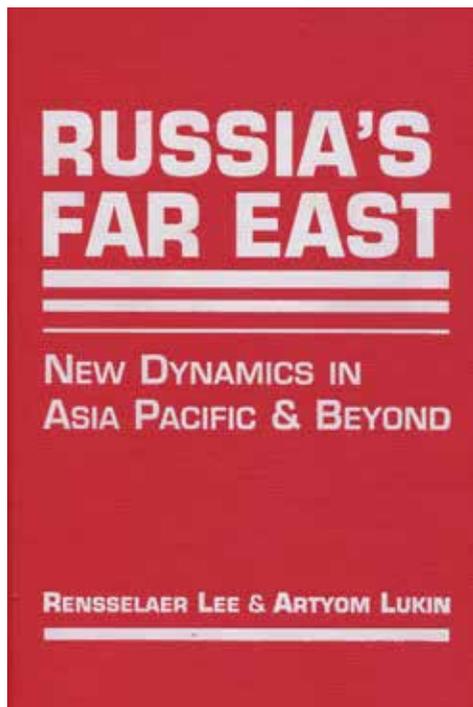
Книга «Дальневосточные соседи» – рассказ автора о том, как он попал в профессию, как стал востоковедом, как из мальчишки, пережившего блокаду Ленинграда, превратился в известного журналиста-международника. Он рассказывает читателям о том, как наши дальневосточные соседи – Китай и Япония – сумели совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность. Задача журналиста в том, чтобы донести до своих читателей информацию, которая сделает людей зорче и мудрее, просвещеннее и добрее, а главное, терпимее по отношению к другим народам.

Анча Д. А. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории / Д. А. Анча, Н. Г. Мизь. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 312 с. ISBN 978-5-8044-1539-7

Книга посвящена китайской диаспоре Владивостока и освещает её жизнедеятельность в течение семидесяти лет: с начала 1870-х годов до 1938 года – времени массового выселения китайцев с территории Дальнего Востока. Даны сведения об участии китайцев в местной торгово-промышленной сфере, строительной отрасли, транспорте и т. д. Китайские рабочие участвовали в строительстве железной дороги и вокзала, портов, Триумфальной арки, почтово-телеграфной конторы, доходных домов. Владивостокской крепости. Рассказывается о китайском квартале «Миллионка» во Владивостоке, об общественной и религиозной жизни китайцев, об особенностях получения медицинских услуг. Но были и негативные стороны: притоны опиекурения, морфия. В 1936 году «Миллионку» ликвидировали, китайцев выселили. Отдельная глава рассказывает о религиозной жизни, о праздниках и развлечениях китайцев во Владивостоке. Книга дополнена фотографиями.

Lee R. Russia's Far East: New Dynamics in Asia Pacific and Beyond / R. Lee, A. Lukin. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2016. – 276 p. ISBN: 978-1-62637-389-1

The strategically pivotal Russian Far East — a vast expanse stretching from Lake Baikal to the Pacific Ocean—is notable not only for its rich natural resources, but also for the economic challenges, internal dissent, and risks of foreign encroachment that it faces. Rensselaer Lee and Artyom Lukin explore the history, economics, and politics of the RFE in the context of its geopolitical significance both regionally and internationally.

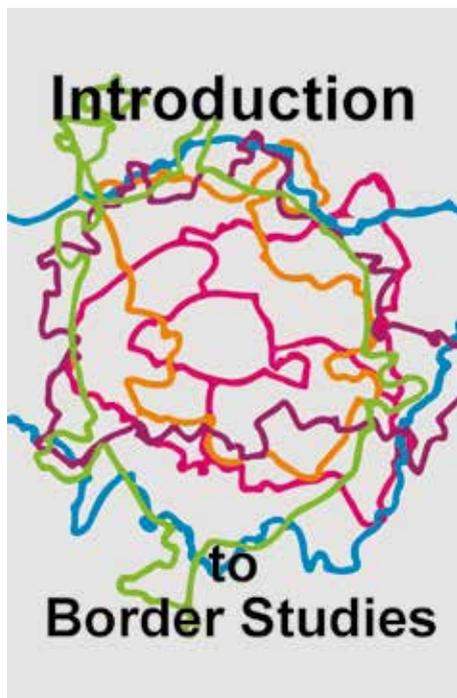
Lee and Lukin address questions that have become increasingly important in current global politics: What are the implications, for example, of Russia's growing economic dependence on China? Could the emerging Sino-Russian entente result in the RFE becoming a de facto appendage of the PRC? To what extent is Moscow willing, or able, to strengthen its links to its neighbors other than China? Can Russia

and the US act in partnership to further their common interests in the region? As they suggest answers, the authors shed much-needed light on a previously understudied topic.

Introduction to Border Studies / edited by Sergei V. Sevastianov, Jussi P. Laine, and Anton A. Kireev. – Vladivostok: Dalnauka, 2015. – 400 p. ISBN 978-5-8044-1579-3

Textbook, prepared by an international team of authors, represents the first systematic attempt to cover in training purposes such a vast subject area of modern scientific knowledge as border studies. Chapters of the book tell the history of the development of border studies and their methodologies, the essence and variety of types of social boundaries, transborder relations and related regional processes, specificity of border and transborder policies. One section of the textbook provides an overview of the condition and functioning of state borders in all major regions of the world.

The publication is intended for students studying problems of social boundaries, as well as for researchers and practitioners, all those whose interests are related to this scientific field.

Annotated Contents. The Issue Theme: Russian Far East at the East Asia Crossroads

Oriental Institute: the Past and the Present

Dmitriy A. BUTYRIN,

Ph. D. (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Journalism and Publishing, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: www1979@mail.ru

UDC 93/94.39

Censor from the Oriental Institute

Pp. 4–12

Newspapers, the Oriental Institute, Russian censorship, Japan, the Japanese language

The article is devoted to Eugene G. Spalvin, Professor of the Department of Japanese Literature, Oriental Institute, and the author of unique teaching materials on the Japanese language. At the beginning of the 20th century, the General Administration of Press asked the Office of the Amur Region's Governor General to entrust the Board of the Oriental Institute with the task of censoring publications in Oriental and European languages, which later was successfully implemented for several years. E. G. Spalvin and his colleagues were engaged in censorial work and analysis of readership. The professors' reports contained a lot of information on foreigners living on the territory of the Russian Far East. The Censorship Department of the Oriental Institute headed by E. G. Spalvin practised censorship of Japanese newspapers, which often contained negative publications about the Russian Empire and were not always desirable to enter the territory of Russia. After the beginning of the Russo-Japanese War (1904), the Censorship Department of the Oriental Institute ceased to function.

References

1. Berezina V. G. Tsenzura o tsenzure (A. V. Nikitenko i ego «Dnevnik») // *Russkaya literatura*. 1996. № 1 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/THEME/STOP/NIKI.HTM> [Data obrashheniya: 22.12.2015].
2. Vysochajshee povelenie // Vladivostok. 1899. № 44. 31 oktyabrya.
3. ZHirkov G. V. Istoriya tsenzury v Rossii XIX – XX vv. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsetzuraHistory/library_view_bookea11.html?bid=79&chapter_num=20 [Data obrashheniya: 22.12.2015].
4. Patrusheva N. G. Istoriya tsenzurnykh uchrezhdenij v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH veka // *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka*. Sb. nauch. tr. Vyp. 10. – SPb., 2000.
5. Spasibo na dobrom slove // Vladivostok. 1899. № 51. 19 dekabrya.

S. 8–10.

6. KHronika // Vladivostok. 1902. № 35. 25 avgusta. S. 1–2

7. KHronika // Vladivostok. 1902. № 10. 5 maya. S. 3.

8. KHisamutdinov A. «Voz'mi prosveshhyonogo uchitelya»: E. G. Spal'vin // Vlast' knigi: Al'manakh. – 2002. – № 3.

9. SHishov. A. V. Neizvestnye stranitsy russko-yaponskoj vojny. 1904–1905 gg. [EHlektronnyj resurs]: URL: http://militera.lib.ru/research/shishov_av08/shishov_av08.html [Data obrashheniya: 20.12.2015].

Society

Vadim L. AGAPOV,

Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Journalism and Publishing, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia); Doctoral of Russian history and archival science Department, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: agapov_vl@mail.ru

UDC 94(571.6)

Pp. 13–25

Counselor Undrits and Chinese Merchants

Russian Empire, Vladivostok, Yellow Peril, bureaucracy, corruption, G. G. von Undrits, V. I. Lodyzhenskiy, N. L. Gondatti

The article deals with the life of Gustav von Undrits, a graduate of the Oriental Institute (1909), a Russian officer who participated in three wars including the suppression of the Boxer Rebellion (1900), Russo-Japanese War (1904–1905), and World War I. On the eve of World War I the protagonist served as the Head of the 4th Department of the Primorsky regional government (1911–1914) and enjoyed the patronage of the Governor. According to the unpublished documents held by the Russian State Historical Archive of the Far East, he took advantage of his official position and organized a system of unlawful tribute collection from the Chinese and Jewish communities of Vladivostok. Together with his friends, including the vice-governor Lodyzhenskiy, he visited the restaurants and cafe-shantants intimidating the owners not to pay for their services. The article shows the conflict between Undrits and the prominent representatives of the Chinese diaspora including the criminal part of them, which ended up with the dismissal of the official suspected of corruption and abuse of office. For the first time the article provides information about his further service during World War I.

References

1. Agapov V. L. «Maks Linder na ehkrane Vladivostoka»: rossijskaya pressa o dal'nevostochnom voyazhe vitse-gubernatora V. I. Lodyzhenskogo (1912–1914 gg.) // Novyj istoricheskij vestnik. 2014. № 4 (42). S. 127–148.

2. Buyakov A. M. Ofitsery-vypuskniki Vostochnogo instituta: gody i sud'by // Izvestiya Vostochnogo instituta. 1999. № 5. S. 97–116.
3. Delo o vyselenii I-fu-Guya // Ussurijskaya okraina. 1911. № 180. 26 avgusta. S. 2.
4. Kovalevskaya YU. N. «Silovoe predprinimatel'stvo» chinovnikov v istoricheskoy retrospektive // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsilivizatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee (Sed'mye krushanovskie chteniya, 2011). Vladivostok: Dal'nauka, 2013. S. 38–42.
5. Kovalevskaya YU. N. CHinovniki Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX veka). Saarbrucken: Lambert, 2011.
6. Poznyak T. Z. «Aziatskie kvartaly» Vladivostoka i korruptsiya politicii v nachale XX v. // Vladivostok: istoriya i sovremennost'. Mat. nauchno-prakt. konf., posvyashhyonnoj 150-letiyu Vladivostoka. 19 aprelya 2010 g. Vladivostok, 2011. S. 100–108.
7. Poznyak T. Z. Kitajskie immigranty i prinimayushhee obshhestvo: paradoksy mezhkul'turnogo vzaimodejstviya na rossijskom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Problemy mezhehtnicheskogo vzaimodejstviya na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. nauch. tr. po itogam raboty regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 23–24 sentyabrya 2011 g. Khabarovsk: Izd-vo DVGGU, 2011. S. 33–40.
8. Poznyak T. Z. Kitajskie immigranty i korrumpirovannost' chinovnikov na rossijskom Dal'nem Vostoke v nachale XX veka // Ojkumena. 2011. № 3 (18). S. 80–89.
9. Sukhacheva G. A. Obitateli «Millionki» i drugie: deyatel'nost' tajnykh kitajskikh obshhestv vo Vladivostoke v kontse XIX – nach. XX vv. // Rossiya i ATR. 1993. № 31. S. 62–70.
10. KHronika // Tekushhij den'. 1914. № 840. 29 yanv.
11. KHronika. Ispravlenie // Tekushhij den'. 1914. № 841. 30 yanv.

Elena A. LYKOVA,

*Ph. D. (History), Professor of Russian History and Archival Science Department, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: Lykov-k-k@yandex.ru*

UDC 94(470-571.63.)

The «Korean question» in the agrarian policy of the Soviet state in the Far East in the 1920-1930-ies

Pp. 26–32

Korean immigrants, Far East village, peculiarities of land use, relationship with the Soviet regime, land management, national identity, Korean agricultural culture, collectivization, deportation

The article reveals the causes of the «Korean question» in the Far Eastern village in the environment of the resettlement policy conducted by the Imperial government in the second half of 19th – early 20th centuries. The focus is laid upon the inconsistency of actions on the part of the local

authorities towards Korean immigrants. In the 1920-ies the solution of the «Korean question» was implemented by the Soviet state in the process of restructuring land relations on the basis of the Land Code of the RSFSR, with regional peculiarities taken into account. The Korean colonization can be defined as agricultural, for which it was peculiar to resettle with whole families, driven by the desire to settle firmly on the ground, to form mono-ethnic settlements, and to preserve their culture. In practice, in the solution of the «Korean question» the regional authorities were guided by the principle of usefulness of the land tenure systems and agricultural economy of Koreans for the economic development of the region. However, the Soviets had to face the fact that over 70% of Koreans in Primorye were legally employed under Japanese citizenship. This had a significant impact on the situation around the Korean community. In the 1930s the Far Eastern Koreans were the first of all the peoples of the USSR who experienced the hardships of deportation.

References

1. Kuzin A. T. Dal'nevostochnye korejtsy: ZHizn' i tragediya sud'by. – YUzhno-Sakhalinsk: Dal'nevostochnoe knizhnoe izd-vo. Sakhalinskoe otdelenie. 1993. – 367 s.
2. Petrov A. Korejtsy i ikh znachenie v ehkonomie Dal'nevostochnogo kraja // Severnaya Aziya. 1929. № 1. S. 45–54.
3. Rajony Dal'nevostochnogo kraja (bez Kamchatki i Sakhalina). – Khabarovsk: «Knizhnoe delo», 1931. – 320 s.
4. Toropov A. A. Kratkij perechen' dokumentov Rossijskogo Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka o rossijsko-korejskikh otnosheniyakh (1860–1931 gg.) // Korejtsy na Rossijskom Dal'nem Vostoke: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. – Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1999. – S. 70–76.

Culture

Lydia E. FETISOVA,

*Ph. D. (Philology), Leading Researcher, Center of Culture History and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: lefet@yandex.ru*

UDC 398.22 (=571.6)

Pp. 33–39

The narrative folklore of Tungusic peoples in the light of ethno-cultural contacts

Far East, Tungus-speaking peoples, the Manchus, narrative folklore, genre structure, ethnic and cultural traditions, the area of distribution, cross-cultural interaction

The article discusses the genre structure of narrative folklore, specific to the Tungus-speaking peoples of the Southern Group (the Nanaians, the Ulchis, the Oroks-Uilta, and the Orochis). It reveals both its genetic commonality and specificity of the oral-poetic heritage belonging to different ethnic groups, due to their interaction with the culture of the neighboring peoples, primarily the Manchu. The author concludes that the external factors stimulated the enrichment of the genre and the thematic variety of the folklore traditions characteristic of the indigenous people of the Far East; however, borrowing from the culture of the southern neighbors was quite selective. The artistic interpretation of the alien realities contributed to creating their own original works, affirming the spiritual values of the traditional society. According to the author, social inequality was categorically assessed in negative terms. Negative characteristics were honed by the artistic consciousness thus reaching the domain of folklore tradition that held high educational value for nonliterate peoples.

References

1. Avrorin V. A., Lebedeva E. P. Orochskie teksty i slovar'. – L.: Nauka, 1978. – 264 s.
2. Bereznijskij S. V. EHtnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennykh narodov amuro-sachalinskogo regiona. – Vladivostok: Dal'nauka, 2003. – 486 s.
3. Val'dyu A. [L.] Skazki babushki Lajgi. – Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, 1976. – 96 s.
4. Zolotaryov A. M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej. – Khabarovsk: Dal'giz, 1939. – 207 s.
5. Kile N. B. Fol'klornoe nasledie nanajtsev // Traditsii i sovremennost' v kul'ture narodov Dal'nego Vostoka. – Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1983. – S. 110–116.
6. Kuznetsov V. S. Nurkhatsi. – Novosibirsk: Nauka, 1985. – 192 s.
7. Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990. – 684 s.
8. Missonova L. I. Leksika ujl'ta kak istoriko-ehtnograficheskij istochnik. – M.: Nauka, 2013. – 334 s.
9. Mify narodov mira. EHntsiklopediya. – M.: Izd-vo «Sovetskaya ehntsiklopediya», 1982. T. 2. – 718 s.
10. Nanajskij fol'klor: ningman, siokhor, tehlungu. – Novosibirsk: Nauka, 1996. – 478 s.
11. Narody Dal'nego Vostoka SSSR v XVII – XX vv.: istoriko-ehtnograficheskie ocherki. – M.: Nauka, 1985. – 239 s.
12. Novik E. S. K tipologii zhanrov neskazozhnoj prozy Sibiri i Dal'nego Vostoka // Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Gorno-Altajsk, 1986. S. 36–48.
13. Orochskie skazki i mify. – Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1966. – 233 s.
14. Sem YU. A., Sem L. I., Sem T. YU. Materialy po traditsionnoj kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar'. – Vladivostok: Dal'nauka, 2011. – 156 s.
15. SHan'shina E. V. Mifologiya pervotvoreniya u tungusoyazychnykh narodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii: Opyt mifologicheskoy rekonstruktsii i obshhego analiza. – Vladivostok: Dal'nauka, 2000. – 157 s.

Vadim V. SONIN,

*Research Fellow, Department of Constitutional and Administrative Law, Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: vsonin@yahoo.com*

UDC 929

Pp. 40–48

Russian professors-emigrants in Chinese Tsinghua University (1930–1950s)

National Far Eastern University, Tsinghua, Shirokogorov, Gapanovich, emigrants

In the 1930s Tsinghua University in Beijing has become a haven for a number of Russian professors from National Far Eastern University. Among them was the famous anthropologist and author of the theory of ethnos Sergey Shirokogorov, who led in Tsinghua first scientific steps of Fei Xiaotong, future founder of Chinese Anthropology, who then had described his supervisor in his memoir article. Historian Ivan Gapanovich, a prominent political figure of Russian Far East, spent about 20 years in Tsinghua. A notable feature of Russian contribution to the scientific life of Tsinghua University was its social and humanitarian orientation. In contrast to European and American professors, many of whom had natural and technology courses, Russian emigrants taught World and Russian history, ethnography and anthropology, Russian language and literature, as well as music theory. The contribution of Russian professors to the formation of social sciences and humanities in Old Tsinghua retains its value till now.

References

1. Ermakova E.H. V. Lichnoe delo antropologa S. M. SHirokogorova v Rossijskom Gosudarstvennom Istoricheskom Arkhive Dal'nego Vostoka // SHirokogorovskie chteniya (problemy antropologii i ehtnologii). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. S. 10.
2. Kovalev M. Ot Peterburga do Kanberry: zhizn' i nauchnye trudy professora I. I. Gapanovicha // Acta Slavica Iaponica, Tomus 34.
3. Kuznetsov A. M. Sergej Mikhajlovich SHirokogorov na Dal'nem Vostoke // SHirokogorov S. M. Izbrannye raboty i materialy. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. S. 32–53
4. «Lun'yuj» (Izrecheniya), 1:1 / per. I. I. Semenenko // Konfutsij. Uroki mudrosti : Sochineniya. M.: EHksmo-press, 1999.
5. Sbornik issledovatel'skikh materialov arkhiva universiteta TSinkhua. Vyp. 7. «Vedomost' sotrudnikov TSinkhua (1926–1952 gg.)». Pekin: Tipografiya Arkhiva universiteta TSinkhua, 2010.
6. KHismutdinov A. A. Ivan Gapanovich – issledovatel' Severo-vostoka Rossii // Rossiya i ATR. 2000. № 1. S. 140–145.
7. SHirokogorov S. M. Izbrannye raboty i materialy. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001.
8. 何兆武: 《上学记》。北京: 三联书店出版社, 2006。KHeh

CHzhaou. Vospominaniya o godakh ucheniya. Pekin: Izd-vo «San'lyan' shudyan'», 2006.

9. 费孝通: 《人不知而不愠——缅怀史禄国老师》 // 《读书》。1994. 第4期。Fehj Syaotun. «Ne tot li blagoroden muzh, kto ne dosaduet, chto neizvesten lyudyam?»: vspominaya moego uchitelya SHi Lugo // «Dushu» (CHtenie knig). 1994. № 4.

10. 陈歆: 《二十世纪上半叶中国世界史学的建设——以北大、清华的世界是学科为考察对象》: 史学理论与历史专业硕士论文。上海华东师范大学, 2007. CHen' TSYun. Stanovlenie vsemirnoj istorii kak nauki v Kitae pervoj poloviny KHKH veka: na primere Pekinskogo universiteta i universiteta TSinkhua : diss. ... magistra teorii i istorii istoricheskoy nauki. SHankhaj: Vostochno-kitajskij pedagogicheskij universitet, 2007.

11. 《联大八年》 / 西南联大《除夕副刊》(编), 北京: 新星出版社出版, 2010. Vosem' let Ob»edinennogo universiteta. Pekin: Izd-vo «Sin'sin», 2010.

12. 史禄国: 满族的社会组织: 满族氏族组织研究 / (俄)史禄国著; 高丙中译。北京: 商务印刷馆, 1997. SHi Lugo (SHirokogorov S. M.). Obshhestvennaya organizatsiya man'chzhur / per. Gao Binchzhun. Pekin: Izd-vo «SHan»u In'shuaguan', 1997.

Erika V. OSIPOVA,

Ph. D. (History), Research Fellow, Center of Culture History and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

E-mail: eossipova@yandex.ru

UDC 7.067

Aspiring New Artistic Company Building Up Intercultural Relations (the Primorski Stage of State Academic Mariinsky Theatre as a Case)

Pp. 49–55

Intercultural communication, Primorski Stage of the Mariinsky Opera and Ballet Theatre, North-East Asia, concert tour, festival, art director, performer

This article covers certain practical aspects of intercultural communication within the sphere of theatrical arts, which we observed on the recently opened Primorsky Stage supervised by the State Academic Mariinsky Opera and Ballet Theatre. As specifically important the author sees the fact that Russian classical opera and ballet traditions are highly esteemed and considered appealing by the audience abroad, particularly around the Asia Pacific region. Gradually, the theatrical team gains creative and communicative experience, giving birth to new ideas and concepts, being involved in socializing with colleagues, touring, and other cultural activities aimed at promoting classical arts in the Pacific outposts of Russia, yet so far rarely having an occasion to do that abroad in a prominent way. With that in mind, the author attempts to analyze the dynamics behind the intercultural

relations of the newborn artistic group. One of the conclusions maintains that the energy of intercultural activity seems to be very dependent on the theater's acquired status.

References

1. Valerij Gergiev vo Vladivostoke: «V teatre nado mnogoe dodelyvat. S etoj zadachej ne spravitsya Anton Lubchenko» // VL. RU. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2015/12/06/142069/> [Data obrashheniya: 11.01.2016].
2. Vo Vladivostoke otkryli Teatr opery i baleta. Otkrytie priurocheno k 75-letiyu Primorskogo kraja // Okno v Rossiyu [EHlektronnyj resurs]. URL: http://windowrussia.ruvr.ru/2013_10_18/Vo-Vladivostoke-otkrili-Teatr-operi-i-baleta-8717 [Data obrashheniya: 22.06.2014].
3. Kochugov V. Primorskomu teatru propisali maehstro. KHudruk Mariinki obeshhal navesti poryadok na stsene i za kulisami // Vladivostok. Vladivostok, 2015. 10 dekabrya.
4. Sm. naprimer: Osipova EH.V. Teatry Dal'nego Vostoka Rossii i stran Azii: opyt tvorcheskikh kontaktov // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 2. S. 126–135.
5. Primorskij teatr opery i baleta: tajny zakulis'ya // Prima Media. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/primorye/03.12.2013/319531/konferentsiya-primorsky-teatr-operi-i-baleta-taini-zakulisya-start.html> [Data obrashheniya: 23.09.2015].
6. Primorskij teatr opery i baleta otpravilsya na gastroli v Sankt-Peterburg. Talant primortsev otsenyat zriteli Mariinskogo teatra // DEITA.RU [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://deita.ru:8080/news/culture/10.11.2015/5008173-primorskiy-teatr-opery-i-baleta-otpravilsya-na-gastroli-v-sankt-peterburg> [Data obrashheniya: 22.01.2016].
7. Primorskij teatr opery i baleta s 1 yanvarya stanet filialom Mariinskogo // VESTIPRIM.ru [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vestiprim.ru/2015/12/29/primorskiy-teatr-opery-i-baleta-stanet-primorskoy-scenoy-mariinskogo-teatra-s-1-yanvarya.html> [Data obrashheniya: 07.02.2016].
8. Solisty Primorskogo teatra opery i baleta uspeshno vystupili na gastrolyakh v Yaponii // Vesti: Primor'e. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vestiprim.ru/2013/12/06/solisty-primorskogo-teatra-opery-i-baleta-uspeshno-vystupili-na-gastrolyah-v-yaponii.html> [Data obrashheniya: 14.01.2014].
9. Solisty Mariinskogo teatra i Primorskoj stseny prigotovili podarok dlya poklonnikov baleta // OTV.PRIM.ru [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.otvprim.ru/society/primorskiy-kraj_02.02.2016_33574_solisty-mariinskogo-teatra-i-primorskoj-stseny-prigotovili-podarok-dlja-poklonnikov-baleta.html [Data obrashheniya: 07.02.2016].
10. KHranovskaya S. «Kul'turnoe okno v Aziyu» otkryli vo Vladivostoke //VL.AIF.RU [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vl.aif.ru/culture/1400313.05.12.2014> [Data obrashheniya: 01.02.2016].

Policy

Nikolay A. BUTENIN,

*Ph. D. (History), Associate Professor Department of Historical Education, School of Education, Far Eastern Federal University (Ussuriisk, Russia).
E-mail: inikbut@list.ru*

Nataliya D. BUTENINA,

*Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Historical Education, School of Education, Far Eastern Federal University (Ussuriisk, Russia).
E-mail: inikbut@list.ru*

UDC 94(47)«1914/19»:94(571.6)

«The German Card» in the political struggle in the Russian Far East (October 1917 – November 1918)

Pp. 56–66

World War I, Far Eastern home front, German factor, German bloc prisoners of war

The paper analyzes the influence of World War I on the political struggle in the Russian Far East in the beginning of the Civil War. The authors believe that for a long time after the Treaty of Brest-Litovsk was signed and even after the war ended in November 1918, this influence was quite significant. This created two divergent flows, namely: weariness from war and refusal to participate in it in any way versus readiness to solve any disputes by military power. The authors attempt to show the part that Germany's and its allies' former prisoners of war (POW) played in the Civil War and to discuss other factors pertaining to World War I. The authors found out that there was no mechanical separation of POWs of different nationalities into political camps of the Civil War in Russia. The Civil War led to a peculiar social transformation – by the end of it, the party of Bolsheviks-internationalists became the main protector of the national sovereignty. The authors aimed to use a systematic approach to evaluating the events of 1918-1920.

References

1. Abov A. Krest'yanstvo i kolchakovshhina // *Sibirskaya derevnya*. 1924. S. 2–9.
2. Avdeeva H. A., Krushanov A. I., Mukhachyov B. I., SHindyalov H. A. Vengerskie internatsionalisty boryutsya za Sovetskuyu vlast' na Dal'nem Vostoke // *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1917–1922 gg. – M.: Nauka, 1980. – S. 76 – 90;
3. Alekseev A. Interventsiya // *Sibirskaya sovetskaya ehntsiklopediya*. T. 2. – Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1931. Stb.283.
4. Andrushkevich N. A. Poslednyaya Rossiya. Vospominaniya o Dal'nem Vostoke [EHlektronnyj resurs]. URL.: <http://www.xx13.ru/kadeti/pomnim3.htm> [Data obrashheniya: 16.11.2012].
5. Belitskij S. M. K izucheniyu opyta grazhdanskoj vojny. 1918–1921

- gg. // *Grazhdanskaya vojna 1918–1921 gg.* T. 2 *Voennoe iskusstvo Krasnoj armii*. – M.: Izd-vo «Voennyj vestnik», 1928. – S. 399–419.
6. Bondarenko E. YU. *Inostrannye voennoplennye Pervoj i Vtoroj mirovykh vojn na Dal'nem Vostoke Rossii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2012. № 1. S. 43–47.
7. *Brestskij mir* // [EHlektronnyj resurs]. URL.: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180303brest.php [Data obrashheniya: 16.03.2014].
8. Golionko V. *Partiya i Sovety v Khabarovske za period 1917–1918 gg. // Dal'istpart. Vyp. 3*. – Vladivostok, 1925. S. 8–48.
9. Golichek V. *CHekhoslovatskoe vojsko v Rossii*. – Irkutsk: Izdanie informatsionnogo prosvetitel'skogo otdela CHekhoslovatskogo voennogo ministerstva, 1919. – 86 s.
10. Zuev V. N. *Uchastie vojsk Priamurskogo voennogo okruga v revolyutsionnykh sobytiyakh 1917 g. // Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i grazhdanskoj vojny*. Sb. nauch. statej. – Vladivostok. 1998. S. 33–47.
11. Ikonnikova T. YA. *Voennoplennye pervoj mirovoj na rossijskom Dal'nem Vostoke // Rossiya i ATR*. Vladivostok. 1999. № 1. S. 90–94.
12. Ikonnikova T. YA. *Politicheskie nastroeniya dal'nevostochnikov v 1917 g. // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*. 1993. S. 96–97.
13. Kerzhentsev V. *Soyuzniki i Rossiya*. – M.: Izd-vo VTSIK Sovetov R., S., K. i K. deputatov, 1918. – 80 s.
14. Krushanov A. I. *Oktyabr' na Dal'nem Vostoke. V 2-kh chastyakh. CH. 2. Pobeda Velikoj Oktyabr'skoj sotsialisticheskoy revolyutsii (mart 1917 – aprel' 1918 gg)*. – Vladivostok, 1969. – 180 s.
15. Ladygin I. V. *Kak srazhalas' revolyutsiya. «Drugaya» interventsija v Sibiri*. [EHlektronnyj resurs]. URL.: <http://www.novonikolaevsk.com/forum/viewtopic.php?f=19&t=1046> [Data obrashheniya: 16.03.2014].
16. Lisovskij P. *Na sluzhbe kapitala. EHsero-men'shevistskaya kontrrevolyutsiya*. – L.: Priboj, 1928. – 142 s.
17. Lobov A. *Internatsionalisty v grazhdanskoj vojne 1918–1922 // Obshh.-pol. zhurnal «Proryv»*. 2005. № 2 (12). [EHlektronnyj resurs]. URL.: http://www.proryv.ru/articles.shtml/lbov?intern_v_GV [Data obrashheniya: 16.03.2014].
18. Masarik T. G. *Mirovaya revolyutsiya. Vospominaniya. T. 1*. – Praga, 1926. – 239 s.
19. Nedbajlo B. N. *CHekhoslovatskij korpus v Rossii (1914–1920 gg. [EHlektronnyj resurs]: Dis. ... kand. ist. nauk*. – M.: RGB, 2005 (Iz fondov Rossijskoj Gosudarstvennoj biblioteki) URL.: http://scahi.ru/download/nedbailo_cheh_korpus.pdf [Data obrashheniya: 24.11.2012].
20. Parnyakov P. *O semyonovshhine*. – Irkutsk: Izd-vo TSentro-Sibir', 1918. – 18 s.
21. Petrov A. *Nasha ehkonomicheskaya zavisimost' // Velikij okean. Vladivostok*, 1919. № 2–3. S. 55–62.
22. *Polozheniya o zakonakh i obyčajakh vojny IV Gaagskoj konventsii 1907 g.* [EHlektronnyj resurs]. URL.: army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml [Data obrashheniya: 13.03.2014].
23. Prajsman L. G. *CHekhoslovatskij korpus v 1918 g. // Voprosy istorii*. 2012. № 5. S. 75–103; № 6. S. 54–76.
24. Rozenblyum D. *Sotsial'no-psihologicheskie osnovy bol'shevizma // Bol'sheviki u vlasti. Sotsial'no-politicheskie itogi Oktyabr'skogo perevorota*. Sb. statej. – M.: Izd-vo «Revolyutsionnaya mysl'», 1918. – S. 5–12.

25. Rossiya v pervoj mirovoj vojne: novye napravleniya v issledovanii. Sbornik obzorov i referatov. 2013. [EHlektronnyj resurs]. URL.: http://www.inion.ru/files/File/ww1_sbornik.pdf [Data obrashheniya: 03.03.2014].
26. Sakharov K. V. Belaya Sibir'. – Myunkhen, 1923. – 325 s.
27. Svyatitskij N. M. Reaktsiya i narodovlastie. (Ocherk sobytij na Vostoke Rossii). – M.: Narod, 1920. – 32 s.
28. Sergej Lazo. Vospominaniya i dokumenty. – M.: OGIZ «Istoriya grazhdanskoj vojny», 1938. – 218 s.
29. Sibirskij arkhiv. Prilozhenie k zhurnalu «Vol'naya Sibir'». – Praga: Izd-vo obshhestva sibiryakov v CHSR, 1929. – 48 s.
30. Slavyanofil. CHeshskie argonavty v Sibiri. – Tokio: Tipografiya: Tojo-Insatsu-Kabusiki-Kajsha, 1921. – 54 s.
31. Surzhikova N. V. Mifu Mif? Voennoplennye-internatsionalisty i Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii v zerkale sovetsoj istoriografii // Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii. Ural, Povolzh'e, Sibir', Dal'nij Vostok: Materialy Vseros. nauch. konf. Perm'. 25–26 noyabrya 2008 g. – Perm', 2008. [EHlektronnyj resurs]. URL.: <https://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetsoj-istoriografii.html> [Data obrashheniya: 31.01.2016].
32. CHerchil' V. Mirovoj krizis. – M.: Gosvoenizdat, 1932. – 328 s.
33. CHicherin G. V. Vneshnyaya politika Sovetskoj Rossii za dva goda. Ocherk, sostavlennyj k 2-letnej godovshhine raboche-krest'yanskoj revolyutsii. – M.: Gosizdat, 1920. – 32 s.
34. CHicherin G. V. Sta'ti i rechi po voprosam vneshnej politiki. – M.: Izd-vo sots.-ehk. lit-ry, 1961. – 516 s.
35. SHereshevskij B. M. O nekotorykh voprosakh uchastiya vengerskikh internatsionalistov v bor'be za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 // Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg. – M.: Nauka, 1980. – S. 228–237.

Aleksandr V. LAVRENTIEV,

*Ph. D. (History), Associate Professor, Department of State and Municipal Management and Law, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia).
E-mail: lavrist@list.ru*

UDC 94:656 (571.6)

The Russian Far East and the countries of Northeast Asia: some results, problems and prospects of transport cooperation *Pp. 67–74*

Transport, region, international relations, social and economic processes

The article analyzes the main trends in international transport cooperation in the Far Eastern borders. The conceptual aspects of the theory of a society in transition and transformation processes served as the methodological

basis for the analysis. The author considers government activities aimed at strengthening the capacity of the international transport of the Far East, and at creating a modern infrastructure for communications with neighboring countries. The research examines extensive international transportation projects implemented in the Russian Far East, indicating the totals on transport cooperation with the leading countries of the region (China, Japan, and Republic of Korea). The author reveals the negative outcomes associated with public-private partnership in the process of frontier posts formation. The main result of the research was in identifying systemic problems generated in the recent period of the Russian history. The attempts have been made to provide estimates for forecast assessments of external transport communications of the region under modern conditions of political and socio-economic changes.

References

1. Bardal' A. B. Transportnaya infrastruktura Dal'nego Vostoka: izmenenie usloviy dlya predpriyatij // EHKO. Vserossijskij ehkonomicheskij zhurnal. 2015. № 7. С. 35–51.
2. Bondarenko A. Na rubezhe. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2016/01/21/reg-dfo/granitsa.html> [Data obrashheniya: 30.01.2016].
3. Lavrent'ev A. V. Razvitie rossijsko-kitajskikh avtomobil'nykh soobshhenij: istoricheskij opyt i sovremennye tendentsii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 22–27.
4. Lavrent'ev A. V., Medvedeva L. M. Tendentsii razvitiya mezhdunarodnykh svyazey Rossii i ATR (2000–2012 gg.) // Klio. 2014. № 12. S. 74–80.
5. Garagozov D. Portovye osobyehkonomicheskie zony: vozmozhnye problemy sozdaniya i funktsionirovaniya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vegalex.ru/text/32240> [Data obrashheniya: 10.01.2015].
6. Larin V. L. Strategicheskie prioritety razvitiya Tikhookeanskoj Rossii / V. L. Larin // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 6. S. 18–27.
7. O svobodnom porte Vladivostok: feder. zakon ot 13. 07. 2015 № 212-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 29 (chast' I). st. 4338.
8. O sozdanii na territorii Khabarovskogo kraja portovoj osoboj ehkonomicheskoy zony: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31. 12. 2009 № 1185 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 2, st. 232.
9. O Strategii razvitiya zheleznodorozhnogo transporta v Rossijskoj Federatsii do 2030 goda (vmeste s Planom meropriyatij po realizatsii v 2008–2015 godakh Strategii razvitiya zheleznodorozhnogo transporta v Rossijskoj Federatsii do 2030 goda): rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.06.2008 № 877-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 29 (chast' II). st. 3537.
10. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya prigranichnykh territorij sub»ektov Rossijskoj Federatsii, vkhodyashhikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28. 10. 2015 № 2193-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 45, st. 6287.
11. Porty Dal'nego Vostoka: ZHeleznodorozhnaya udavka – na vzlete investitsij [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/09.02.2015/419899/porti-dalnego-vostoka-zheleznodorozhnaya-udavka-na-vzlete-investitsiy.html> [Data obrashheniya 10.08.2015].
12. Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstviya po sovmestnomu sozdaniyu ehkonomicheskogo poyasa shyolkovogo puti i morskogo

shyolkovogo puti XXI veka / Goskomitet po delam razvitiya i reform, Ministerstvo inostrannykh del i Ministerstvo kommertsii (izdano s sanktsii Gossoveta KNR) // Rossiya i ATR. 2015. № 3. S. 250–270.

13. Sazonov S. L., Kudryavtsev E. S., U TSzy Transportnaya sostavlyayushhaya proektov sopryazheniya Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza i «EHkonomicheskogo poyasa SHyolkovogo puti» // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015. № 2. С. 47–58.

14. Transport v Primorskoy krae. 2014. Stat. sbornik. Vladivostok: Primorskstat, 2015. 44 s.

Methods of Teaching

Kseniya G. SANINA,

*Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of languages of the Asia-Pacific region, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: sanina.kg@dvfu.ru*

Natalya V. BOCHKAROYVA,

*Senior Lecturer, Department of languages of the Asia-Pacific region, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: bochkareva.nv@dvfu.ru*

Methodology seminar «Extracurricular activity as a factor increasing students' motivation to study a second foreign language. The role of culture knowledge in teaching an oriental language as a second foreign language»

Pp. 75–81

Academic Reports

Olga N. DMITRIEVSKAYA,

Dmitry Dykov's granddaughter, pensioner, Far Eastern Polytechnic Institute named after Kuibyshev teacher (1970–1985) (Vladivostok, Russia).

Victor I. SHTUKA,

*Graduate Student, Institute of Automation and Control Processes, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: onslice@mail.ru*

UDC 929

The Vladivostok men's gymnasium teacher Dmitriy Dyukov. A biographical study (ending)¹

Pp. 82–93

Dmitry Dyukov, Vladivostok men's gymnasium, Oriental Institute, education, mathematics, biography

¹ The essay is prepared in memory of the 120th anniversary of the start of D. Dyukov's teaching.

The article is devoted to the activity of the teacher of mathematics at Vladivostok men's gymnasium of Oriental Institute, who trained a galaxy of outstanding students in 1900–1921.

References

1. Aleksandrovskaya L. V. Vladivostok: nachalo biografii. Ofitsial'nyj i neofitsial'nyj vzglyad: dokumental'no-istroicheskoe povestvovanie. – Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 2010. – 334 s.
2. Aleksandrovskaya L. V. Tikhookeanskaya trilogiya. Izd. 2-e, sokrashh. ispr. i dop. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Informatsionno-pravovoj tsentr, 2011. – 346 s.: fot.
3. Baubekova S. A. «Izvestiya Vostochnogo instituta» (nachalo XX veka): iz fondov bibliotek Vladivostoka: bibliograficheskij ukazatel' / Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, Nauchnaya biblioteka; avt.-sost. S. A. Baubekova; nauch. red. O. P. Elantseva, bibliogr. red. T. V. Polikarpova. – Vladivostok, 2014. – 171 s.
4. Daletskij P. A. Na sopkakh Man'chzhurii. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1956. – 1584 s.
5. ZHertvy politicheskogo terrora v SSSR (famili na bukvu «D») // Sajt Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial» [EHlektronnyj dokument] URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> [Data obrashheniya: 24.11.2015].
6. Kaliberova T. Vladivostok trebuet ruk... // Vladivostok. 2007. 6 iyulya. S. 22-23.
7. Kushnaryova T. K. YAnkovskie; otv. red. Sokolov. Primorskij gosudarstvennyj muzej im. V. K. Arsen'eva; Dal'nevostochnyj Arsen'evskij tsentr – Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2008. – 216 s.: il. [117].
8. Lyasota YU. L. Brat'ya Sibirtsevy. Povest'. – Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – 209 s.
9. Matveev. N. P. V pamyat' pyatidesyatiletiya osnovaniya Vladivostoka i prisoedineniya Ussurijskogo kraja / Sobr. N. P. Matveevym. – Vladivostok: Tipografiya gazety «Dalyokaya okraina», 1910. – 82 s.
10. Misho G. Istoriya krestovykh pokhodov. – Sankt-Peterburg, Moskva: Izdanie tovarishhestva M. O. Vol'f, 1884. – 229 s.
11. Nagishkin D. D. Serdtse Banevura. Roman. – M.: DOSAAF, 1987. – 605 s.
12. Osadchuk L. G. Imya N. V. Gogolya v istorii biblioteki i kul'turnykh protsessakh Primorskogo kraja / PGPB im. A. M. Gor'kogo; sost. L. G. Osadchuk. – Vladivostok, 2009. – 238 s., fot.
13. Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Primorskoj oblasti na 1896 god. – Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo Pravleniya, 1896. – 268 s.
14. Pamyatnaya knizhka Primorskoj oblasti na 1903 god. Izdanie Primorskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. – Vladivostok, 1903. – 254 s.
15. Pamyatnaya knizhka Primorskoj oblasti na 1908 god. Izdanie Primorskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. – Vladivostok, 1907. – 320 s.
16. Pribavlenie k pamyatnoj knizhke Primorskoj oblasti 1905 goda za 1906 god. – Vladivostok: b. i., 1906. – 284 s.
17. Sychyov P. A. U Tikhogo okeana. – Vladivostok: Dal'nevostochnoe

knizhnoe izdatel'stvo, 1968. – 686 s.

18. Titaev A. EHsperanto sluzhit miru // Dal'nij Vostok. 2003. № 6. S. 196–199.

19. Tovaropassazhirskij parokhod «Moskva» (vtoraya) // Sajt «RETROFLOT» [EHlektronnyj dokument] URL http://www.retrofлот.com/dobrovoljnyj_flot/tovaropassazhirskij_parohod_moskva_vtoraya.html [Data obrashheniya: 24.11.2015].

20. Fadeev A. A. ...Povest' nashej yunosti. – M.: Izdatel'stvo «Detskaya literatura», 1968. – 364 s.

21. Fadeev A. A. Poslednij iz udehge. – Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. – 542 s.

Marina S. BONDARENKO,

Student of International Relations Education Program, Oriental Institute-School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: bond.marina95@mail.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN,

Ph. D. (Political Science), Associate Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: zolivnik@mail.ru

UDC 327

The threat of the formation of pan-Islamic state in Southeast Asia

Pp. 94–98

Threat, pan-Islamic state, Salafi caliphate, Southeast Asia, terrorist organizations, radical groups, extremism, Islamic State

Forming regional order in Southeast Asia, based on cooperation and evolving integrational structures is challenged by the activity of extremist political groups that impacted on domestic issues of regional states as well as the architecture of international security. The article reviews the threat of the Salafi caliphate creation in Southeast Asia where radical Islamist groups extend their influence at the grassroots. In the article, the main reasons for the genesis and development of pan-Islamic ideology in the region and the impact of «Islamic State» on its expansion in the conditions of multicultural environment are analyzed. The tools the Southeast Asian countries apply to counteract extremism as well as the main negative consequences of the pan-Islamic state emergence for Asia-Pacific region are examined. The results highlight the significance to invigorate the strategic cooperation amongst the Southeast Asian countries on the prevention of terrorist and extremist threats including the use of non-military mechanisms.

References

1. Efimova L. M. Islamskij ehkstreizm v Indonezii // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. Vypusk KHVII. – M.: Institut Vostokovedeniya, 2011. – C. 90–105.
2. Zolotukhin I. N. Problema rokhindzha v regional'nom izmerenii // Obshhestvo i ehtnopolitika: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Novosibirsk, 24–26 sentyabrya 2015 g.: v 3 ch. – S. 231–235.
3. Islamskij ehkstreizm v YUgo-Vostochnoj Azii. Kratkij obzor osnovnykh ehkstreimistskikh organizatsij i ikh liderov v stranakh ASEAN // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russiancouncil.ru/extremism-asean> [Data obrashheniya: 18.01.2016].
4. Urlyapov V. F. Malajziya i problema yuga Filippin // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. Vypusk KHIV. – M.: Institut Vostokovedeniya, 2010. – C. 166–189.
5. Seriya vzryvov v Dzhakarte // RIA-novosti [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ria.ru/trend/jakarta_blasts_16012016/ [Data obrashheniya: 18.01.2016].
6. Beyond Bombings: The Islamic State in Southeast Asia // The Diplomat [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/beyond-the-bombings-assessing-the-islamic-state-threat-in-southeast-asia/> [Data obrashheniya: 23.01.2016].
7. Islamic State Eyes Asia Base in 2016 in Philippines, Indonesia: Expert // The Diplomat [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/islamic-state-eyes-asia-base-in-2016-in-philippines-indonesia-expert/> [Data obrashheniya: 23.01.2016].

OIJ Club

Anatolij M. Kuznetsov,

*Ph. D. (History), Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru*

UDC 303.01.304.2,792

Pp. 99–114

In search of wholeness, or Notes of a scientist from margins of international cooperation in the Asia-Pacific in sphere of arts

Anthropology, integral unit, methodology, mutual understanding, interdisciplinary approach, art of theater, L. I. Anisimov

Some issues of the problem of integral perception of the world in science and art are described in this paper on a case study connected with work in Japan on the basis of system of Stanislavsky of a Russian director Leonid Anisimov. It was concluded that, despite of declared development of interdisciplinary (polydisciplinary) researches, in the science the serious

problem of formation of the foundations for carrying out of interdisciplinary synthesis is kept. At the same time, as it was shown also in Anisimov's case, art could realize complete representation of these problems. The conclusion about necessity of the scientific analysis of means of achievement by art of such results therefore is offered. Another actual field of researches for preparing a real synthesis of separate disciplines is introduction of the anthropological approach and the study of real mechanisms of cognitive activity in a science and art.

References

1. Gromyko YU. V. Antropologiya politicheskoy identichnosti. – M.: ARKTI, 2006. – 400 s.
2. Doklad YU. V. Gromyko // Materialy mezhdunarodnoj konferentsii «Obrazovanie i soobshhestva» (aprel' 2008). [EHlektronnyj resurs] URL: www.mifs.ru/article/index.php?id_article=534&p=8 [Data obrashheniya: 18. 03. 2015].
3. Kuznetsov A. M. Politicheskaya, obshhestvenno-politicheskaya sistemy i nekotorye voprosy ikh reformirovaniya // Aziatsko-Tikhookeanskiy region. EHkonomika. Politika. Pravo. 2012. № 1. S. 84–95.
4. Kuznetsov A. M. Teoriya ehtnosa S. M. SHirokogorova // EHtnograficheskoe obozrenie. 2006. № 3. S. 57–71 Perevedeno: Chapter 2. S. M. Shirokogoroff's Theory of ETHNOS // Archaeological Invisibility and Forgotten Knowledge. Conference Proceedings. – Łódź, Poland, 5th–7th September, 2007/ Edited by Karen Hardy, BAR International Series 2183, 2010. BAR – Rr. 23–32.
5. Kuznetsov A. M. CHElovek v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: dan' vremeni ili neobkhodimaya transformatsiya paradigmy? // Politicheskaya kontseptologiya. 2013. № 2. S. 218–229.
6. Kuznetsov A. M. EHtnos i natsiya v usloviyakh postsovremennosti (Teoriya ehtnosa S. M. SHirokogorova i eyo znachenie dlya neklassicheskoy nauki) // EHtnos i natsiya v usloviyakh globalizatsii: opyt i pretsedenty ATR. Materialy III SHirokogorovskikh chtenij. – Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. – S. 16–76.
7. Otokhiko Kaga. Prigovor. – M.: Giperion, 2014. – 864 s.

Archive

Liudmila E. KORNILOVA,

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Philology, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: ludmilakornilova@mail.ru

UDC 93

**Visit of the Crown Prince Nicholai to Vladivostok
(Fragments from Peter Unterberger's Memoirs,
translated from German into Russian)**

Pp. 115–123

Crown Prince Nicolai Aleksandrovich, Vladivostok, Peter Unterberger

Military governor Paul Unterberger is well-known in Vladivostok while the name of his son Peter Unterberger is unfamiliar to most people. However, it was Peter who left an important legacy – his memoirs titled «In Between Two Cultures. Observations, Reflections and Memories of Peter Unterberger (1881–1960)», courtesy of his granddaughter Erika Unterberger who lives in Gmunden, Austria. After her visit to Vladivostok in 2010, Erika provided us with a copy of the memoirs and a great number of photographs for translation and publication. These pieces of writing give us a chance to look into Unterberger family's life as well as the history of Vladivostok and Russia. Moreover, they are a truly absorbing read, written with talent and wit. This year marks the 125th anniversary of the visit of Tsesarevich Nikolai (Nicholas II to-be) to Vladivostok and we believe that the fragments describing this remarkable event would be the right choice to introduce the reader to the memoirs. Translation of some extracts from Peter Unterberger's memoirs into Russian is now published for the first time.

References

1. Ukhtomskij EH. EH. Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha, 1890–1891. T. 3. – SPb.: Lejptsig, 1897. – 255 s.

Scientific Life

Pp. 124–128

Илья Ю. SINENKO,

*Graduate Student, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: sinenko63@mail.ru*

Return to the Origins of Russian-American Relations: «Fort Ross Dialogue»

Сведения о членах редакционной коллегии

ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА

- 1 Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, заместитель директора по учебной и воспитательной работе ВИ – ШРМИ ДВФУ, профессор кафедры китаеведения ВИ – ШРМИ ДВФУ (и. о. главного редактора).
- 2 Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ – ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ – ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора).
- 3 Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ – ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор).
- 4 Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук ДВФУ.
- 5 Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 6 Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, вед. научный сотр. Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
- 7 Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 8 Кузнецов Владимир Сергеевич, канд. экон. наук.
- 9 Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, директор Юридической школы ДВФУ.
- 10 Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор ист. наук, директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
- 11 Лебедев Мария Григорьевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 12 Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 13 Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 14 Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 15 Николаенко Валерий Дмитриевич, доктор полит. наук, профессор кафедры дипломатии и внешней политики России Дипломатической Академии МИД РФ
- 16 Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 17 Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Школы гуманитарных наук ДВФУ.
- 18 Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры истории и социально-политических дисциплин Смольного института Российской академии образования.
- 19 Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 20 Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ – ШРМИ ДВФУ.
- 21 Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор каф. русского языка и литературы ВИ – ШРМИ ДВФУ.

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

Авторам

Научный журнал «Известия Восточного института» посвящен проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Журнал является преемником одноименного периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей. Журнал выходит четыре раза в год.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ◆ Политика
- ◆ Социум
- ◆ Культура
- ◆ Лингвистика
- ◆ Рецензии
- ◆ Научная жизнь

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Известия Восточного института», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

- 03.00.00 История. Исторические науки
- 04.00.00 Социология
- 11.00.00 Политика. Политические науки
- 13.00.00 Культура. Культурология
- 23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов
- 26.00.00 Комплексные проблемы общественных наук

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Статьи, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLibrary. ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 29 мая 2009 г.

Требования к направляемому в редакцию материалам

- 1 Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
- 2 Файл не должен содержать специальных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы «ё» обязательна.
- 3 Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- 4 Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
- 5 Объем присылаемого материала: для статей – не более 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами), для иных материалов – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков с пробелами).
- 6 Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, информация об авторе (авторах).
- 7 Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объем аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, объем на английском – 1000 (±100) знаков.

**Поступающие
рукописи проходят
редакционный отбор
и рецензирование.**

**Рукописи,
не соответствующие
редакционным
требованиям
к оформлению,
не рассматриваются.**

- 8 Количество ключевых слов и фраз не менее 10, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 20.
- 9 Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных.
- 10 Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
- 11 Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
- 12 Ссылка на Интернет-ресурс в списке литературы оформляется следующим образом: **Название материала // Название ресурса, на котором размещён материал [Электронный ресурс]. URL <http://www.rapn.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.].**
- 13 Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или факта. Например: [2, с. 5].
- 14 Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5).
- 15 Каждая иллюстрация должна иметь указание на источник происхождения: ссылку на элемент списка литературы, иную ссылку, ссылку на архив автора.
- 16 Рисунки, карты, графики и т. п. принимаются в наиболее распространённых (jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi.
- 17 Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
- 18 Сведения об авторе (авторах) должны включать: Ф. И. О., учёная степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты.
- 19 Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru
- 20 Присылаемому файлу следует присваивать только фамилию автора.
- 21 К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях.

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

Поступающие рукописи проходят редакционный отбор и рецензирование.

Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям к оформлению, не рассматриваются.

Плата за публикацию статей не взимается.

Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

**Замеченные опечатки
в Известиях Восточного Института № 4 за 2015 г.:**

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
92		<i>Отсутствует сноска к заголовку сообщения</i>	<i>Сноска к заголовку сообщения: «К 120-летию начала преподавательской деятельности»</i>
96	10–11 сверху	Милая	Мила
96	15–16 сверху	Меклебург-Шверингии	Мекленбург-Шверингии
97	29 сверху	Народному	народному

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (29) • 2016

Редактор Я. А. Барбенко
Литературный редактор рубрики «Annotated Contents» В. Л. Завьялова
Корректор П. М. Тюрин
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Дальневосточный федераль-
ный университет», 690950 г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

Цена свободная

Дата выхода в свет 11.04.2016.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 7,3. Уч.-изд. л. 9,86.
Тираж 100 экз.
Заказ

Отпечатано в типографии Дирекции публикационной деятельности
Дальневосточного федерального университета,
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Индекс 42398

